

Dpl 2764

LINGUISTICA

SERIES A

STUDIA ET DISSERTATIONES, 17.

**ZUR FRAGE
DER URALISCHEN SCHRIFTSPRACHEN**

Redakteur:

GÁBOR ZAICZ

**ВОПРОСЫ
УРАЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**

Редакция:

ГАБОР ЗАЙЦ

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA NYELVTUDOMÁNYI INTÉZETE
INSTITUTUM LINGUISTICUM ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

1995

MTA Nyelvtudományi Intézet Könyvtára

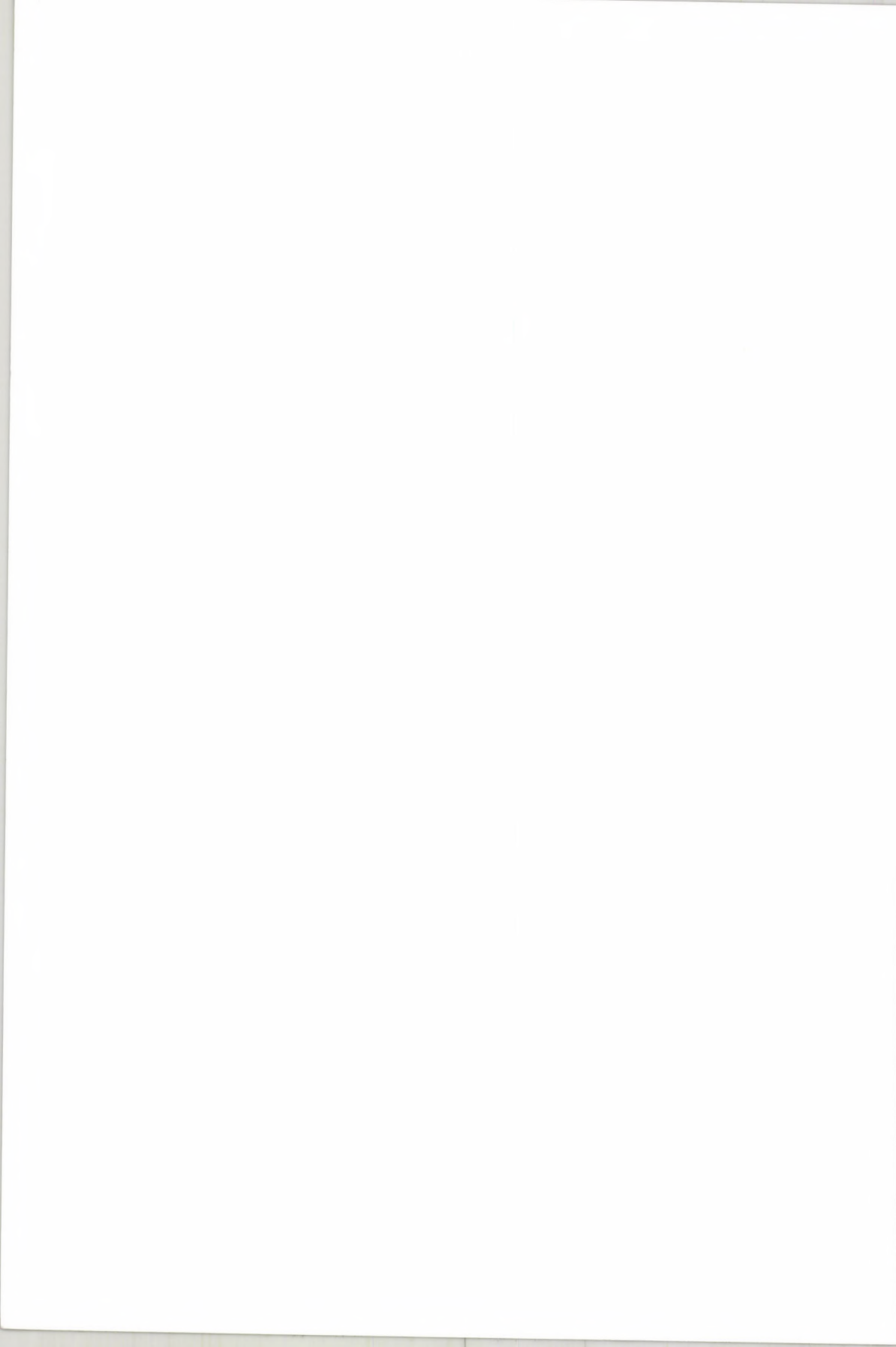
0004492

LINGUISTICA

SERIES A

STUDIA ET DISSERTATIONES, 17.

**ZUR FRAGE DER URALISCHEN SCHRIFTSPRACHEN
ВОПРОСЫ УРАЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**

LINGUISTICA

SERIES A

STUDIA ET DISSERTATIONES, 17.

**ZUR FRAGE
DER URALISCHEN SCHRIFTSPRACHEN**

Redakteur:

GÁBOR ZAICZ

**ВОПРОСЫ
УРАЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**

Редакция:

ГАБОР ЗАЙЦ

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA NYELVTUDOMÁNYI INTÉZETE
INSTITUTUM LINGUISTICUM ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

1995

ISBN 963 8461 86 1
ISSN 0238-8642

© 1995. Az MTA Nyelvtudományi Intézete

Computer typeset by mATEX .

Felelős kiadó: Kiefer Ferenc

Budapest, 1995.

Dpl 2764

A Nyelvtudományi Intézet

Könyvtára

Leltári szám:

26 693/95

VORWORT

Die Sprache der meisten uralischen Völker, die keinen eigenen Staat haben, wird auch unter den neuen historischen Umständen von der Gefahr des Aussterbens innerhalb einiger Generationen bedroht. Diese Gefahr hat vielerlei Ursachen. Zu den sprachlichen kann man z. B. den Umstand rechnen, daß jedes uralische Volk in Rußland die Minderheit in ihren autonomen Republiken und Nationalbezirken bilden. Die oft auf enormem Gebiet, im Meer fremder Sprachen zerstreut lebenden uralischen Sprachverwandten sprechen mit den die Mehrheit bildenden Russen — vor allem in größeren Dörfern und Städten — notwendigerweise russisch, was auch für natürlich gehalten werden kann.

Weniger annehmbar ist aber, daß die Mordwinen, Tscheremissen, Syrjänen, Ostjaken usw. statt in der eigenen Muttersprache bzw. eigenem Mutterdialekt unter einander sehr häufig russisch sprechen, weil all dies zum frühzeitigen Rückgang, sogar zum Aussterben der betreffenden uralischen Sprache führen kann. Sollten die Uralisten, die diese Sprachen als Muttersprache kennen, bzw. die Intelligenz der betreffenden Völker diesem gefährlichen Prozeß, während dessen diese Sprachen im Russischen aufgehen könnten, Einhalt gebieten — oder ihn zumindest verlangsamten — wollen, können sie sich darauf 1995 vielleicht noch eine kleine Hoffnung machen, aber später wohl nie mehr.

Zwischen der beiden Weltkriegen wurden aus sprachlichen — und lassen wir gestehen: auch aus politischen — Gründen bei einer ganzen Reihe uralischer Sprachen zwei oder mehr Schriftsprachen geschaffen, womit nicht nur die sprachlichen Unterschiede dokumentiert wurden, sondern dadurch wurde zugleich die Trennung noch tiefgehender. Gibt es noch

jetzt, in letzter Stunde die Möglichkeit, die relative, wenigstens das Verstehen ermöglichende sprachliche Einheit der über mehrere Schriftsprachen verfügenden uralischen Sprachen wiederherzustellen?

Unter anderem wird wohl diese Problematik die Teilnehmer des Symposions „Zur Frage der uralischen Schriftsprachen“ am 12. August 1995 am 8. Internationalen Finnougristen-Kongreß in Jyväskylä beschäftigen. Im vorliegenden Band sind mit dem erwähnten Fragenkomplex zusammenhängende, im Auftrag geschriebene Meinungen veröffentlicht, die als Ausgangspunkte zur Diskussion am runden Tisch dienen.

Beim Redigieren des Bandes wurden nur Vereinheitlichungen kleinsten Umfangs durchgeführt. Die Reihenfolge der Beiträge weist zugleich auf die Einteilung des Symposions nach Sprachen bzw. Sprachgruppen hin (Lappisch, Mordwinisch, Tscheremissisch, Permisch, Obugrisch, Samojedisch). Der Redakteur dieses Bandes, d. h. der Organisator der Diskussion am runden Tisch hofft darauf, daß die Leser, also die potenziellen Teilnehmer des Symposions an Ort und Stelle bündige und zur Sache gehörende konkrete Beiträge liefern, vor allem zur folgenden Frage: Besteht die Möglichkeit zur Erarbeitung der einheitlichen Literatursprache der betreffenden verwandten Sprache; wenn ja, auf welche Weise könnte es verwirklicht werden? Geehrte Kollegen, vergessen Sie nicht: über diese Problematik können wir an einem Finnougristen-Kongreß das letzte Mal — und vielleicht noch mit Erfolg — aller Wahrscheinlichkeit nach jetzt, im Jahre 1995 reden.

Budapest, den 15. Mai 1995

Gábor Zaicz

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для языка большинства уральских народов, не располагающих собственной государственностью, и в новых исторических условиях существует угроза вымирания в течение одного или нескольких поколений. Она имеет много причин. К собственно языковым причинам относится, например, тот факт, что все без исключения уральские народы России находятся в меньшинстве в местах их проживания (в автономных республиках и национальных округах). Родственные уральские народы, зачастую проживающие на огромных территориях в окружении множества других языков, вынуждены общаться по-русски с находящимися в большинстве русскими, особенно в крупных поселениях. Это можно считать естественным.

Однако мы считаем уже менее естественным тот факт, что часто мордвин с мордвином, мариец с марийцем, коми с коми, хантыец с хантыйцем и т.д. разговаривают по-русски, а не на родном языке (диалекте), поскольку именно это ведет к преждевременному упадку и даже вымиранию уральских языков, о которых сейчас так много говорят. Если ураллисты, владеющие этими языками, как родными, т.е. национальная интеллигенция уральских народов хочет остановить или хотя бы замедлить опасный процесс русификации, сейчас, в 1995 году, возможно, на это еще есть некоторая надежда, но скоро не будет и ее.

По языковым и, надо признать, иногда по политическим причинам для некоторых уральских народов в период между двумя мировыми войнами было создано два или более литературных язы-

ков. Тем самым не только письменно фиксировались языковые различия, но и усиливалась разобщенность диалектов. Есть ли сейчас, в критической ситуации, надежда на то, чтобы создать относительное языковое единство на уровне понимания для уральских народов, имеющих несколько литературных языков?

Вероятно, эта проблематика среди прочих станет основной для участников симпозиума “Вопросы уральских литературных языков”, который состоится 12 августа 1995 года на VIII Международном Конгрессе Финноугроведов в Ювяскюля. Для того, чтобы возбудить дискуссию за круглым столом, в нашем томе мы приводим точки зрения по этому кругу вопросов, подготовленные для текста обращения.

При редактировании этого тома мы стремились лишь к минимально необходимой унификации. Порядок расположения статей следует общему порядку, принятому на симпозиуме (саамский, мордовский, марийский, пермские, обско-угорские, самодийские языки). Редактор тома и организатор круглого стола ожидает от читателей, т.е. от потенциальных участников симпозиума, сжатых и конкретных выступлений прежде всего по следующему вопросу: есть ли возможность для создания единого литературного языка для данного уральского народа, и если есть, какими средствами это можно достичь? Уважаемые коллеги, не забывайте: по существу об этих вопросах сейчас на финно-угорском конгрессе 1995 года мы, возможно, говорим в последний раз.

Будапешт, 15 мая 1995 г.

Габор Зайц

INHALT/СОДЕРЖАНИЕ

<i>Abondolo, Daniel</i> : On the fostering of standard languages, with particular reference to Uralic.....	11
<i>Suhonen, Seppo</i> : Züge der Literatursprachen der kleineren ostsee-finnischen Völker	17
<i>Rydving, Håkan</i> : The Saami literary languages: problems of unification	25
<i>McRobbie-Utasi, Zita</i> : Language planning, literacy and cultural identity: the Skolt Sámi case	31
<i>Заһц, Габор</i> : Сколько языков нужно эрзе и мокше?	41
<i>Keresztes, László</i> : On the question of the Mordvinian literary language.....	47
<i>Gheno, Danilo</i> : „Mordwinisch“ oder „Mokschanisch und Erzanisch“?	57
<i>Bereczki, Gábor</i> : Die aktuellen Fragen der tscheremissischen Spracherneuerung	63
<i>Kokla, Paul</i> : Über die Möglichkeit einer einheitlichen marischen Schriftsprache	71
<i>Saarinen, Sirkka</i> : On the present state of the Mari lexicon	79
<i>Krasilnikov, Aleksey</i> : The transition to Latin script: a project of Udmurt cultural revitalisation	85
<i>Riese, Timothy</i> : Die syrjänische Literatursprache: Entwicklungsweg und Zukunftsperspektiven	89
<i>Добо, Атилла</i> : Язык коми как унифицированный литературный язык.....	99
<i>Kokkonen, Paula</i> : A new era in the Komi vocabulary	105
<i>Редец, Карой</i> : Задачи и возможности хантыйского и мансийского литературных языков.....	113
<i>Николаева, Ирина А.</i> : Обско-угорские народы и литературный язык: личное мнение.....	123

<i>Sauer, Gert</i> : Zur gegenwärtigen Entwicklung der chantischen Sprache	129
<i>Csepregi, Márta</i> : Die Schriftlichkeit im Ostjakischen — Probleme in der Textherausgabe in der Surguter Mundart des Ostjakischen...	135
<i>Künnap, Ago</i> : On the Samoyed standard languages	141
<i>Helimski, Eugene</i> : Nganasan as a literary language — and further reflexions on literary languages.....	149

ON THE FOSTERING OF STANDARD LANGUAGES, WITH PARTICULAR REFERENCE TO URALIC

Daniel Abondolo

London (GB)

0. Introduction

I shall begin by posing a rather naïve question in its baldest form: How is an Eastern Khanty speaker to communicate with a Northern Khanty speaker without using Russian (or English...)?

Apart from *linguae francae* such as Russian and English, there are always pidgins. A pidgin may arise spontaneously alongside existing *paroles* and *parlers*; if its usefulness to its speakers far outweighs its negative (communicational or societal) features, it may, over the generations, creolize and even supplant those varieties. But the present economic and political scene in the area around the Ob' is not likely to allow such a natural growth.

One resorts, therefore, to linguistic engineering. Dreams of such conscious planning usually (despite Dante Alighieri's warnings) entail a search for a compromise variety, one which at least a majority of speakers can agree to use in contact situations. In order for the compromise variety to become a standard, however, economic, political, and cultural circumstances must be favourable.

What is a standard language? A standard (as opposed to literary or *Umgangs-*) language is perhaps best defined negatively, i.e. by the exclusion of features which would characterize an utterance horizontally (geographically, dialectally) or vertically (i.e. in terms of register or any other societal dimension). Such a definition implies that a standard language has only

langue; it has no *parole*. Normally, a standard language arises to fill a communicative need: by virtue of its relative colourlessness, it forms a horizontal and vertical bridge which spans differences which are to be factored out. The need for such a bridge, in turn, arises only in certain situations: these are situations in which centripetal, cohesive social relations exist over a relatively large, relatively heterogeneous area and population; in modern times, in other words, when there is the idea of nation. Since the notion 'nation' is a multiple of many elements, many of which are themselves multiples (allegiance, self-image, belles-lettres, the State), there can be no simple formula by which we can predict or assist the development of such situations.

1. Divergence and diversity within Uralic language(group)s

I have time and space here for no more than a cursory, but I hope illustrative inventory. The difficulty of defining 'a language' as opposed to 'a dialect' in the Uralic family is nothing unique, but it is nonetheless noteworthy (cf. the recent and vigorous Salminen 1993: 27). Divergences within the entities we call Sami, Khanty and Selqup are especially great, but Estonian, Mansi, Nganasan, Enets and Mordva also show considerable variation. In fact, it is difficult to resist proposing a paradoxical principle: *e paucis plures* (the number of dialects a language has is inversely proportional to the number of its speakers). Whatever may be the causes—topography, demography, settlement-patterns stemming from *genre de vie*, political oppression—it is precisely those languages which owing to the small numbers of their speakers are most likely to be abandoned as not 'useful' and thus are most in need of linguistic standardization which are the ones with the greatest internal divergences. At the risk of echoing Herder, I confess to thinking of Selqup here in particular.

1.1. This high degree of diversity means that from the linguistic point of view the best compromise variety is one which hinders mutual comprehension the least. (The following [1.1–1.3.] discussion requires a caveat: We do not know how to measure mutual comprehension, and in fact it is often not certain whether we are dealing in a given case with mutual comprehension or plurilingualism.)

What sorts of divergences cause the greatest hindrance to mutual comprehension? We know that differences called 'phonetic' (compare the British notion of 'accent': Wells 1982: 3) can be overcome, by native speakers at least, with relative ease. This appears to be the case particularly when such differences are the result of splits or mergers. On the other hand, pervasive vowel rotations will lead to radical divergences in lexical distribution; let us think, for example, of the array of vowels in Eastern, Surgut, and Northern

Khanty in the words for 'heart', 'eye', and 'fish scale'. Divergences in syllable structure may also prove daunting, e.g. Erzya Mordva *udalo*, Moksha Mordva *ftalë* 'behind'; suprasegmentals, perhaps less so (e.g. Eastern Mari *avavél*, Western Mari *ävável* 'stepmother').

1.2. The lexical and syntactic planes seem to present fewer difficulties. Lexical differences seem to hinder mutual comprehension relatively little; perhaps there is no practical limit to the brain's capacity for the storage of form/meaning correspondences. (N.B.: it is often maintained that standard languages revel in the richness which synonyms provide, e.g. Finnish *kesä/suvi* 'summer', Hungarian *kukorica/tengeri* 'maize'; in such a spirit, could one perhaps countenance BOTH Eastern Mari *tamgá* AND Western Mari *pätmä* 'spot, stain', say, in an idealized 'standard Mari'? The question is a rhetorical one; I will answer it with another question, one to which I do not know the answer: do the works of Maksim Beban and Kuzma Abramov, respectively Moksha and Erzya authors, enjoy an overlapping audience?)

It must also be remembered in connection with lexicon and syntax that a key role is played by subject-matter and register. The question as I have framed it at the beginning of this paper is naïve because it does not ask what our theoretical Eastern and Northern Khanty speakers want to talk about, and in what kind of social context. Talk about phratries or fishing is more likely to draw on Khanty-specific vocabulary than talk about international trade. Such Khanty-specific lexical items will be relatively homogeneous across the dialects (but their phonetic differences will be concomitantly greater).

1.3. I have left morphology for last. On the morphological level, the chief obstacle to standardization is abundance. I am thinking here not of simple correspondences such as Erzya/Moksha *-m/-žë* 'POSS 1SG' or *-ž/-f* 'PT PTCPL'. Rather, I fear that one might fall into the trap of asking questions such as: What is a 'compromise' number of cases for a Khanty noun? Should an ideal 'compromise' form of Sami distinguish dual from plural forms? These and similar questions lead not to answers, but to even more difficult questions. For linguistic theory at its most abstract, such questions are not sterile; I doubt, however, that work with them will lead the way to a successful standard language for Khanty or Sami speakers.

Linguistically, the varieties of Mordva might just be reconcilable into one standard; but this probably has more to do with the settlement pattern of Erzya and Moksha speakers, the interrelatedness and overlap of the dialects, and multilingualism than with phonological or morphological isoglosses.

Where varieties diverge strongly, the canonization of more than one 'standard' might seem to be indicated, but then there is the danger that

importance attributed to differences between the two (or three) varieties could polarize subdivisions ('Macedonian principle') and under unfavourable circumstances could contribute to an even further reduction in the numbers of potential speakers, a consequence which Uralic-speaking groups cannot afford.

2. Script

With regard to script, the first question must be whether one is to retain or abandon the use of Cyrillic. The phonologies of some Uralic languages are suited to the Cyrillic model, particularly those with a widespread correlation of palatalization (Mordva, Nenets). Others are less well served, particularly those with rich vowel (Eastern Khanty, Selkup) or sibilant-and-affricate inventories (Permian). If Cyrillic on the other hand is to be retained, it might be useful in some cases to reform it somewhat. The needless discrepancies between Komi and Udmurt orthography might as well continue to exist (despite the asymmetries in the representation of palatalization in the latter), but the unnecessary differences between Erzya and Moksha spelling (e.g. Erzya кедть, Moksha кятть 'hands' with equivalent *Auslate*) could be harmonized. Vowel length (or fullness), where distinctive, can be easily indicated by letter-doubling. Productive but complex and dialectally varied morphophonemic alternations (such as voicing of suffix-initial consonants in Mordva) are perhaps best not indicated in any orthography. If the Latin alphabet is to be (re)introduced, several language-extrinsic matters arise: these include political and cultural implications (let us think of Trans-Dniestrans Moldova), pedagogical considerations (diacritics? digraphs?), costs of conversion, and software.

3. Purpose

What is the aim behind the question, however framed, to which we are responding at this symposium? If the aim is to foster the use of languages which are seen as endangered, it is perhaps misguided. Linguistics, I fear, can—and therefore should—offer nothing other than practical assistance (particularly with regard to script and other, relatively conscious, uses of language) and even this *only once the development of a standard is already underway*. Of course this is only an opinion; for a few others, see Hale et al. 1992, Ladefoged 1992, and Janhunen 1991.

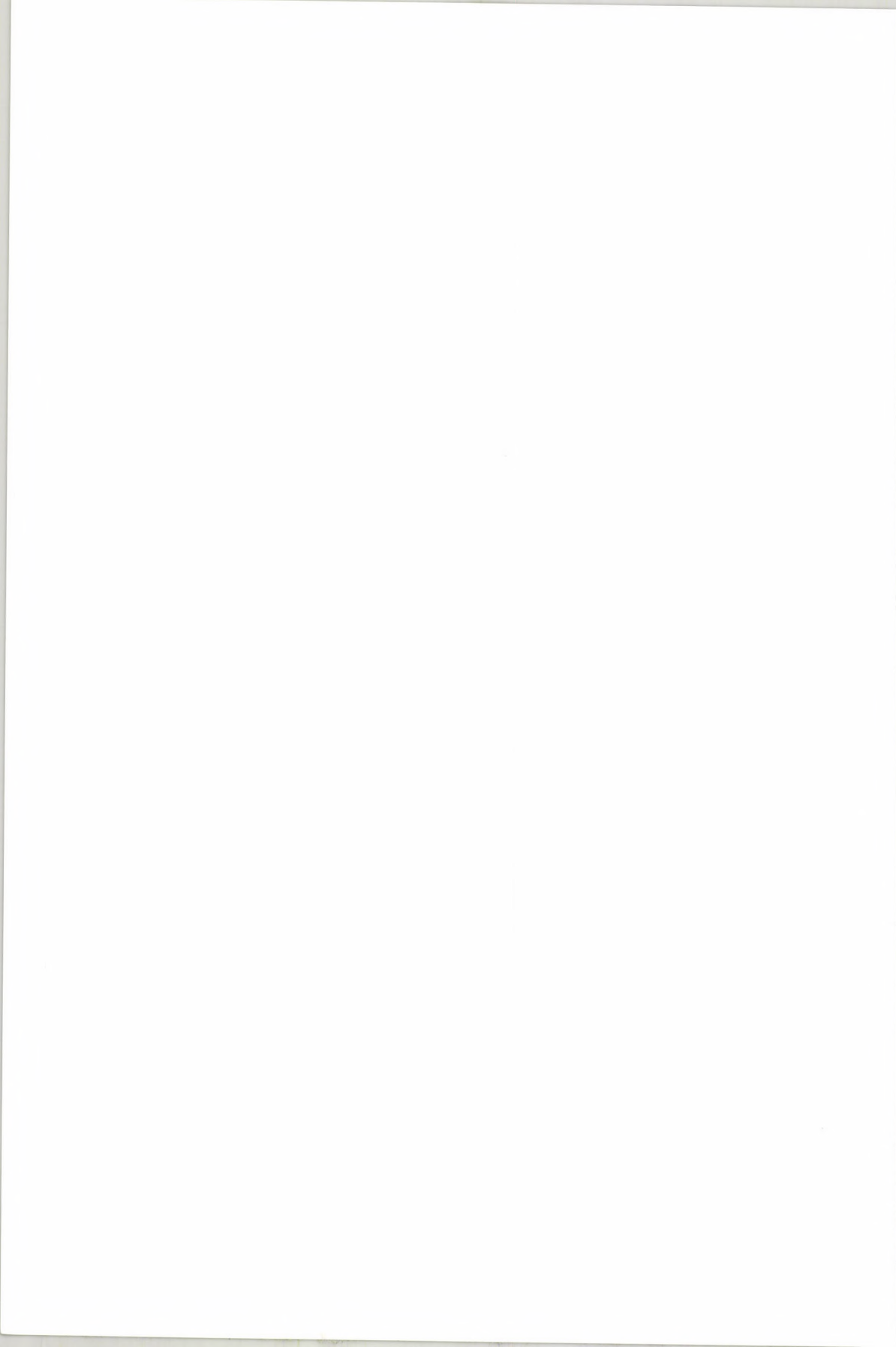
References

- Hale, Ken, et al. 1992. Endangered languages. *Language* 68: 1–42.
- Janhunen, J. 1991. Ethnic death and survival in the Soviet North. *Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja* 83: 111–22.
- Ladefoged, P. 1992. Another view of endangered languages. *Language* 68: 809–11.
- Salminen, T. 1993. Uralilaiset kielet maailman kielten joukossa. Uralilaiset kielet tänään. Mikko Korhosen Muistosymposiumin 14.10.1992 esitelmät, ed. T. Salminen. Kuopio: Snellman-instituuti (A-sarja, 13). 24–30.
- Wells, J.C. 1982. *Accents of English 1. An introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

О создании литературных языков (преимущественно применительно к уральским языкам)

0. Общий язык: несколько мыслей.
1. Расхождение и различие: языковое разнообразие уральских языков (ветвей). Парадоксальный принцип *e paucis plures* (мало людей \supset много диалектов). Причины расхождения: малочисленность, территориальная разобщенность. Политика. Типы различия:
 - 1.1. фонетика, фонология;
 - 1.2. синтаксис и словарный состав, синонимика. Общественный контекст; сюжет;
 - 1.3. морфология; сопоставление с английским (китайским) языком: ложный путь. Различия: письмо; численность говорящих; в уральских языках огромная роль морфологии.
2. Письмо: кириллица, латинское письмо; software.
3. Каковы наши цели (ясные, подсознательные)? Роль языкознания.

Дэниел Абондоло

ZÜGE DER LITERATURSPRACHEN DER KLEINEREN OSTSEEFINNISCHEN VÖLKER

Seppo Suhonen

Helsinki (FIN)

1. Karelisch

Bei den meisten kleineren ostseefinnischen Völkern waren die dreißiger Jahre dieses Jahrhunderts die Blütezeit der eigensprachlichen Literatur, und für diese Periode waren zugleich die Nationalbestrebungen, die sog. Stammesbewegungen charakteristisch. Bei den Kareliern gehen jedoch die Wurzeln ihrer Literatur sehr weit in die Geschichte zurück.

Die ältesten handschriftlichen Proben der karelischen Sprache stammen schon aus der Zeit der sog. Novgoroder Birkenrindeninschriften, unter denen es auch mindestens einen ostseefinnischen (karelischen) Text gibt, der aus dem 13. Jahrhundert datiert. Karelisch oder auf einer karelischen Variante basierendes Finnisch erschien am frühesten wahrscheinlich in Sebastian Münsters erstmalig 1544 in Basel gedruckter *Cosmographia*.

Die ersten Versuche zum Schaffen der eigenen Literatursprache für die Karelier, soviel man weiß, gab es schon im 16. Jh. Der holländische Kaufmann Simon von Salingen reiste 1566–68 in Karelien umher, und nach seinen Reiseerinnerungen sei er einem russischen Philosophen namens Feodor Zidenowa begegnet, der ihm das karelische Alphabet sowie seine karelische Übersetzungen gezeigt habe. Diese Übersetzungen seien die Schrift (d.h. Heilige Schrift, also die Bibel), das Glaubensbekenntnis und das Vaterunser gewesen. Dieses Zeugnis würde bedeuten, daß die karelische Schriftsprache

nur einige Jahrzehnte jünger als die finnische wäre. Außer dem erwähnten Reisebericht gibt es leider keine anderen Belege von diesen Schriften. Aus dem 17. Jahrhundert ist als einziges Denkmal nur das Manuskript eines karelischen Wörterverzeichnisses von 72 Wörtern bekannt. Das vermutlich erste *gedruckte* Verzeichnis karelischer Wörter blieb aus dem 18. Jahrhundert erhalten, nämlich im bekannten "Vergleichenden Wörterbuch aller Sprachen der ganzen Welt" von P.S. Pallas (1786–89 herausgegeben; der ursprüngliche Titel: *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. — Sectio prima: Linguae Europae et Asiae*); dieses Werk umfaßt unter den zweihundert aufgenommenen Sprachen auch zwei karelische Sprachvarianten, u.zw. das Karelische und das Olonetzische. Dieses Wörterverzeichnis mit 285 Wörtern ist zugleich der älteste gedruckte Wortschatz der karelischen Sprache.

Von diesem sogenannten Wörterbuch Katharinas erschien 1790–91 eine zweite Ausgabe, die Julius Klaproth offenbar in seiner *Asia Polyglotta* (1823 in Paris gedruckt) als Quelle für die Wörter aus dem Karelischen und dem Olonetzischen benutzt hat. Die Anzahl der karelischen Entsprechungen für deutsche Wörter in Klaproths Wörterverzeichnis beläuft sich auf 319, die der olonetzischen auf 200, und leider sind nicht alle von ihm veröffentlichten Wörter in einer zuverlässig transkribierten Form weitergegeben.

Schon der Versuch von Feodor Zidenowa beruhte offenbar auf den missionarischen Bestrebungen der orthodoxen Kirche. Auch später während der Zarenzeit beschäftigte sich die Kirche insbesondere mit der Herausgabe der ins Karelische übersetzten religiösen Literatur, und eine speziell wichtige Rolle spielte dabei die i.J. 1865 gegründete Russische Orthodoxe Missionsgesellschaft. Damit verknüpften sich auch die Versuche der Herrschenden, die karelische Bevölkerung zum Lernen des Russischen zu zwingen.

Die ersten uns bekannten Werke in echter karelischer Sprache stammen vom Anfang des 19. Jahrhunderts. Im Jahre 1804 erschienen in St. Petersburg zwei „Übersetzungen einiger Gebete und eines kurzen Katechismus“: die eine ins Karelische und die andere ins Olonetzische. In beiden werden am Anfang auf 10 Seiten einige Themen aus dem Elementarunterricht behandelt.

Eine bemerkenswerte Errungenschaft war das Erscheinen des Evangeliums Matthäi auf karelisch 1820, gedruckt wurden 2000 Exemplare auf Kosten der Russischen Bibelgesellschaft. Dieses Werk konnte unter dem Volk nicht allzu große Benutzung erreichen, weil die Karelier damals noch ganz allgemein Analphabeten waren. Dagegen soll es mindestens im Priesterseminar von Petrosawodsk (finnisch Petroskoi) als Lehrbuch benutzt worden sein, aber auch dort nur bis 1872: von diesem Zeitpunkt an wurde der Unterricht im Karelischen als überflüssig betrachtet. Doch war die Matthäus-

Übersetzung auch in dem Sinne beachtenswert, daß ihr Erscheinen wenigstens vorübergehend das Interesse der finnischen Forscher für die karelische Sprache erregte.

Nach den angeführten Evangelienübersetzungen waren die folgenden karelischsprachigen Bücher in den sechziger Jahren des vorigen Jahrhunderts die Neuauflagen der genannten Übersetzungen, revidiert von F.J. Wiedemann, 112 Seiten. Diese kleine Ausgabe von nur 250 Exemplaren mag vielleicht nie für den Gebrauch des Volkes gedacht gewesen sein.

Nach der russischen Revolution war man bestrebt, die karelische Literatur herauszugeben, um das Analphabetentum zu beseitigen, die Volksbildung zu erhöhen und die politische Propaganda zu verstärken.

In diesem Jahrhundert ist ziemlich viel karelische Literatur herausgegeben worden. Einer der Herausgeber war die in Finnland begründete Orthodoxe Karelische Bruderschaft von St. Georg (auf finnisch: Oikeauskoinen Karjalainen Pyhän Yrjön veljeskunta). Ihre Veröffentlichungen wurden teilweise in Petrosawodsk, teilweise in Viipuri (Wiborg) gedruckt. Bis zum Jahr 1914 konnte die Bruderschaft in Wiborg mehr als 30 Druckwerke (hauptsächlich Übersetzungen der Evangelien u.dgl.) herausgeben, die umfangreichsten umfaßten ca. 70 Seiten. Sie alle waren zweisprachig, so daß die Bruderschaft merkwürdigerweise auch gewisse Russifizierungstendenzen zeigte, obgleich sie ursprünglich zu Missionszwecken begründet war.

Erst in den letzten Jahren hat die Schaffung einer neuen Literatursprache auf nationaler Grundlage wieder begonnen. Es gibt heute die Möglichkeit, in mehreren Schulen der Republik Karelrien Karelisch zu lernen. Es sind in den letzten Jahren mehrere Bücher auf karelisch insbesondere in Petroskoi publiziert worden, z. B. eine Schulbibel von L. Markianova und Z. Dubrovina (olonetzisch, 1990), ein Lehrbuch der Phonetik der olonetzischen Mundart von L. Markianova (1992), eine Chrestomathie der karelischen Folklore für die karelischen Schulen von A.S. Stepanova (1991), eine Chrestomathie für die 2. Klasse und eine Grammatik von Pekka Zaikov auf weißmeerkarelisch (1992) und eine Übersetzung des Evangeliums nach Markus von Vladimir Rjagoev (olonetzisch, 1993). Mehrere Produkte der Belletristik wie eine Sammlung der karelischen Gedichte von Vladimir Brendojev (1991) und eine Gedichtsammlung von Paaavo Lukin (1990) sind erschienen. Es gibt auch eine Schulbibel von M.M. Orlov für die Twer-Karelrier (Vammala [Finnland] 1992).

2. Wepsisch

Für die Wepsen wurde 1931 eine Schriftsprache entwickelt. Das Alphabet bestand aus 28 Buchstaben, die auf dem lateinischen Alphabet basierten. Als Grundlage des Alphabets diente der mittelwepsische Dialekt. 1936

wurde zwar der Entschluß gefaßt, dem wepsischen Alphabet die Kyrillischen Schriftzeichen zugrunde zu legen, aber dieser Plan wurde nicht verwirklicht, weil jeglicher Unterricht des Wepsischen 1937 eingestellt wurde. Der radikale Wandel in der damaligen sowjetischen Nationalitätenpolitik brachte großen Schaden für die Kulturentwicklung der ethnischen Minderheiten mit sich.

1932 wurde das Komitee für ein neues Alphabet gegründet und ihm noch Kommissionen für das Wepsische und das Ingrische unterstellt. Die wepsische Kommission leistete eine große Arbeit, um Lehrbücher für die Elementarschulen zu schreiben und zu übersetzen, die Orthographie und Terminologie des Wepsischen auszuarbeiten und Material für ein Wörterbuch der wepsischen Sprache zu sammeln. In kurzer Zeit wurde unter der Leitung von M.M. Hämäläinen eine kleine Gruppe von wepsischkundigen Enthusiasten gebildet, die sich der Ausarbeitung und Übersetzung der Schulbücher für die wepsischen Elementarschulen annahm. Schon im November 1932 konnten die Wepsen das erste muttersprachliche Buch, das erste Abc und Lesebuch der Wepsen, in die Hand nehmen, und bis 1934 wurden alle Elementarschulen ganz mit muttersprachlichen Lehrbüchern versorgt. In den Jahren 1932–33 gab es im Leningrader Bezirk 49 wepsischsprachige Elementarschulen und 5 mittelstufige Schulen. Im nördlichsten weißmeerwepsischen Gebiet begann der muttersprachliche Unterricht erst Anfang 1937 und dauerte nur zwei Monate.

In den dreißiger Jahren haben zur Schaffung und Entwicklung der wepsischen Schriftsprache eben der Sprachforscher Matti Hämäläinen (der auch Dozent an der Leningrader Universität war; 1988 gestorben) und die wepsischen Gelehrten Fjodor Andrejev und Nikolai Bogdanov (1959 gestorben) am meisten beigetragen. Im Zeitabschnitt 1932–37 erschienen ca. 30 Bücher auf wepsisch.

Der wepsischsprachige Unterricht dauerte nicht lange Zeit, aber gerade in dieser Periode begann das nationale Selbstgefühl der Wepsen zu erwachen. In diesen Jahren wurde auch der Grund für die Erforschung der wepsischen Sprache und Kultur geschaffen. Eben in den 30er Jahren unternahmen die sowjetischen Forscher ihre ersten Expeditionen zu den Wepsen.

Auch für die wepsische Schriftsprache ist derzeit eine neue Entwicklungsphase in vollem Gange. Die erste Schulbibel, das erste Lesebuch von Nina Zaitseva und Maria Mullonen (Petroskoi 1991) und eine Übersetzung des Evangeliums nach Johannes von N. Zaitseva (1993) sind schon erschienen, alle mit lateinischen Schriftzeichen. Als Grundlage der Schriftsprache dient der mittelwepsische Dialekt wie vor dem Krieg, aber auch eine Grammatik für die nördlichen wepsischen Dialekte wird bald vorliegen. Von den lateinischen Buchstaben wurde schon früher u.a. in den folkloristischen Auf-

zeichnungen und in einigen Wörterbüchern Gebrauch gemacht. Auch im neuen karelischen Alphabet hat man sich für das lateinische Alphabet entschieden.

3. Ingrisch

Auch die Ingrier hatten eine eigene Schriftsprache, und in den Jahren 1932–37 sind mindestens 25 Werke in dieser Sprache herausgegeben worden, hauptsächlich Schulbücher sowie eine Grammatik und ein Wörterbuch des Ingrischen, weiterhin Lesebücher, naturkundliche, geographische und arithmetische Lehrbücher (meistens Übersetzungen aus dem Russischen) wie zum Beispiel:

- Lukukirja inkeroisia oppikoteja vart. Toiseel oppivuuvveel [Lesebuch für ingrische Schulen. Zweites Studienjahr] von V.J. Junus (Leningrad 1933, 71 S.).
- Lukukirja inkeroisia oppikoteja vart. Kolmas oppivuus. Vennäen kiilest käännetty [Lesebuch für ingrische Schulen. Drittes Studienjahr. Aus dem Russischen übersetzt] von S.M. Brailovskaja und M.A. Rybnikova (Leningrad 1933, 64 S.).
- Lukukirja inkeroisia oppikoteja vart. Neljäs klassa [Lesebuch für ingrische Schulen. Vierte Klasse] von V. Junus (Leningrad 1934, 112 S.). — Dieses Buch enthält z. B. Proben der finnischen Schriftsteller Kaarlo Kramsu, Juhani Aho, Larin Kyösti und Minna Canth.
- Luunnontiito alkuoppia vart. III oppivuus [Naturkunde für Elementarstudien. Drittes Studienjahr] von V.A. Tetjrev (Leningrad 1933, 71 S.).
- Luunnontiito. Oppikirja alkuoppia vart. Neljäs oppivuus [Naturkunde. Lehrbuch für Elementarstudien. Viertes Studienjahr] von V.A. Tetyrev (Leningrad 1934, 104 S.).
- Maantiito. Oppikirja inkeroisia alkuoppikoteja vart. Ensimmäin osa. III oppivuus [Geographie. Lehrbuch für ingrische Elementarschulen. Erster Teil. Drittes Studienjahr] von L.G. Terehova und V.G. Erdeli (Leningrad 1934, 75 S.).
- Arifmetikka kirja alkua oppia vart. I osa. Inkeroin kiilel kirjutti N. Molotsova [Buch der Arithmetik für Elementarstudien. Erster Teil. Ingrische Fassung von N. Molotsova] (Leningrad 1933, 70 S.).
- Arifmetikan oppikirja alkuoppia vart. II osa. Toin oppivuus [Lehrbuch der Arithmetik für Elementarschulen. Zweiter Teil. Zweites Lehrjahr] von N.S. Popova (Leningrad 1934, 69 S.).
- Arifmetikan oppikirja alkuoppia vart. III osa. 3. ja 4. oppivuus [Lehrbuch der Arithmetik für Elementarschulen. Dritter Teil. Drittes und viertes Studienjahr] von N.S. Popova (Leningrad 1934, 71 S.).
- Kokohus arifmettisia reknatuksia ja esimerkkilöjä. II. osa. 4. oppivuus [Sammlung arithmetischer Rechnungen und Beispiele. Zweiter Teil. Viertes Studienjahr] von N.S. Popova (Leningrad 1934, 71 S.).

4. Livisch

Die ersten livischen Bücher waren die 1863 herausgegebenen Übersetzungen des Evangeliums Matthäi in dem östlichen und westlichen Dialekt, in der Orthographie von A.J. Sjögren und F.J. Wiedemann. Die eigentliche livischsprachige Literatur entwickelte sich zwischen dem ersten und zweiten

Weltkrieg, zur Zeit des livischen nationalen Erwachens. In dieser Zeitspanne wurden ca. 50 livische Veröffentlichungen publiziert. Die wichtigsten von diesen sind die in 1920–25 in Estland von Lauri Kettunen, Oskar Loorits und August Skadiń zusammengestellten 5 Lesebüchlein in livischer Sprache, Kleiner Katechismus (von Edgar Vaalgamaa übersetzt, Helsinki 1936), Geistliches Liederbuch der Liven (zusammengestellt von Karl Stalte, Helsinki 1939, 106 Lieder), Neues Testament (von Karl Stalte übersetzt, Helsinki 1942) und die folgenden Liederbücher: Livische Lieder von Karl Stalte (1924 in Tallinn; 28 Gedichte), Lieder in livischer Sprache von Karl Stalte (1929 in Helsinki), Lieder in livischer Sprache II (1933). Das von Pēter Damberg redigierte und 1935 herausgegebene muttersprachliche Lesebuch für Schule und Haus konnte vor dem Weltkrieg noch als Lehrbuch bei den Liven verwendet werden. In den Jahren 1931–39 erschien die muttersprachliche Zeitung Līvli. Die Zeitung erschien monatlich in einer 4-seitigen, 2-spaltigen vervielfältigten Ausgabe. Sie wurde den Liven kostenlos zugeschickt. Eine Zeitung unter demselben Titel wird auch heutzutage in der lettischen und eine andere in der livischen Sprache herausgegeben.

Mehrere von diesen Veröffentlichungen wurden mit finnischer Unterstützung herausgegeben.

Die Entwicklung der muttersprachlichen Literatur bei den kleineren ostseefinnischen Völkern ist entweder mit den Bestrebungen der weltlichen oder kirchlichen Verwaltung oder mit der Erhebung des nationalen Bewußtseins verknüpft. Am deutlichsten auf nationalem Boden bildete sich die livische Literatur. Dagegen hat sich bei den Woten wohl nie eine spezielle nationale Identität und so auch keine eigene Schriftsprache entwickelt.

Периоды развития литературных языков малых прибалтийско-финских народов

Старейшие образцы рукописей *карельского языка* принадлежат к тому времени, когда еще не существовало карельского алфавита. Имеется ввиду Новгородская берестяная грамота 1200-х годов. Как известно, в первый раз попытались создать карелам свой язык уже в 1500-е годы. Эта попытка монаха Федора Чудинова основывалась, очевидно, на миссионерских стремлениях православной церкви. И позднее, в царское время, именно церковь занималась изданием карелоязычной религиозной литературы, и особо важной была роль Православного миссионерского общества, основанного в 1865 году. Это было связано со стремлениями властей научить карельское население русскому языку. Важным событием стало издание Евангелия от Матвея на карельском языке в

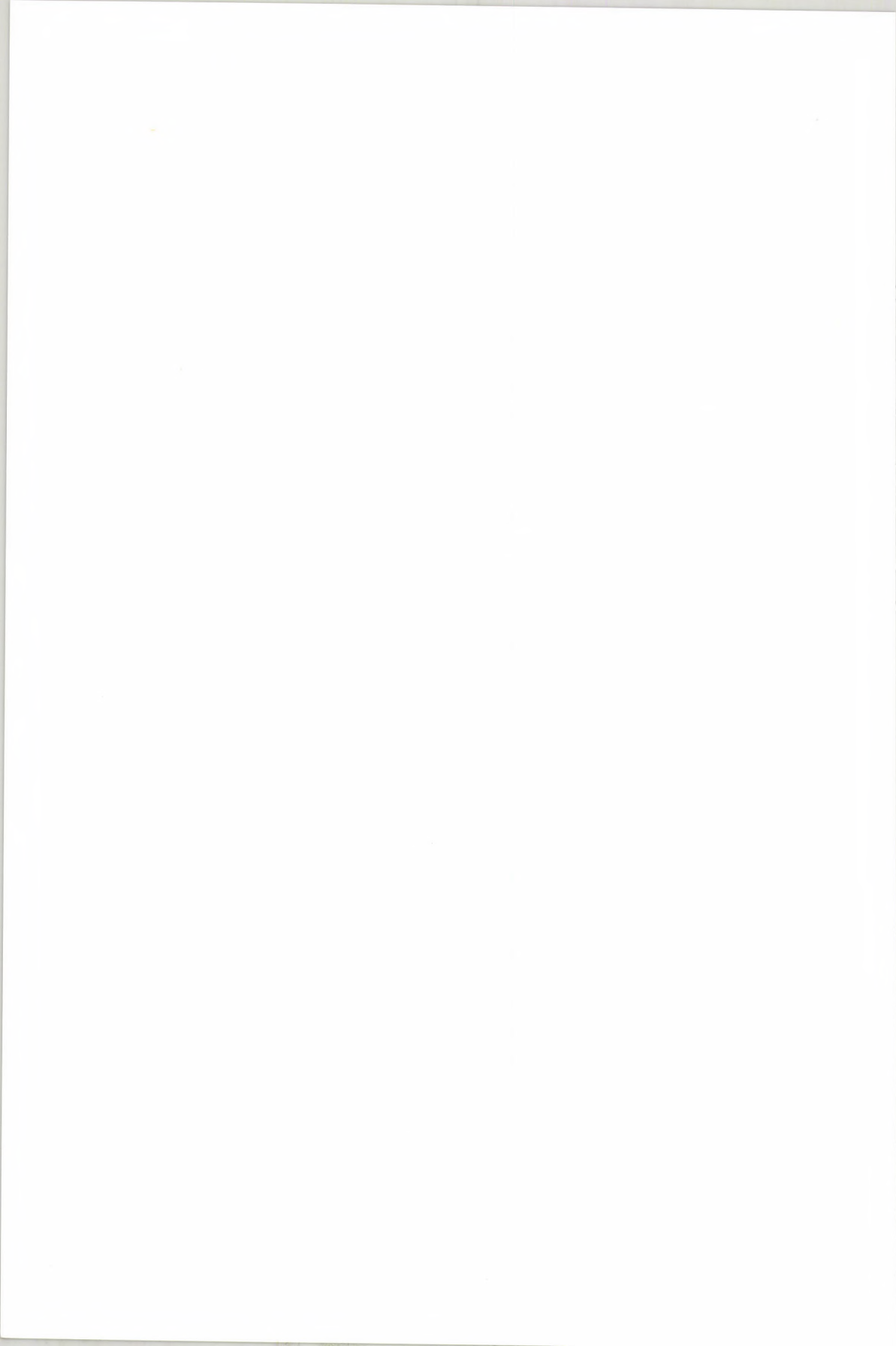
1820 году. После революции в России карелоязычная литература создавалась с целью ликвидации безграмотности, повышения просветительского уровня народа и эффективной политической пропаганды. В начале 30-х годов были созданы как тверский карельский язык, так и общекарельский литературный язык, издавались главным образом учебники для школ. Этот подъем карельской литературы прервался по предписанию Сталина в конце 30-х годов. В последние годы начато создание нового литературного языка на национальной основе. Издана олонечкая азбука (1990), грамматика и книга для чтения на северном (беломорском) диалекте (1992), азбука тверского карельского языка (1992), а также выходит художественная литература и газета на родном языке.

Вепский литературный язык был создан в 1931 году. В 1932–1937 годы на вепском языке вышло примерно 30 книг, в числе которых — азбука, книга для чтения и словарь. Новый период развития вепского литературного языка продолжается в настоящее время, вышли из печати азбука и книга для чтения (1991), издается газета на родном языке.

У ижоров также был свой литературный язык, в 1933–1937 годы на этом языке появились 25 книг, в основном, школьные учебники, грамматика и книга для чтения.

Первыми книгами *на ливском языке* были переводы Евангелия от Матвея, изданные в 1963 году на восточном и западном диалектах. Официальная ливская литература получила свое развитие в период между первой и второй мировой войной, который явился периодом национального пробуждения ливов. Тогда вышло примерно 50 изданий на ливском языке. В 1931–1939 году выходила и газета на ливском языке, в 1920–1925 годы в Эстонии издана книга для чтения. Книгу для чтения, изданную в 1935 году, успели использовать как учебник для ливов в конце 30-х годов. Новый Завет на ливском языке появился в 1937 году, а книга духовных песен — в 1939 году. В прошлом году снова начат выпуск газеты на своем языке.

Развитие литературы на родном языке у малых прибалтийско-финских народов было связано либо со стремлениями светской или духовной власти, либо с подъемом национального самосознания. В ливскоязычной литературе наиболее ярко проявляется национальная основа. Вотский же язык не получил своего развития.

THE SAAMI LITERARY LANGUAGES: PROBLEMS OF UNIFICATION

Håkan Rydving

Uppsala (S)

Though the Saami (Lappish) population only amounts to about 50.000–70.000 people, of which perhaps 40–50% speak Saami, it has not been possible to agree on a common orthography. There are in fact no less than six Saami literary languages: South (S.), Lule (L.), North (N.), Inari (I.), Skolt (Sk.) and Kildin (Kld.) Saami. Five of these (S., L., N., I. and Sk.) use the Latin alphabet and one (Kld.) the Cyrillic alphabet. All the orthographies use special letters and diacritic marks not found in English or Russian. The phonological differences between the Saami dialects are considerable. However, since the six literary languages are based on different principles, texts written in them look more different than the extent to which the six dialects they are based on differ linguistically. The number of graphemes differs, as well as the functions of many of the graphemes; <o> is used for /o/ in N., I., Sk. and Kld., but for /u/ in S. and /uo/ in L.; <kk> represents /^hk/ in Sk., but /k^h/ in I. and /k:/ in L. and N., etc. In these few pages it is not possible to go into detail. I can only give a few examples to illustrate the different principles the orthographies are built on. When a transcription is necessary, I use a rough IPA transcription.

1. Vowels

1.1. Quality

The following synthesis shows the vowel graphemes for short monophthongs in stressed syllables. As in Russian, the vowel graphemes in Kld. indicate the quality of the vowel as well as how the preceding consonant is pronounced.

S.					L.				N.			
	o	ĩ	u	y	i	u		i	u		e	i
	á		e			á	e			o		e
			ã ¹ /æ ²			a				a	á	
			â	a								
I.						Sk.			Kld.			
	u				i	u		i	yo ³ /y ⁵	ɤ		u ¹
		o	e				o	õ	ẽ ³ /o ⁵		e ³ /ẽ ⁴ /ɛ ⁵	
		a	á				á	â	ɶ ³ /ã ⁴ /a ⁵			
							a	ä				

The number of diphthongs differs as well. For example, L. and N. have only four diphthongs (<uo>, <oa>, <ie> and <ä> [L.] / <ea> [N.]), S. has nine (<oe>, <åa>, <åe>, <æe>, <ea>, <ua>, <ue>, <yö> and <ie>) and Sk. twelve (<uõ>, <uã>, <uä>, <uâ>, <ue>, <ui>, <eä>, <eâ>, <iõ>, <iä>, <iâ> and <ie>).

1.2. Quantity

Long vowels are marked by a doubling of the vowel grapheme (/e/ ~ /e:/: <e> ~ <ee>) in S., I. and Sk., by a line above the grapheme <e> ~ <ē>) in Kld., but are left unmarked in L. (except for /a/ ~ /a:/: <a> ~ <á>) and N. (<e> ~ <é>).

2. Consonants

2.1. Quality

The fricatives <f> (Kld.: <ϕ>), <v> (<В>), <s> (<С>), <j> (<Й>) and <h> (<'>), the liquids <l> (<Л>) and <r> (<Р>) and the nasals <m> (<М>) and <n> (<Н>) are found in all six dialects and orthographies (in N., S., I. and Sk. /j/ is written <i> before a consonant). The same is

Notes:¹ = in Sweden; ² = in Norway; ³ = in medial position after palatal consonant; in initial position and after vowel, ь or ъ → [j] + vowel; ⁴ = after neutral /d/, /t/ or /n/; ⁵ = after velar consonant.

true for /ŋ/, written <ng> in S., <ń> in L., <ŋ> in N., I. and Sk. and <ŋ> in Kld., and also for /ʃ/, written <sj> in S. and L., <š> in N., I. and Sk. and <ш> in Kld. The following fricatives, liquids and nasals are only found in some of the dialects: /ð/ in N., I. and Sk.: <đ>; /θ/ in N.: <t>; /z/ in Sk. <z> and in Kld. <з>; /ʒ/ in Sk. <ž> and in Kld. <ж>; /ɣ/ in Sk. <g>; /ʎ/ in N. <lj> and Sk. <llj>; and /ɲ/ in S., L., N., I. and Sk. <nj>. The number of stops and affricates varies.

	S.	L.	N.	I	Sk.	Kld.
stops						
labial	<i>b, p</i>	<i>b, p</i>	<i>b, p</i>	<i>b, p</i>	<i>b, p</i>	<i>б, п</i>
pal. dental	—	<i>dj, -</i>	<i>dj, -</i>	—	—	—
dental	<i>d, t</i>	<i>d, t</i>	<i>d, t</i>	<i>d, t</i>	<i>d, t</i>	<i>д, т</i>
palatal	—	—	—	—	<i>ǰ, ǰ̃</i>	—
velar	<i>g, k</i>	<i>g, k</i>	<i>g, k</i>	<i>g, k</i>	<i>g, k</i>	<i>з, к</i>
affricates						
dental	—, <i>ts</i>	—, <i>ts</i>	<i>z, c</i>	<i>z, c</i>	<i>ʒ, c</i>	<i>дз, ц</i>
palatal	—, <i>tj</i>	—, <i>tj</i>	<i>ž, č</i>	<i>ž, č</i>	<i>ǰ, č̃</i>	<i>дж, ч</i>

It should be noted that <z> and <ž> are the graphemes for the affricates /dz/ and /dʒ/ in N. and I., but for the fricatives /z/ and /ʒ/ in Sk., where <з> and <ж> are used for the affricates /dz/ and /dʒ/.

2.1.1. voiced vs. unvoiced

Unvoiced liquids and nasals (not found in L., I. and Sk.) are marked with an <h> in S. and N. It is placed after the grapheme used for the voiced variant in S. (<jh>, <lh>, <rh>, <mh>, <nh> and <ngh>), but before it in N. (<hj>, <hl>, <hr>, <hm> and <hn>). In Kld., the diacritic sign <̣> is used (<ћ̣>, <л̣>, <р̣>, <м̣> and <н̣>).

The single stops and affricates are unvoiced in all dialects except S. and Kld. In S. <p>, <t>, <k>, <ts>, <tj> are unvoiced, and , <d>, <g> voiced; in Kld. <п>, <т>, <к>, <ц>, <ч> are unvoiced and <б>, <д>, <г> voiced.

There are no voiced geminates of stops in S. (except for <dd> in the southern dialects), I., Sk. and Kld. The unvoiced (unaspirated) geminates are in S. and Kld. written <bp>, <dt>, <gk> (Kld.: <бп>, <дт>, <дк>), in I. and Sk. <bb>, <dd>, <gg>. In L. and N. there is an opposition between voiced and unvoiced (unaspirated) geminates. The voiced geminates are written <bb>, <dd>, <gg>, the unvoiced ones <pp>, <tt>, <kk>.

The unvoiced (unaspirated) geminates of affricates are written < dts >, < dtj > in S. All the other dialects have an opposition between voiced and unvoiced geminates of affricates:

	L.	N.	I.	Sk.	Kld.
dental	<i>dts, tts</i>	<i>zz, cc</i>	<i>zz, cc</i>	<i>ʒʒ, cc</i>	<i>ɖɖ, ɥɥ</i>
palatal	<i>dtj, ttj</i>	<i>žž, čč</i>	<i>žž, čč</i>	<i>ʒʒ, čč</i>	<i>ɖɖ, ɥɥ</i>

2.1.2. pre- and postaspiration

The opposition non-aspirated ~ aspirated is for short unvoiced stops and affricates written in the following way:

In S., < p >, < t >, < k > have postaspiration in initial position, but no aspiration in medial position.

In the groups:

< p >, < t >, < k >	vs.	< b >, < d >, < g >	in L.,
< p >, < t >, < k >, < c >, < č >	vs.	< b >, < d >, < g >, < z >, < ž >	in N. and I., and
< p >, < t >, < k >, < c >, < č >	vs.	< b >, < d >, < g >, < ʒ >, < ʒ >	in Sk.,

the graphemes in the first group are used for preaspirated (in I. postaspirated) variants, the second group for unaspirated. However, in N., I. and Sk., < c > and < č > are used for the unvoiced unaspirated variants in initial position. Examples: N. *áiti* ['a:j^hti:] 'storehouse' ~ *áidi* ['a:jti:] 'fence'; *beahci* ['pɛɛhtsi:] 'pine' ~ *čeahci* ['tʃɛɛhtsi:] 'father's brother, younger than father'.

In contrast to L. and N. (see above), I. and Sk. use the series < bb >, < dd >, < ġġ > (only Sk.), < gg >, < zz > (I.) / < ʒʒ > (Sk.), < žž > (I.) / < ʒʒ > (Sk.) for unaspirated geminates and the series < pp >, < tt >, < kk > (only Sk.), < kk >, < cc >, < čč > for preaspirated (I.: postaspirated) geminates. In S., L., N. and Kld., preaspirated geminates of stops and affricates are written with < h > (Kld. < ' >) plus the grapheme for the base consonant: < hp > / < 'p >, < ht > / < 't >, < hk > / < 'k >, < hts > (S., L.) / < hc > (N.) / < 'ɥ > (Kld.) and < htj > (S., L.) / < hč > (N.) / < 'ɥ > (Kld.).

2.1.3. palatal vs. velar

The palatalised variants are written according to different principles in S., Sk. and Kld. In S. the palatalised variants are not marked, but in Sk. they are marked with a certain sign < ' >. In Kld. the vowel graphemes and the special letters < Ъ >, < Ь > and < Ъ > are used to mark palatalised, velarised and (for the dentals /d/, /t/, /n/) neutral pronunciation. Examples: velar /l/ in S. *giele* 'language', Sk. *kiöll* 'id.' and Kld. *кѳлл* 'id.'; non-velar/palatal /l/ in S. *quelié* 'fish', in Sk. *kuell* 'id.' and Kld. *кѳлль* 'id.'

2.2. Quantity

Long fricatives, liquids and nasals in all the six orthographies are indicated by a doubling of the consonant grapheme. The over-long variants in L. and N. are written in the same way ($/l/ \sim /l:/ \sim /l::/$; $\langle l \rangle \sim \langle ll \rangle \sim \langle ll \rangle$); however, in word-lists, etc., they are marked by a ' ($\langle l \rangle \sim \langle ll \rangle \sim \langle l'l \rangle$). The three quantities in I. are written $\langle l \rangle \sim \langle l \rangle \sim \langle ll \rangle$, in word-lists $\langle l \rangle \sim \langle l \rangle \sim \langle ll \rangle$.

The opposition long \sim overlong preaspirated geminates of stops and affricates in L. and N. are written $\langle hp \rangle (= [hp]) \sim \langle hpp \rangle (= [h:p])$, etc.

3. Gradation

There is no gradation in South Saami and the principles for gradation differ considerably between L., N., I., Sk. and Kld., both in principle and in writing. One of the orthographic differences is the various ways of noting gradation in the xz-series. N. doubles the second grapheme in GRADE II (III: $\langle lm \rangle \sim$ II: $\langle lmm \rangle$; III: $\langle mp \rangle \sim$ II: $\langle mpp \rangle$); L., I., Sk. and Kld. double one of the graphemes in GRADE III in the following way: in I. and Sk. the second grapheme (III: $\langle lmm \rangle \sim$ II: $\langle lm \rangle$; III: $\langle mpp \rangle$; \sim II: $\langle mp \rangle$) is doubled, in Kld. the first grapheme (III: $\langle ллм \rangle \sim$ II: $\langle лм \rangle$; III: $\langle ммп \rangle \sim$ II: $\langle мп \rangle$), and in L. the first grapheme if the two sounds are homorganic (III: $\langle mmp \rangle \sim$ II: $\langle mp \rangle$), but the second grapheme in all other cases (III: $\langle lmm \rangle \sim$ II: $\langle lm \rangle$).

4. Problems of unification

The main problems of unification are not linguistic, but political and practical. It would be difficult, but not impossible, to create a common orthographical model that could be used for all the dialects, but to abandon the present orthographies and start all over again would be devastating for the language. Furthermore, much of the linguistic work done during the last decade (the preparation of dictionaries and grammars) would in that case be a waste of time and money, and would have to be done once again.

Instead of trying to unite all the six orthographies, a better solution would be—if a unification is desirable—to use N. (based on dialects that about 80–85% of the Saami speakers understand and the orthography that beyond all comparison is the one most used) as a standard language (in the way I. Ruong meant), enrich it with words from the other dialects, and use it in the schools all over Sápmi. The other dialects and orthographies could still be used as regional literary languages.

Саамские литературные языки: проблемы унифицирования

Несмотря на то, что население саамов составляет только 50.000–70.000 человек, из которых, может быть, 40–50% говорят на саамском языке, было невозможно до сих пор согласовать общую орфографию, что зависит между прочим и от сильных лингвистических различий между диалектами. Существует не меньше шести саамских литературных языков: южносаамский (S.), лулесаамский (L.), северосаамский (N.), инарисаамский (I.), колттасаамский (Sk.) и кильдинский (Kld.). Пять из них (S., L., N., I. и Sk.) применяют латинский алфавит и один (Kld.) кириллицу.

Главные проблемы, связанные с унифицированием саамского языка, являются, однако, не лингвистическими, а практическими и политическими. Можно было бы создать общую орфографическую модель, которую можно было бы использовать во всех диалектах, но отказаться от существующих орфографий и начинать все сначала было бы разорительно для языка. Кроме того, большая часть лингвистической работы, проделанной за последние десятилетия (составление словарей и грамматики), представляла бы напрасно истраченное время и деньги и нуждалась бы в переделке.

Вместо того, чтобы пытаться объединить все шесть орфографий для желаемого унифицирования саамского языка, было бы лучше использовать N. (базирующийся на диалектах, которые понимают 80–85% говорящих на саамском языке и который имеет без сравнения самую применяемую орфографию). В качестве нормы языка (как имел в виду и И. Руонг), можно обогатить его словами из других диалектов и использовать язык во всех школах Страны Саамов. Другие же диалекты и правописания можно было бы также использовать в качестве региональных литературных языков.

Хокан Рюдвинг

Abbreviations/Аббревиатура

S. = South Saami / южносаамский; L. = Lule Saami / лулесаамский; N. = North Saami / северосаамский; I. = Inari Saami / инарисаамский; Sk. = Skolt Saami / колттасаамский; Kld. = Kildin Saami / кильдинский.

LANGUAGE PLANNING, LITERACY AND CULTURAL IDENTITY: THE SKOLT SÁMI CASE

Zita McRobbie-Utasi

Burnaby/Vancouver (CDN)

1. Introduction

The subject of this study is the developments following upon the introduction of the new Skolt Sámi orthography in the early 1970s, considered from the sociolinguistic perspective of language planning. The efforts to implement the new orthography will be seen to be of great importance as constituting significant steps towards establishing the Skolt Sámi literary language. It will be argued that these efforts resulted also in an increased consciousness of cultural identity among the Skolt Sámi, a consciousness whose long term effects may prove to be more significant than the actual literary output facilitated by this orthography. The series of events related to the awakening of this cultural identity in the past two decades will be examined by relating them to some of the key factors of present-day reality, among them the most crucial being the demographic factor.

2. Historical background

The Skolt Sámi people who today inhabit the region to the north and east of Lake Inari close to the Norwegian border have been living there only since 1949. Before that they inhabited the Petsamo district, that belonged until the Peace of Dorpat in 1920 to Russia, and thereafter to Finland. In 1945 the Petsamo area became part of the Soviet Union. It was then that

the decision was made by the majority of the Skolt Sámi people to move to Finland: in 1945–6 they went to the south-east of Lake Inari, and a few years later further to the north to where they live at present.¹

The Skolt Sámi community has been in the centre of interest of much research. The most evident reason for such interest lies in their unique history and cultural development. Because of their relative geographical isolation they had been able to maintain their culture practically unchanged and undisturbed up until the Second World War. K. Nickul (1948) was able to study this culture in its unaltered form in 1938. At that time he focussed on the question "how shall an endemic tribal society be adjusted to our society?" (p. 11). This same question has been the objective of numerous later studies² and the attempts to provide answers resulted in important anthropological and sociological findings. It was, however, not until relatively late in the 60s before questions regarding language maintenance and literacy started to surface, causing research to turn its focus from the consequences of resettlement for the survival of an ancient cultural form to the significance of the linguistic aspect of this culture.

When referring to research on the language of the Skolt Sámi, attempts to investigate the phonology of the language are the most relevant because they have led to the development of the orthography referred to earlier. Here it will suffice to mention the working papers in E. Itkonen et al. (1971) where suggestions, with justifications for phonological transcriptions of several Sámi dialects, were put forward. Among them was M. Korhonen's "Ehdotus koltanlapin Suonikylän (nyk. Sevettijärven) murteen fonematiseksi transkriptioksi."³ (pp. 69–86). By 1973 a Skolt Sámi alphabet compiled by P. Sammallahti⁴ was introduced to the Skolt Sámi community.

3. Language planning

3.1. Procedures

Language planning has traditionally been classified on the basis of its focus. Accordingly, two types of language planning have been recognized: (i) status planning, and (ii) corpus planning.⁵ J. Cobarrubias (1983) sug-

¹ T. Ingold 1976. 5.

² P. Pelto (1973), T. Ingold (1976), among others.

³ The English translation of this title is: "Introduction to the phonological transcription of the Suonikylä (currently Sevettijärvi) dialect".

⁴ M. Korhonen 1981. 64–65.

⁵ The distinction made first by H. Kloss (1969) was to emphasize the focus of planning on the basis either of the status (i.e. the importance) of a language or the allocation of its use. This dichotomy, although challenged (most notably by J. Rubin 1983), has been recognized in most works on language planning.

gested four typical ideologies that may justify decision making when initiating language planning in a particular community.⁶ I shall argue that the kind of language planning relevant in the Skolt Sámi case can best be viewed as a clear example of corpus planning. It involved well-defined attempts to develop a literary language, it established an orthography, and it produced a variety of teaching materials, dictionaries etc. — in other words, the planning procedures cleared the way for the codifying and elaboration of the linguistic forms of the chosen dialect. The motivation behind these language planning efforts is the ideology of vernacularization, as described by Cobarrubias,⁷ in the Skolt Sámi case the restoration and elaboration of the language. That these processes could lead to allocation of functions to such a degree that the language would gain considerable status at the national level clearly had not been expected prior to the implementation of Skolt Sámi language planning. However, what the government agencies and the academicians involved did expect, along with the speakers of Skolt Sámi, was that official recognition of their language rights would facilitate the development of the Skolt Sámi literary language together with the arresting or at least the slowing of the decline of the indigenous language in the face of the spread and use of Finnish especially in the speech of the young. In this respect, we have to agree with J. Rubin (1983)⁸ who stated that sometimes the dichotomy between the two types of language planning may become blurred: the setting up and implementing of norms for writing, vocabulary use etc. often result in changing the status of that language. Thus expectations concerning enhanced status of the Skolt Sámi language definitely stemmed from the establishing of a new orthography and resulting literary activities (see below).

The Skolt Sámi dialect is by no means homogeneous. It consists of several subdialects,⁹ the Suonikylä subdialect having the most speakers.¹⁰ Thus when selecting a dialect which would supply the actual linguistic forms to be codified in the literary language there was no doubt that the Suonikylä dialect should be used for language planning purposes. This decision was made primarily on the basis of the demographic distribution of Skolt Sámi speakers referred to above.

⁶ These four ideologies are linguistic assimilation, linguistic pluralism, vernacularization, and internationalism (Cobarrubias 1983. 63–66). While these types of motivations are claimed to be the ones most frequently occurring, the list should not be considered exhaustive. (Ibid., p. 63.)

⁷ Ibid., p. 66.

⁸ J. Rubin 1983. 341.

⁹ Korhonen 1981. 16.

¹⁰ T. Ingold refers to 395 Skolts who were either born or resettled in the Sevettijärvi area (1976. 7).

Following introduction of the new writing system it was incorporated into the elementary school curriculum. Several textbooks together with supporting materials have been published¹¹ and were taught during regular school hours. In 1973 a short grammar with text samples and glossary was published.¹² A collection of Skolt Sámi tales employing the new writing system appeared in an important bilingual publication.¹³ A handsome edition of a traditional fairy tale was brought out in 1982.¹⁴

In 1978 the first issue of the Skolt Sámi Newsletter was published,¹⁵ containing a bilingual rationale that started with the statement: "Tät löstt lij tuejjuum tōn diōtt, što saa'mid lečči jiijjōs löstt, k'ost mij vuāžžap lokkād mij aaššid."¹⁶ The Newsletter was published in 350 copies and was sent free to each Skolt home. It appeared four times a year, the last issue coming out in 1986.¹⁷

The above list of materials published in the newly developed orthography is not meant to be a complete one. Two publications, however, have to be added for they signify the culmination of the resulting literary endeavours. The first is a prayerbook, published in 1983;¹⁸ among the names acknowledged in the Introduction are those of two linguists, P. Sammallahti and the late M. Korhonen. The second publication that has to be mentioned here is the translation of the *Gospel according to John* (1988).¹⁹ This translation was a unique effort involving many from the community; a Committee was formed that was responsible for the translation in connection with which outside experts on linguistic²⁰ as well as religious issues were consulted.

In addition to the literary publications, an important recording also deserves to be mentioned. In 1979 an LP album was made with the title

¹¹ For example, P. Sammallahti (1975), S. Mosnikoff (1977), J. Mosnikoff (1980), among others.

¹² M. Korhonen et al. (1973).

¹³ S. Aiko et al. (1974).

¹⁴ A. & S. Aikio (1982).

¹⁵ Satu Mosnikoff was the editor of the Newsletter *Sää'modđáz*.

¹⁶ The English translation of this statement is: "This paper's purpose is that the Skolts may have their own paper, in which they will be able to read about their own affairs".

¹⁷ The editor Satu Mosnikoff gave the following explanation (in Finnish): "Kolttautisten nykyisellä toimituksella ei ole voimavaroja kehittää lehtiä. Uusia toimittajia ei näytä löytävän." [The present editors of the Skolt Newsletter don't have the energy to continue the paper. It does not seem likely that it will find other editors.]

¹⁸ *Risttoummi molidvaķérjj*. Pieksämäki: Sisälähetysseuran kirjapaino. Raamattutalo.

¹⁹ *Evvan Evagġelium*. Helsinki: Finnish Bible Society. 1988.

²⁰ On the linguistic issues, the advice of P. Sammallahti (University of Oulu) was sought.

Sue'nn'jel lee'ud. It contains 12 traditional Skolt Sámi ballads sung by three singers (speakers of the Suonikylä dialect)²¹ and the text of the ballads was enclosed in the album in both Skolt Sámi and Finnish.

3.2. Attitudes

Concerning attitudes, two points will be mentioned here, both relating to the issue of identity for the Skolt Sámi community. The first of these has to do with the selection of the Suonikylä dialect as the basis of the literary language. As mentioned earlier this was justified by the demographic factor, there being no doubt that this dialect is the most viable one in the Skolt Sámi speech community. And yet it became evident that speakers of other dialects made a special effort to emphasize the differences between their dialect and the one chosen. During my two field trips to Finnish Lapland while working with speakers of the Paatsjoki dialect this attitude was displayed in many ways, most frequently by pointing out items in written form "that would have to be written differently in my dialect." Even one of the members of the Translating Committee referred to above, a speaker of the Paatsjoki dialect, when working with me in Canada consistently replaced linguistic items from the Suonikylä dialect with items from her own dialect. For example, when asked to put a test-word in the sentence frame *say ... again*, instead of the word *cie'lk* 'say' she would use the word *saar*, and whenever there was an alternative vocabulary item in the Paatsjoki dialect, that word was used instead of the Suonikylä equivalent. This insistence on the use of one's own dialect form has been an observable phenomenon, one that no doubt was intended to emphasize identity and loyalty to their own group, as well as being one doubtless slowing down the standardization process aimed at the codification and elaboration of the dialect chosen. While this first attitude was definitely noticeable, it should also be stated that the insistence on remaining loyal to one's own dialect was not accompanied by negative feelings against the Suonikylä dialect being the one the orthography was based on. Everyone I talked to seemed to be in agreement with the choice and understood the rationale behind it.

The second point concerning the attitude issue I wish to refer to here has to be taken more seriously, for it could be considered an impediment to language planning activities in progress. Some of the leading figures in the Skolt Sámi community, speakers of the Suonikylä dialect, showed some suspicion towards outside experts and felt that Skolt Sámi speakers themselves should decide what orthographic symbols they should use and which linguistic forms are truly representative of the language etc.²² It is not my purpose

²¹ Tyyne Fofanoff, Vassi Semenoja and Helena Semenoff.

²² There was even an alternative orthography suggested and argued for (M. Sverloff, 1982.)

here to go into detail as to the effects of this attitude; suffice it to say that there have been times (especially during the translation of the Gospel) when it was difficult to find the right balance between expert linguistic advice and native language proficiency.

3.3. Consequences

In the Introduction to this overview of the language planning process in Skolt Sámi I mentioned that, mainly because of the demographic factor, the effects of these activities are more significant for the maintenance of the cultural identity of the community than for long term language maintenance. At most, the number of Skolt Sámi speakers does not exceed 600. Many who in the long term will benefit from learning the writing system at school are young children, most are bilingual (with a varying degree of bilingual efficiency in Finnish and Sámi, most of them speaking Sámi in rather restricted domains). While it is doubtful how long the language is going to be used, by exposing the younger generation to it and by reinforcing their cultural heritage through attaching positive values to both language use and Skolt Sámi culture, the identity issue these young people will have to deal with promises to be less problematic in the future. The very fact that the practical utilization of the language (oral or written) does not seem likely to expand into additional domains of life does restrict the scope of the language planning effort. However, it most certainly does exert positive reinforcement on the cultural identity of the speakers. And this already has had noticeable manifestations: a renewed interest in traditional activities, such as the regular handicraft courses where traditional bead embroidery is pursued and taught to younger people, and even to non-Sámi people. Another example of strong positive identity feeling is represented by a popular record containing the songs of the first Skolt Sámi pop singer who sings in Skolt Sámi (Suonikylä dialect), the text on the record jacket truly manifestating pride in the Sámi lineage.²³

4. Conclusions

There is a well-known case of similar language planning activity, one that took place in the fourteenth century and was implemented by St. Stefan, the Bishop of Perm. On this C. Ferguson has commented as follows:²⁴

²³ Jaakko Gauriloff's record *Tanja nuorr* (Helsinki: Sauna-Musiikki Oy.) has the following text on the back of the record: *Maailman ensimmäinen saamelainen reggae-levitys [the world's first Sámi (i.e. Skolt Sámi) reggae-record].*

²⁴ C. Ferguson 1967. 653.

In all these decisions the good saint acted without the benefit of a sociolinguistic theory or frame of reference, and without any recorded body of previous sociolinguistic experience which he could consult. One must admire St. Stefan's clearcut decisions and successful implementations of them but equally one must bewail the fact that a present-day agent of culture change faced with language problems in a non-literate society still has no sociolinguistic theory and very little in the way of recorded and analyzed case histories to give guidance. We have not progressed much beyond St. Stefan's competence of five centuries ago.

R. Cooper, who cites Ferguson's pessimistic view quoted above, observes that since the comment was made a large number of case studies have been accumulated that can serve as examples for future language planning initiatives. He adds, though, that a theory suitable to guide language planning has not yet been developed.²⁵

Thus if we confine language planning to theory-based treatments, we may need to wait some time to find many examples.

The Skolt Sámi case should qualify as an example of language planning efforts that (i) in a short space of time achieved a great deal for the consolidation of the linguistic situation in the Skolt Sámi community, (ii) reinforced the language rights of a minority group, and (iii) fostered a more positive identity within a culture previously drastically interrupted by outside world political events. Accordingly, we may conclude that the Skolt Sámi example should be closely studied and learned from when similar language planning activities are initiated in a non-literate minority speech community.

References

- Aikio, A. & Aikio, S. 1982. *Nijdd mottji kállšuábrjen*. [translated by S. & J. Mosnikoff]. Norway: Universitetsforlaget.
- Aikio, S., Itkonen, E. & Sammallahti, P. 1974. *Skabmatolak – Tulia kaamoksessa*. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava.
- Cobarrubias, J. 1983. Ethical issues in status planning. In: J. Cobarrubias & J. Fishman (eds.), *Progress in language planning: International perspectives*. Mouton Publishers. 41–85.
- Cooper, R.L. 1989. *Language planning and social change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ferguson, C. 1967. St. Stefan of Perm and applied linguistics, in: *To honor Roman Jakobson: essays on the occasion of his seventieth birthday, 11 October 1966*. The Hague: Mouton. Vol. 1, 643–53.

²⁵ R. Cooper 1989. 41.

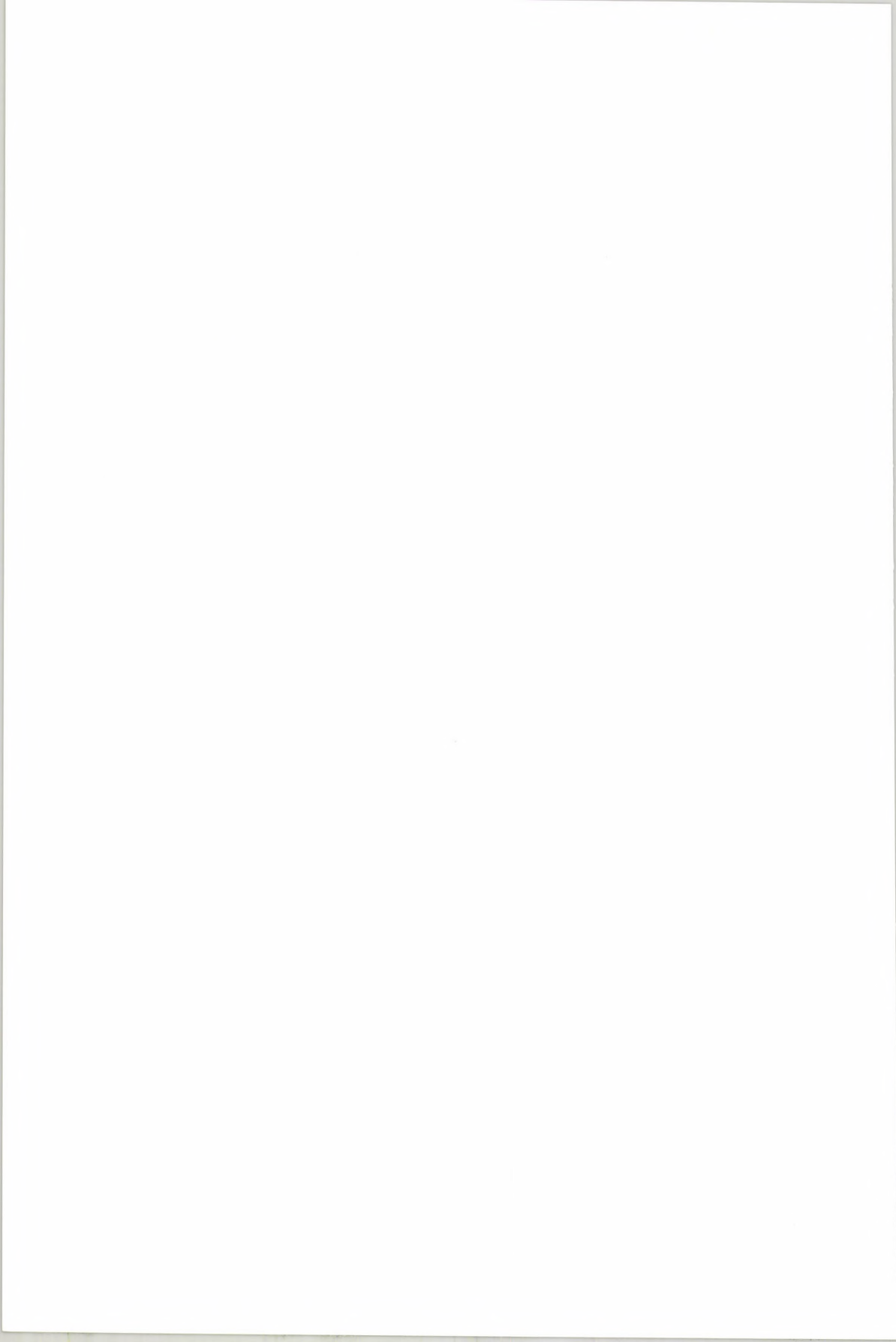
- Ingold, T. 1976. *The Skolt Lapps today*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Itkonen, E., Itkonen, T., Korhonen, M. & Sammallahti, P. 1971. *Lapin murteiden fonologiaa*. Castrenianumin toimitteita 1. Helsinki.
- Korhonen, M. 1981. *Johdatus lapin kielen historiaan*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Korhonen, M., Mosnikoff, J. & Sammallahti, P. 1973. *Koltansaamen opas*. Castrenianumin toimitteita 4. Helsinki.
- Kloss, H. 1969. *Research possibilities on group bilingualism: A report*. Quebec: International Centre for Research on Bilingualism.
- Mosnikoff, J. 1980. *Säännöccâmkerjij säämmas da lääddas*. Helsinki: Kouluhallitus – Valtion painatuskeskus.
- Mosnikoff, S. 1977. *Jiännkiöill 2*. Helsinki: Kouluhallitus – Valtion painatuskeskus.
- Nickul, K. 1948. *The Skolt Lapp community Suenjelsijd during the year 1938*. Acta Lapponica V. Stockholm: Nordiska Museet.
- Pelto, P.J. 1973. *The snowmobile revolution: technology and social change in the Arctic*. Menlo Park, California: Cummings Publishing Company.
- Rubin, J. 1983. *Evaluating status planning: What has the past decade accomplished?* in J. Cobarrubias & J. Fishman (eds.), *Progress in language planning: International perspectives*. Mouton Publishers. 329–43.
- Sammallahti, P. 1975. *Aabbâs. Jiännkiöill 1*. Helsinki: Kouluhallitus – Valtion painatuskeskus.
- Sverloff, M. 1982. *Saëmi kjëll*. MS.

Планирование языка, письменность и культурная индивидуальность на примере колтта-саамского языка

Предметом данного исследования являются события, следующие за введением новой Колтта-Саамской орфографии в начале 70-х годов, рассматриваемые в социолингвистическом аспекте планирования языка. Усилия по распространению новой орфографии будут представлены как имеющие большое значение, так как они являются большим шагом вперед в направлении создания Колтта-Саамской письменности. Предполагается доказать, что данные усилия нашли свое отражение в повышении самосознания в плане культурной индивидуальности среди носителей Колтта-Саамского языка, самосознания, значимость которого с течением времени может оказаться более важной, чем фактическая письменная отдача, облегченная данной орфографией. Ряд событий, связанный с пробуждением настоящего культурного самосознания в прошедшие два десятилетия, будет рассмотрен в сопоставлении с некоторыми ключевыми факторами настоящей действительности, среди которых самым решающим является демографический фактор.

Случай с Колтта-Саамским языком следует рассматривать как пример усилий по планированию языка, которые (1) в короткий промежуток времени привели к значительным результатам в консолидации лингвистического положения в Колтта-Саамской общине, (2) усилили языковые права меньшинств, а также (3) благоприятствовали развитию более позитивной индивидуальности в культуре, до этого существенно тормозившейся политическими событиями извне. Соответственно, мы можем прийти к заключению, что пример Колтта-Саамского языка должен быть тщательно изучен и из него должен быть извлечен урок на случай, когда подобные действия по планированию языка предпринимаются в общине представляющей меньшинство, и характеризующейся отсутствием письменности.

Зита Мак-Роби-Уташи

СКОЛЬКО ЯЗЫКОВ НУЖНО ЭРЗЕ И МОКШЕ?

Габор Зайц

Будапешт (Н)

Численность мордовского населения постепенно уменьшается: в 1989 году только 1 154 000 человек считали себя мордвинами, и только 67% из них назвали мордовский родным языком, а ранее численность мордвинов составляло 1 250 000 человек. Беспрецедентная территориальная разобщенность мордвы, которая проживает в меньшинстве от Украины до острова Сахалина, не является единственной причиной все убыстряющегося, к сожалению, темпа утери мордовского языка. Среди причин отказа от родного языка следует назвать высокий процент смешанных мордовско-русских (или своеобразным образом эрзянско-мокшанских) браков, которые обычно происходят в результате переселения мордвы в крупные города. В больших городах дети мордовско-русских и эрзя-мокша родителей обычно считают родным русский язык, а внуки обычно даже и не понимают по-мордовски. В начале 1990-ых годов только в 63 средних школах из 825 школ Мордовской Республики преподавался родной язык. Кроме того, долгие годы, а во многих местах и в наше время, студенты, родным языком которых является мордовский, не имели возможности изучать мордовскую историю, ценности мордовской культуры. Поэтому их национальное самосознание является чрезвычайно низким, и у них легко развивается чувство национального нигилизма. Даже сейчас мо-

лодые люди иногда просто стыдятся называть себя мордвинами и поэтому после обработки анкет при переписи попадают в статистику как русские.

Из перечисленных обстоятельств следует, что воспитание мордовского национального самосознания имеет решающее значение. Среди прочих мер можно было бы предложить следующие: 1) издание популярных работ по мордовской истории, языку, традициям, обычаям, 2) укрепление музыкальной и песенной культуры мордовского народа с помощью старых народных мотивов, 3) распространение портретов великих мордовских предков, жизнь которых может служить примером, 4) тесное сотрудничество с родственными финно-угрскими народами во всех областях культуры и экономики (ср.: Поволжские финны (Краткий очерк истории и развития мордовского народа). Ред.: А.П. Макаркин. Москва 1991, с. 107–11). Кроме того, с моей точки зрения, существует еще одно могущественное средство роста национального самосознания: если бы мордовская нация говорила бы не на мордовских языках, а на мордовском языке.

По результатам моих исследований (см. *Beitrag zur Typologie und Statistik des Erza- und Mokscha-Mordvinischen (eine vergleichende Untersuchung)*. CIFU-7/3C. 7–13; *Hány nyelven beszél(je)nek a mordvink?* *Folia Uralica Debreceniensia* 3: 113–21), структуру и лексику двух мордовских литературных языков можно считать тождественной на 80%, т.е. в среднем при сравнении можно заметить разницу только для каждого пятого языкового знака (морфологического или этимологического). Таким образом, с научной точки зрения языковые различия вряд ли мотивированы и кроме того нежелательны потому, что они мешают усилению единого национального сознания, уменьшают шансы сохранения мордовского языка.

На первом конгрессе мордовского народа (Саранск, 14–15 марта 1992 года) подавляющее большинство участников эрзя и мокша, обсуждая пути возрождения и защиты мордовской нации, выступало по-русски. Один из выступивших на конгрессе предсказал мордовскому народу не более столетия существования, если интеллигенция лучше говорит по-русски, чем на родном языке, и, добавим, эрзя и мокша даже не представляют себе никакой другой коммуникации между собой, кроме как на русском языке. К сожалению, конгресс не продемонстрировал какого-либо общего национального самосознания у мордовской интеллигенции, и более того, страсти между представителями эрзя и мокша настолько разгорелись, что очевидцы, “слушая горячую дискуссию, чувствовали: они

как будто принимают участие в таком историческом событии, когда на глазах происходит процесс разделения единого народа надвое (Эдит Месарош: *A Reguly Társaság Értesítője* 6[1993]: 11–2). В такой ситуации решение конгресса принять литературные языки эрзя и мокша как государственные языки Мордовской Республики наряду с русским, насколько мне известно, до сих пор не приобрело статуса закона. Надо полагать, что два образовавшиеся в 1990 году учреждения, борящиеся за сохранение мордовского языка и культуры, а именно, Мордовское Лингвистическое Общество Вайгель (Голос) и политическую организацию Маторова (Родная земля), ожидает тернистый путь деятельности по сохранению нации.

Часть мордовских коллег не считает актуальным сознательное сближение двух мордовских литературных языков. Прямым следствием жесткого разделения языков эрзя и мокша в наши дни является такая практика, что, например, один из эрзя-мордовских лекторов читая за границей лекцию под названием “Мордовские диалекты”, автоматически упоминал исключительно только эрзянские диалекты. Говоря о современных идеях и баталиях в мордовской среде, Агнеш Шаламон небезосновательно утверждает: “Еще далекой целью сегодня является для них возникновение более независимой, чем сегодня, Мордовии, устроенной по швейцарскому образцу, где не только эрзя и мокша, но и живущие на этой территории татары, башкиры, чуваша, русские и другие национальности могли бы вместе составить государство и нацию” (см. *Folia Uralica Debreceniensia* 2: 207).

Во всяком случае, в наши дни для мордвин, проживающих в Мордовии (где 57–60% жителей русские, 32,5% жителей мордвина мокша и эрзя, 5% жителей татары) является естественным то, что они говорят по-русски, учатся по-русски, слушают русские новости, читают русские книги и прессу, ходят в русскоязычные кино и театр. Или, как сказал молодой эрзя-мордовский поэт Александр Аранов, “Эрзянь масторсо телетне — рузонь, / Моротне — рузонь, / Сёрматне — рузокс, / Ансяк лайшемась эсенек”. [На мордовской земле зима русская, / Песня русская, / Письменность русская, / Только плач наш.]

Рассматривая вкратце современное положение мордовского народа, я считаю, что в наши дни, вне всякого сомнения, в последний раз в истории мордовский народ стоит перед выбором. Если мордовская интеллигенция и в том числе преподаватели и студенты университетов и высших школ признают важность

единого мордовского национального самосознания в интересах сохранения мордовского языка и народа, они начнут бороться за единый национальный язык, являющийся одним из средств этого процесса. На учредительном собрании общества Вайгель в 1990 году А.П. Феоктистов внес конкретные предложения в целях объединения национального языка. Со своей стороны я считаю, что мордовская фонология может быть упрощена на основе литературного языка эрзя, а основные лексические различия между двумя литературными языками могут рассматриваться как различия синонимического характера, и в этом случае только морфология составляет сложную, но все же разрешимую проблему (синтаксических различий нет). Я не исключаю возможность, что и в случае морфологии объединение может произойти в первую очередь на основе литературного языка эрзя.

Пять лет назад предложения Феоктистова не были встречены единодушно одобрительно, не все тогда считали эту проблему одной из самых жгучих. Однако в августе 1995 года, когда для самых известных финно-угроведов даже организован специальный симпозиум по вопросам литературных языков, этот вопрос может быть снова настоятельно поднят. Елси впоследствии эрзя и мокша будут общаться друг с другом на родном диалекте родного языка, а не по-русски (как, например, датчанин, швед и норвежец общаются со своими скандинавскими родственниками не на английском, а на своем родном языке, вежливо используя знакомые слова из литературного языка собеседника), если по телевидению от Украины до Тихого океана будут проходить передачи спутниковой связи на мордовском языке, которые по прошествии едва ли нескольких ознакомительных месяцев станут понятны миллионному мордовскому народу, если в школах, университетах, высших школах и других учреждениях эрзя и мокша не будут полностью изолированы друг от друга, мы сможем заявить: у мордовского языка и, что тесно связано с этим, у мордовского народа есть будущее. Как уже прозвучало в моем выступлении на финно-угорском конгрессе 1990 года, именно коллеги, принимающие участие в финно-угорском конгрессе и в этом году, могут стать инициаторами и вдохновителями мордовского движения по развитию и сохранению языка. Само собой разумеется, прежде всего нужно и можно объединенный мордовский язык обогатить на основе разговорного языка с помощью использования старой диалектной лексики, слов с родственным значением, дальнейшего внутреннего словообразования (суффиксации, словосложения и т.д.). А при вы-

работке профессиональной терминологии также в язык могут попасть иностранные (русские) заимствования, поскольку в мордовских диалектах или языковых памятниках имеются следы таких элементов. В этой области хорошим примером является недавно увидевший свет двуязычный словарь пуристского направления В.С. Шемеровой: Эрзянь-рузонь валкс. Русско-эрзянский словарь (Саранск 1993). Следующим шагом, по моему мнению, обещают быть ожидающие выхода в свет издания давно недостающих толковых карманных эрзя-мокшанского и мокша-эрзянского словарей, не приводящих русские соответствия.

Если мордовская интеллигенция признает такую деятельность по сохранению и обновлению языка не только языковой, но и научно-политической и, говоря без преувеличения, служащей сохранению нации, очевидно, она с удовольствием возьмет на себя соответствующую миссию, которая должна быть подготовлена должным образом. Будущее мордвы, живущей в море русских, тюркских и других народов и еще являющейся сегодня третьим по величине финно-угорским народом, если этого захочет сам народ, все же может внушить надежды, постольку поскольку мордвины, расселенные на огромном пространстве континента, будут говорить исключительно на родном языке. При этом создание единого мордовского литературного языка, основанное на соглашении, которое могло бы уничтожить мешающие усилению национального самосознания языковые различия, явилось бы залогом действительности и успеха.

Wieviel Sprachen sollen die Mordwinen sprechen?

Nach der Vergleichen der Phonologie, Morphonologie, Morphologie und Lexik der beiden mordwinischen Literatursprachen muß festgestellt werden, daß es keine bedeutenden Unterschiede zwischen ihren Systemen gibt: neben den Übereinstimmungen und den kleinen phonetischen Differenzen kann man nur bei der Vergleichen jedes fünften Sprachelementes (20%) materielle (morphologische, etymologische) Differenzen finden. Unter diesen Umständen ist es unerwünscht und in wissenschaftlicher Hinsicht unbegründet, die sprachliche Zweiteilung, die die Festigung des einheitlichen Nationalbewußtseins behindert und die Möglichkeit des Fortbestandes der Mordwinen vermindert, zu belassen.

Deshalb sollte man aus den beiden Literatursprachen, die vor 70 Jahren künstlich, teils wegen politischer Gründe geschaffen wurden, eine ebenso

künstliche, aber einheitliche mordwinische Literatursprache zustandebringen. Wenn sich die mordwinische Phonologie aufgrund der erzanischen Literatursprache vereinfachen könnte und die wichtigsten lexikalischen Unterschiede der heutigen Literatursprachen zum Ausdruck synonymischer Differenz gebraucht werden könnten, könnte nur die Morphologie Probleme verursachen. (Zwischen den beiden Dialekten gibt es nämlich keine syntaktischen Unterschiede.) Vorerst müßte man die zu vereinheitlichende mordwinische Literatursprache aufgrund der gesprochenen Volkssprache bereichern, unter Berücksichtigung des uralten Wortschatzes der Dialekte, der Synonyme und der inneren Wortbildungsarten (Derivation, Zusammensetzung). Beim Schaffen der Terminologie der Fachsprachen sollte man die fremden (russischen) Lehnwörter meiden, wenn die Spuren der ursprünglichen Wortelemente in den mordwinischen Dialekten und Sprachdenkmälern vorhanden sind.

Die Zukunft der Mordwinen, die in einem Gebiet von der Größe eines Kontinents leben, kann uns auch trotz der heutzutage nicht zu günstigen Erfahrungen in der Mordwinischen Republik zu einigen Hoffnungen, zu vorsichtigem Optimismus berechtigen, wenn das Volk es selbst auch wünscht, wenn die Erza und Mokscha miteinander nicht russisch, sondern in ihrem eigenen Dialekt sprechen.

Gábor Zaicz

ON THE QUESTION OF THE MORDVINIAN LITERARY LANGUAGE

László Keresztes

Oslo (N)

1. The elaboration of the Mordvinian literary language is a determining factor in the unifying of the Mordvinian people and language, and in the formation of the Mordvinian nation. The similarities and differences between Erza and Moksha, the two major dialects have been thoroughly analysed (Feoktistov 1960. 63–82; 1966. 172–220; 1975. 248–345; Yermushkin 1984; Keresztes 1987. 53; 1990. 23–79; Zaicz 1990. 7–13; 1994: 113–21). The basic question is: how many Mordvinian languages exist? There are several different answers to this question. According to a former Erza opinion there were two, Erza and Moksha, but nowadays they claim only Erza exists. The Moksha people say that there is only one Mordvinian language, in spite of the dialect differences. The latter view is shared among the non-native linguistic scholars as well.

Heikki Paasonen, the most outstanding expert on the Mordvinian language and dialects so far, treated the grammatical features uniformly both from a historical point of view and in his chrestomathy. In this book he gives a parallel presentation of the Mordvinian grammar (1909. 01–020). Written Mordvinian does not have a long tradition: the first records, nominals and shorter texts were published only in the 17–18th centuries either in Latin or in Cyrillic letters. These publications were determined by the transcriber's mother tongue, orthography and previous linguistic training even in the 19th century. Scholars of folklore used the Finno-Ugric transcription,

whereas Russian publications appeared in Cyrillic script even before the 1917 Russian Revolution. As we do not know of any literary achievements, early attempts to form standard Mordvinian, grammar and spelling should also be excluded.

2. The first steps to create the Mordvinian literary language (and to achieve autonomy) were taken in the 1920's. The 1925 Moscow Assembly of Native Teachers—perhaps following a central initiative—decided to introduce two standards. The dialect of the village Kozlovka (belonging to the central region) was made the basis of the Erza literary language (today it is the county of Atyashevo). The Moksha literary language was based on the dialect of the villages Krasnoslobodsk and Temnikov, also lying in the middle of the country. Kozlovka was the birthplace of E.M. Yevseyev, the prominent Mordvinian linguist. Regrettably, Yevseyev was not born in the Sura region where a mixed Erza and Moksha variety is spoken. After Yevseyev's death the Russian Bubrikh directed the elaboration of the literary standard.

Both literary languages are written in Cyrillic letters. The adaptation of the Cyrillic system causes more trouble in the case of Moksha: e.g. it is difficult to differentiate between the two low vowels (*a* and *ä*) and one letter (e.g. *o*, *e*) denotes two or even three sounds. Consequently, the reduced vowels in the first syllable have been left unmarked until recent orthographic reforms. The Cyrillic alphabet was much more adaptable to the Erza literary language, as it is based on phonemic and etymological principles, opposed to the highly phonetic Moksha. These theoretical discrepancies helped to widen the gap between the two dialects.

The idea of changing to the Latin alphabet may arise. This would simplify the transcription, nevertheless it is an unrealistic goal without the Russian-speaking environment changing to Latin letters as well. (This might have been achieved after the 1917 revolution.) From a practical point of view we have to retain the Cyrillic letters. In my opinion standardised spelling would result in similar Erza and Moksha writing at least. The more practical solution would be the popularization of the Erza phonemic principle.

2.1. For example, the assimilation of consonants at morpheme boundaries is transcribed in Moksha but not transcribed in Erza: Е *куст*, М *куст* 'pinetrees', though both dialects pronounce the words similarly: [kust]. In this case I would argue for the Erza orthography. Similar suggestions could be made in the case when the same sounds are pronounced differently in the two dialects: *кальтне* 'the willow trees'. In Erza it is pronounced as it is written [kał't'ne], but in Moksha the *t'* makes the preceding *l* voiceless and then elides, resulting in: [kał'ne]. The writing of the *ведьс* word type, should also be standardised because the pronunciation is more or less the

same everywhere: [vec]. Analogues could be quoted from Hungarian where—based on the etymological principle—the stem of the word is often recognizable: *aszt* [ast] ‘that-ACC’, *halasztgat* [halazgat] ‘keep delaying’ or *adsz* [acc] ‘you give’. Maybe the greatest difference between Erza and Moksha is the substitution of oral for nasal stops when they precede *t* or *t’*: *лeмтb* ‘names’ is pronounced [lɛpt] in Moksha.

In the case of *E s* ~ *M ś* and *E č* ~ *M š* at the beginning of the word both variations should be permitted. The difference between the two pairs is clear to the Erza and Moksha people and I think it causes no difficulty in understanding.

2.2. In the field of vowel transcription, I also find the Erza practice more useful. The letters *o* and *e* should be kept in medial and in final positions. These letters are pronounced *o* and *e* in most Erza dialects. (It is another problem that there are dialects using *u* and *i* sounds, furthermore there are dialects with reduced vowel types.) I think from this point of view Moksha offers quite a good solution: the Russian *o* and *e* letters denote a reduced vowel in an unstressed position, e.g. Russian *яблоко* ‘apple’ is pronounced approximately [jabləkʌ] and if the Mordvinians write a form like *кyдoсoнзo* ‘in his house’, the Erzas can pronounce it as it is written [kudosonzo] or [kudosondzo, kudosondo], while the Mokshas can pronounce it in the ‘Russian’ style [kucənzə] etc. It would be possible for writers to neglect the above usage if in dialogues they wanted to emphasize spoken forms e.g. *кyдyсyнзy*, *кyцoнзo* etc. The transcription of reduced vowels in non-initial position should be based on common agreement. The Moksha reduced vowel in the first syllable (and its Erza counterpart) can be transcribed in two ways considering stylistic features: *yрнoмc* – *ѣрнaмc* ‘howl’. The most difficult question between the Erza and the Moksha dialect, however, is not the transcription of reduced vowels but that of the vowel *e*. The Cyrillic letters make it impossible to differentiate between the two realizations. Either the diacritical *ä* should be introduced or the differentiation should be abandoned. The usage of the Erza *e* seems to be advisable because the Moksha speakers know whether this letter stands for an *e* or an *ä* sound, while the Erza community does not strongly differentiate one realization from the other. Moreover, there are dialects along the River Sura using *ä*, though not in the same positions as in Moksha. Here let me refer to the Hungarian dialects, most of which use two *e* sounds, nevertheless standard Hungarian was based on those regional varieties in which the two sounds syncretized. The transcription is uniformly *e*, mostly pronounced *ä*, but those Hungarian speakers whose mother dialect uses a mid *e* keep this sound in their pronunciation. I would like to emphasize, however, that

I do not consider the melting of the two *e* vowels the best possible solution, but there are times when even distinguished linguists cannot fight against certain orthographical and linguistic tendencies. The difference of the Hungarian dialects is mainly based on their different vowel systems and in spoken Hungarian the replacment of an *ő* with an *e*, an *é* with an *í* or a long vowel with a diphthong is acceptable and easily understandable.

The above examples aimed to present the idea that a standardised orthography would be able to smooth away the major phonetic obstacles between the two dialects.

3. Morphological discrepancies are much wider, although the difference of the case endings can be easily settled. The harmonic Erza suffixes have their uniform Moksha counterparts. So due to the Russian letters velar suffixes could be pronounced easily: *кудостонэо* 'out of his house' can be read [kuctənzə] as well, and similarly *кедьстэнээ* 'out of his hand' can be read [kectənzə]. School exercises would be a great help to teach that in Moksha the letter *ə* may denote a reduced vowel after a non-palatalised consonant: *нузэ* in Moksha [pizə] 'nest'. Hungarian case endings have much more various counterparts in the dialects: the standard *-ból/-ből* 'from' has the variants *-bó/-bö*, *-búl/-bül*, *-bú/-bű*; or the Instrumental suffix *-val/-vel* 'with' is not always assimilated: *kanállal* – *kanálval* 'with spoon', etc.

In the case of suffixes beginning with *s*- the affricative change occurring after sonorants and nasals should be ignored and left unnoted, e.g. *ломаньсэ* 'in the man' can be pronounced in Moksha [lomańcə]. Tendencies like this appear quite frequently in other languages (cf. German *als*, *Mensch*). In my opinion the sibilant variant should be preferred in basic vocabulary units too: *ловсо* 'milk', which form can be read either [lovco] or [lofsə].

The question of possessive suffixes is the most complex. Though the subordinate case endings are quite similar in Erza and Moksha (E/M *масторсон* 'in my country', *масторсом* 'in your country', *масторсонэо* 'in his country'), the Nominative, Genitive-Accusative and Dative forms widely differ. Altogether the Erza forms seem to be more logical and easier to remember, since they can be compared to the subordinate case endings. Written literature should decide for the more preferable variant, though—at least in the beginning—parallel usage should be allowed.

4. It is not phonetic or morphological dissimilarities that make communication between dialects harder. The instinctive linguistic logic of a native speaker—supported by context—can eliminate any misunderstanding. This mechanism, however, is unable to help the speaker in eliminating lexical misunderstandings. We have to admit that there are slight lexical differences

among Mordvinian dialects but approximately 85% of their basic vocabulary is common (cf. Zaicz 1990: 11; Keresztes 1986: 320 [M]; Zaicz 1986: 317 [E]; 1994: 115–6). Phraseological elements should also be changed from a practical point of view. For example the Erza expression *монь ули мелем тыемс* ‘I would like to go’ could be replaced with the Moksha verb *ёрамс*. The result (*М ёран тыемс*) seems to be much simpler, therefore much more practical.

5. Henceforward I maintain my former opinion (cf. Keresztes 1990: 22) that the existing, though not unsurmountable differences between Erza and Moksha do not give us the right to speak of two separate languages. Common sense, standardised grammar, careful philology and education would make the younger Mordvinian generation realize the utmost importance of unified national consciousness and unified national identity. Without it—though the Mordvinian people and language can exist for thousands of years—the chance of denationalization and Russification may occur. The desired Mordvinian autonomy, independence and the introduction of Mordvinian as the official language of the country ought to be preceded by the establishment of the literary standard—a literary standard that meets the demands of education, science, law and state administration. Nevertheless, the elaboration of a modern literary language ought to be based on the mutual agreement of sober-minded parties. Two hundred years ago the emergence of the nation demanded great efforts in Hungary, Estonia and Finland as well. Literary and folklore traditions and achievements in science oblige both the elder and rather the younger generation of Mordvinian linguists to act in a similar way.

References

- Feoktistov, A.P. 1960. А.П. Феоктистов, Мордовские языки и их диалекты. Москва.
- Feoktistov, A.P. 1966. Мордовские языки. Языки народов СССР III. Москва.
- Feoktistov, A.P. 1975. Мордовские языки. ОФУЯ 2. Москва.
- Keresztes László 1986. М.А. Келин – М.В. Мосин – Д.В. Пыганкин, Мокшень кялень нурьхкяня этимологической словарь. (Rev. NyK 88: 320–1.)
- Keresztes László 1987. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus. I. Szeged.
- Keresztes László 1990. Chrestomathia Morduinica. Budapest.
- Paasonen, Heikki 1909. Mordwinische Chrestomathie. Helsingfors.
- Zaicz Gábor 1986. Д.В. Пыганкин – М.В. Мосин, Эрзянь кялень нурькине этимологической словарь. (Rev. NyK 88: 317–20.)

Zaicz Gábor 1990. Beitrag zur Typologie und Statistik des Erza- und Mokscha-Mordvinischen (Eine vergleichende Untersuchung). CIFU-7/3C. 7-13.

Zaicz Gábor 1994. Hány nyelven beszél(je)nek a mordvinok? Folia Uralica Debreceniensia 3: 113-21.

Yermushkin, G.I. 1984. Г.И. Ермушкин, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). Москва.

О проблеме литературного мордовского языка

1. Я по-прежнему придерживаюсь того мнения (ср. Keresztes 1990. 22) — и не я один, что различия между диалектами эрзя и мокша далеко не так велики, чтобы можно было говорить о двух разных языках. При трезвом подходе, путем объединения норм языка, его сознательным развитием, также эффективным школьным обучением и воспитанием ещё не поздно довести до сознания молодого поколения мордвы важность и значение единого национального сознания и национальной идентичности. Если этого не будет — даже в том случае, если мордовский народ и язык и сможет сохраниться на протяжении тысячелетий, — есть опасность потери национального самосознания, а затем и русифицирования. Для получения горячо желаемой автономии, самоопределения, права на пользование национальным языком необходимо выработать единый литературный язык, создать такой литературный язык, которым могли бы пользоваться в области обучения, науки, администрации, государственного управления. Создание современного национального языка требует от противостоящих сторон максимального согласия, рассудительности, трезвого понимания и очень больших усилий. Двести лет назад, на заре национального существования венгры, финны и эстонцы в одиноковой степени использовали подобные возможности. Прошлое мордовского народа, его фольклорные и литературные традиции, научные успехи предполагают у старшего и главным образом у молодого поколения мордовских лингвистов похожее отношение.

2. Главную проблему я вижу в основном различии литературной орфографии. Общеприятно, что в современном эрзянском литературном языке лучше действует принцип фонематики, словарного анализа, а в современном мокшанском литературном языке письменная практика сдвинута в направлении фонетического принципа. Принципиальные различия постепенно привели к различиям в диалектах. По-моему, разработка единого орфографического принципа

смогла бы дать возможность того, чтобы эрзя и мокша хотя бы писали одинаково. Более практичным решением здесь было бы осуществление фонетического принципа литературного языка эрзя.

2.1. В настоящее время, например, появляющаяся на границе морфем многочисленную ассимиляцию согласных лит. язык мокша выделяет, эрзя — нет. Например: Э *кузт*, М *куст* 'сосны', хотя произношение обеих групп одинаковое — [куст]. Здесь я бы ввел письменную практику лит. языка эрзя. Таким же образом можно подойти и к тем случаям, где две группы по-разному произносят звукосочетания, например, *кальтне* 'ивы', которые в лит. языке эрзя произносят так, как пишут, а в лит. языке мокша происходят сложные процессы: *ть* оглушает стоящий перед *ль*, потом выпадает, в результате [кальхнъ]. Таким же образом можно объединить написание следующих типов: *ведьс* 'в воду', произношение которого везде более менее одинаково: [вец] или [ветьс].

Соотношение мягких и твердых Э *с* ~ М *сь*, Э *ч* ~ М *ш* в начале слова вызывает трудности. Здесь надо было бы принять оба написания. Население эрзя и мокша эти звукосочетания хорошо различает. На мой взгляд это не затрудняет понимания.

2.2. И в области обозначения гласных мне кажется более удобной практика литературного языка эрзя. Следовало бы сохранить и в середине и в конце слова *о* и *е* кириллицы. Эти звуки в части диалектов эрзя звучат как *о* и *е*. (Другой вопрос, что есть *у*-кающие и *и*-кающие диалекты, и даже редуцированные типы.) По-моему, с этой точки зрения было неплохим решением в лит. языке мокша, ведь соответствующие русские буквы — как и в мокша — в неударном положении обозначают редуцированные гласные, например: русское *яблоко* имеет приблизительно такое же — [яблѣкъ] — произношение, и, если мордовцы пишут *кудосонзо* 'в своем доме', эрзя произносят гласные так, как пишут [кудосонзо] или [кудосондзо, кудосондо], а мокша, как русские — [куцънзъ] и т.д. Естественно, писатели могут отойти от этого, если пишут соответствующие формы фонетически, подчеркивая разговорные особенности диалогов, например: *кудусунзу*, *куцонзо* и т.д. Обозначение или не обозначение редуцированных гласных не первого слога в мокша и соответствующий гласный в эрзя, исходя из особенностей стиля, может обозначаться двумя способами: *урномс* — *врнамс* 'кричать'. Однако проблематика различия диалектов эрзя и мокша мне видится в первую очередь не в обозначении редуцированных гласных. Труднее вопрос написания двух звуков *е*

и *ä*. Буквы кириллицы совершенно не способны различать эти два звука. Или надо было бы ввести *ä* или отказаться от обозначения разницы в звуках *e* и *ä*. Здесь тоже было бы практичнее пользоваться звуком лит. языка эрзя. В соответствующем месте представитель лит. языка мокша различает звуки *e* и *ä*, а эрзя, возможно, не очень чувствует эту разницу. К тому же есть, например, такие диалекты в Присурье, в которых есть открытый гласный *ä*, правда никогда не в том месте, где в лит. языке мокша.

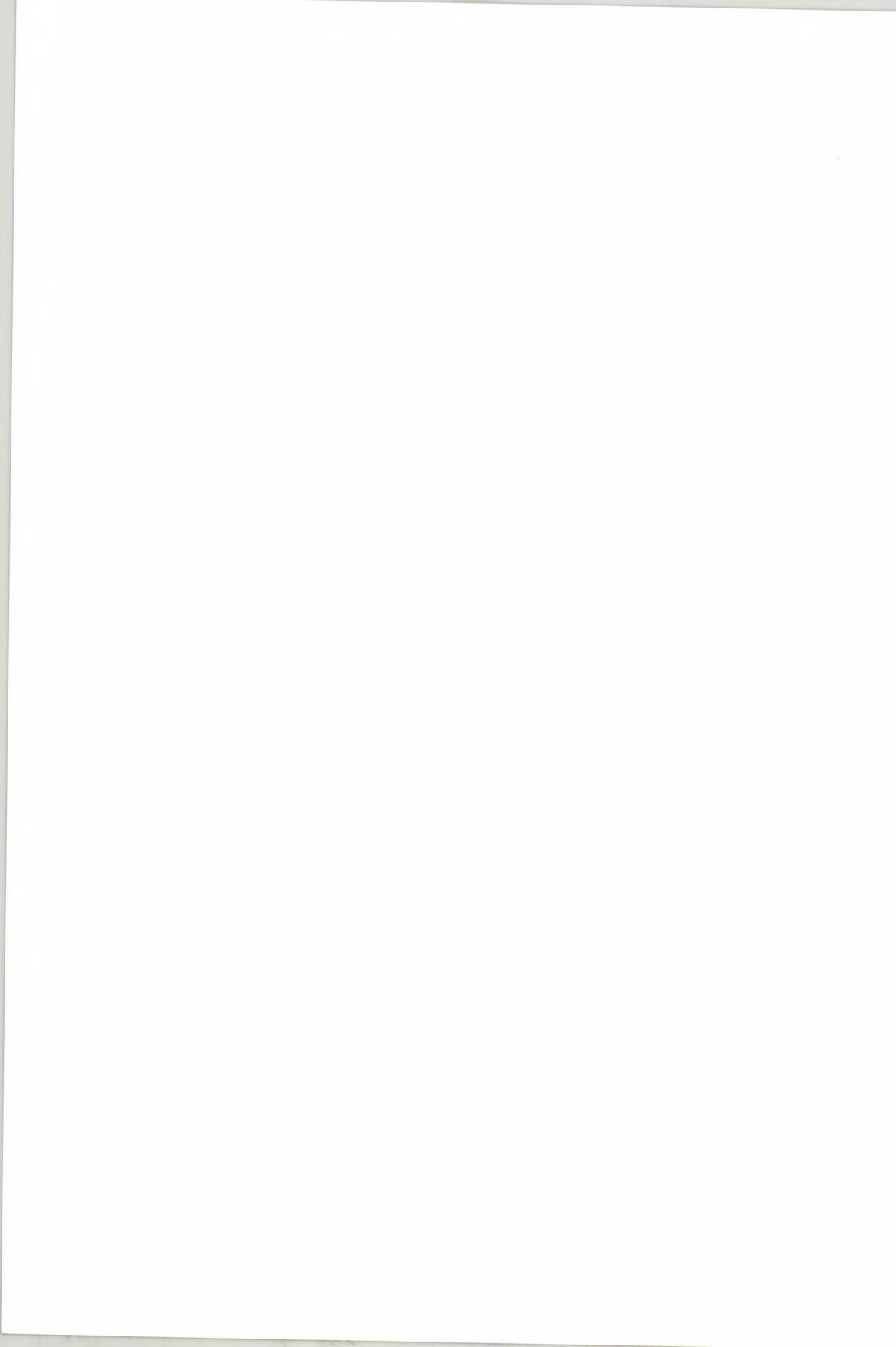
3. Труднее положение в морфологии. По-моему, разница в падежных окончаниях не является непреодолимым препятствием. Согласованным окончаниям лит. языка эрзя в лит. языке мокша в большинстве случаев соответствуют такие же. В окончаниях велярных слов вследствие русского написания — в свете выше изложенных фактов — не возникает особенных трудностей. Например: *кудостонзо* ‘из его дома’ можно читать и как [куцтънзъ], а форму *кедьстэнзэ* ‘из их рук’ как [кецтэнзэ]. Школьными упражнениями можно научить, что после твердого гласного *э* в мокша может быть обозначен редуцированный гласный, например: *пизэ* в мокша [пизъ] ‘гнездо’. В окончаниях, начинающихся на *с*, аффрикацию после сонорных, но главным образом после назальных (сонорных) согласных, можно при написании оставить без внимания, например *ломаньсэ* ‘в человеке’ по-мокшански можно произнести в форме [ломаньцъ]. В основных словах я предпочел бы так же сибилант, например *ловсо* ‘молоко’, произношение которого может быть и [ловцо] и [лофсъ].

С точки зрения объединения самая большая проблема видится в разнице притяжательных личных окончаний (прилеп). Несмотря на то, что притяжательные окончания косвенных падежей в диалектах эрзя и мокша весьма похожи, например: Э/М *масторсон* ‘в моей стране’, *масторсот* ‘в твоей стране’, *масторсонзо* ‘в его стране’ и т.д., разница в именительном, родительном-винительном (двойной падеж), дательном падежах непреодолима. Более логичными и более подходящими в косвенных падежах выступают формы эрзя. Литературной практике предстоит решить, какие варианты более приемлемы. По-моему, их параллельное использование — во всяком случае вначале — должно быть обязательно разрешено.

4. Понимание диалектов затрудняют не только звуковые и морфологические различия. Интуитивная языковая логика говорящего на родном языке — при участии контекста — почти на 100% исключает недоразумения. Однако для преодоления разницы в словарном запасе этот механизм не подходит. Правда, есть лексические различия между мордовскими диалектами, но примерно 85% основного словарного запаса — общее.

5. До сегодняшнего дня наиболее авторитетный исследователь мордовского языка и диалектов финн Хеikki Паасонен на протяжении всей своей деятельности занимался мордовскими языковыми явлениями, не различая их как с точки зрения истории, так и с точки зрения хрестоматии мордовского языка. На вопрос *сколько мордовских языков существует* я отвечаю в духе Хеikki Паасонена: *один мордовский язык ... должен быть!* И сам я думаю, что разработка единого мордовского литературного языка в настоящее время является основополагающим вопросом единства мордовского языка и народа, а так же становления мордовской нации. Скорейшее решение этого вопроса — ответственнейшая задача современного поколения мордовских ученых.

Ласло Керестеш

„MORDWINISCH“ ODER „MOKSCHANISCH UND ERZANISCH“?

Danilo Gheno

Firenze (I)

Die Mordwinen befinden sich vom linguistisch-kulturellen Standpunkt aus in einer scheinbar privilegierten Situation: obwohl sie ein einigermaßen kleines Volk sind (in der sowjetischen Volkszählung von 1989 sind 1 153 987 Mordwinen registriert worden, von denen aber 32,9% russifiziert sind, was zur Folge hat, daß die Zahl derjenigen, die Mordwinisch als Muttersprache haben, 774 325 beträgt [vgl. — mit ein wenig abweichenden Daten — Künnap 1991: 417]), stehen ihnen zwei literarische Sprachen zur Verfügung, und zwar das Mokschanische und das Erzanische. Dies ist ein nicht allzu anomaler Zustand in Rußland: wie man weiß, um im finnisch-ugrischen Bereich zu bleiben, verfügen auch die Mari und die Komi über zwei literarische Sprachen.

Dieses „Privileg“ jedoch entspringt aus ganz anderem als wohlwollenden Vorraussetzungen. Trotz der positiven Seiten, die die sowjetische Sprachpolitik der 20er und 30er Jahre gegenüber der Minderheiten kennzeichneten (die Verfassung einer Norm für die literarische Sprache, die Ausarbeitung eines orthographischen Systems, die Veröffentlichung von Lehrbüchern und Texten), kann man nicht davon absehen, den Verdacht zu hegen, daß hinter dem Eifer, mit dem man die Schaffung mehrerer literarischen Sprachen für dasselbe gleiches Volk bevorzugte, sich nicht der Wille versteckte, das manchmal schon unsichere Bewußtsein der ethnischen Angehörigkeit des betroffenen Volkes, nach dem schon gut erprobten Prinzip des „divide et impera“, aufzulösen.

Dies galt vor allem für die Mordwinen, die, wie bekannt, wegen der geschichtlichen Ereignisse auf einem sehr weiten Gebiet, das sich vom Fluß Oka im Westen bis zum Südlichen Ural im Osten ausdehnt, zerstreut sind (vgl. die Karte der Verbreitung der mokschanischen und erzanischen Mundarten in Feoktistov 1975. 249).

Es ist bedeutungsvoll, daß man vom Anfang an keine Aufmerksamkeit auf die Suche nach einer potentiellen dialektalen Basis, die für die Mokschanen und die Erzanen annehmbar gewesen wäre, zuwandte, trotzdem z.B. im mokschanischen Bereich ein erzanisierendes Areal anwesend ist und, um die Wahrheit zu sagen, einige mokschanisch sprechenden Intellektuelle am Anfang der 20er Jahre versucht hatten, diese Mundart in einer panmordwinischen Funktion anzuwenden (vgl. Feoktistov 1975. 268).

So sind wir nach einer Verfestigung, die sechs Jahrzehnte dauerte, zu der heutigen Lage gelangt, in der die jeweiligen Zentralkonstrukte als Basis der literarischen mordwinischen Sprachen stehen.

Selbstverständlich, nachdem drei Generationen von Sprechenden, sowie Lesenden-Schreibenden (schon 1931 war 86% der Mordwinen des Autonomen Gebietes alphabetisiert [Feoktistov 1975. 265]) sich der obengenannten Normalisierung angepaßt haben, wird es schwierig sein, sie davon zu überzeugen, einem im ganzen oder teilweise neuen Sprachmodell zu folgen. Und es ist ein subjektiver, fast irrationaler, schwerwiegender Grund, um die Erneuerung abzulehnen. Mitbeteiligt an dieser Gewohnheit ist jene, die vom Zustand der Zersplitterung herkommt, in der das mordwinische Volk lebt (einer der propagandierten Gründe der doppelten literarischen Sprache), und zwar die Benutzung des Russischen als Verkehrssprache zuerst gezwungenermaßen seitens der Mordwinen, die unter die russische, tschuwassische, tatarische usw. Bevölkerung gemischt sind, und dann auch in den Beziehungen zwischen den Mordwinen in der Verwaltung, im Unterricht und auf ähnlichen Ebenen, zwecks einer — wenigstens bis jetzt — verständlichen sozialen Tarnung. Dies wird (wurde) vom Vorurteil unterstützt, daß das Russische modern und geschmeidig, während die eigene familiär-örtliche Sprachart archaisch, mangelhaft und in der Öffentlichkeit unschicklich ist.

Auf Anhieb aber scheint es, daß es auch einige objektive Gründe gibt, die für die Realisierung einer einheitlichen mordwinischen (Schrift)sprache ungünstig sind. Feoktistov (1966. 173–5 und 1975. 261–2), im Einklang mit anderen Gelehrten (z. B. Décsy 1965. 99–100; Raun 1988. 96), gibt eine Reihe von phonetischen, grammatischen und lexikalischen Verschiedenheiten an, die das Mokschanische und das Erzanische anlangen.

Die ansehnlichsten sind die folgenden (kurz gefaßt).

Im phonetischen Bereich: M. $\text{ə} \sim \text{E. } e$, o ; M. $\text{ä} \sim \text{E. } e$; M. $-\text{a} \sim \text{E. } -o$; M. $L, L', R, R', J \sim \text{E. } \emptyset$; M. $\text{š} \sim \text{E. } \text{č}$; M. $-\text{ft-}, -\text{fk-} \sim \text{E. } -\text{vt-}, -\text{vk-}$; usw.

Im morphologischen Bereich: unbest. Dekl. Dat. M. *-ńđi* ~ E. *-ńeń*, Kausat. M. *-nksa* ~ E. \emptyset ; best. Dekl. Dat. Sing. M. *-t'i* ~ E. *-ńt'eń*; poss. Dekl. Nom. 1. Pers. Sing. M. *-z̄o* ~ E. *-m*, 2. Pers. Sing. M. *-c̄o* ~ E. *-t/-t'*, 3. Pers. Plur. M. *-sna* ~ E. *-st*; usw.

Im lexikalischen Bereich: 1. dasselbe Wort drückt verschiedene Begriffe aus (z.B. *skal* M. 'Färse' ~ E. 'Kuh', *jam* M. 'каша' ~ E. 'щи; Suppe', *lovaža* M. 'Leiche' ~ E. 'Knochen' usw.); 2. derselbe Begriff wird mit verschiedenen Wörtern ausgedrückt (z. B. 'lieben' M. *k'el'gəms* ~ E. *véč'k'ems*, 'Katze' M. *kata* ~ E. *psaka*, 'Schaf' M. *uča* ~ E. *révé* usw.).

Wenn wir sie genau untersuchen, scheinen diese Verschiedenheiten aber nicht so groß zu sein, sie können vor allem auf die Zahl der normalen dialektalen Varianten zurückgeführt werden. Auch das auffallendste phonetische Phänomen, das Vorhandensein der stimmlosen *L, L', R, R', J* im Mokschanischen, wird einfach durch einen regressiven Assimilationsprozeß verursacht: in der Tat hat sich dieser Prozeß gewöhnlich ergeben, wenn die ursprünglichen stimmhaften *l, l', r* usw. vor stimmlosen Klusilen oder Affrikaten gesetzt werden (z. B. *koRtams* 'sprechen', *jāR'kə* 'See', *puRc* 'Ferkel' usw.). Außerdem ist das Vorkommen solcher Konsonanten einigermaßen beschränkt: nach meiner Rechnung, bei 1062 mokschanischen Wörtern, die in Keresztes (1990. 133–56) verzeichnet sind, beläuft sich ihre Zahl nur auf 23 (= 2,1%).

Im Gebiet der Morphologie stellt der Kausativkasus M. *-nksa* eine verhältnismäßig neue Entwicklung von der noch benutzten Postposition *inksa* 'für' dar, und — obwohl er in der literarischen erzanischen Sprache nicht vorhanden ist — kann man ihn als Postposition in den Dialekten vorfinden: siehe *iksa* ~ *iksa* des gesprochenen Erzanischen von Kažlodka (Paasonen 1990, I. 448).

Was den Wortschatz betrifft, haben sich die Unterschiede der Schicht 1 größtenteils durch ganz normale semantische Verschiebungen (Verengungen oder Erweiterungen) im selben Begriffsbereich verwirklicht.

Die Schicht 2 besteht aus örtlichen Varianten, die aus unterschiedlichen Gründen zu überdialektalen Modellen hervorgehoben worden sind; im übrigen kommt es nicht selten vor, daß ein z. B. als mokschanisch kodifiziertes Wort ein Synonym oder eine Wurzel darstellt, die auch dem Erzanischen eigen ist: z. B. 'lieben' E. auch *k'el'gəms* (vgl. Paasonen 1992, II. 690); 'Katze' E. auch *katka* (vgl. Paasonen 1992, II. 647); usw.

Es scheint mir also nicht, daß die Entfernung, die gewissermaßen künstlich das literarische Mokschanisch von dem literarischen Erzanischen unterscheidet, unüberwindbar ist. Alles wohl erwogen, stellt sich wieder eine — kann man sagen — jeden Sprachen der Welt bekannte Kompliziertheit ein, die früher oder später immer in eine einheitliche Richtung aufgelöst

wurde. Denken wir von den uralischen Sprachen nur an das Finnische mit der schon verfestigten Einheitlichkeit der Schriftsprache, zusammen mit dem Reichtum der dialektalen Beiträge (die Unterschiede zwischen den westlichen und östlichen finnischen Dialekten sind jenen des Mokschanischen und des Erzanischen ebenbürtig [vgl. z. B. Lehtikoinen 1994. 105–49]); denken wir an das Italienische, das sich über die Dialekte erhebt, die so verschieden sind, daß ein Lombarde tatsächlich, auch wenn er sich bemüht, einen Sizilianer nicht versteht, während das Mokschanische und das Erzanische einander doch so nahe stehen wie die östlichen slawischen Sprachen (Feoktistov 1993. 175), und die jeweiligen Sprechenden nur „иногда не понимают друг друга“ (Feoktistov 1966. 175).

Jetzt, das neue politische Klima am besten ausnützend, wäre es notwendig, daß die kulturellen Autoritäten der Mordwinischen Republik und Schriftsteller, Journalisten, Schauspieler, auch durch eine weise Verwendung der Massenmedien, die zwei literarischen Sprachen zu einem möglichen Zusammentreffen führen würden, am Anfang eine Amalgamierung des Wortschatzes bevorzugend. Diesbezüglich müßte man so vorgehen: aus dem Mokschanischen und Erzanischen die etymologisch und semantisch gemeinsamen Wörter aussuchen und sie zum generellen Gebrauch als lexikalischen überdialektalen Kern fördern (auf die Gesamtheit des heutigen mordwinischen Wortschatzes noch eine Rechnung von mir ausbreitend, die sich auf die 1062 Wörter von zit. Keresztes 1990 bezieht, wäre mehr als die Hälfte, und zwar 54,04%, gemeinsam); im Fall von mokschanischen und erzansischen Wörtern, die vollkommen unterschiedlich sind, aber den selben Begriff ausdrücken, als synonymische Varianten von gleicher Würde vorschlagen und den Benützern die Wahl lassen, das eine oder das andere endgültig zu bevorzugen. In diesem Prozeß wäre es gelegen — wenigstens anfangs —, die vielen russischen Kulturwörter, die schon sowohl ins Mokschanische als auch ins Erzanische eingeführt sind, nicht zu beseitigen, da sie fast paradoxerweise einen schwer austauschbaren einheitlichen Besitz darstellen.

Wenn man zu einer solchen Stabilisierung des Wortschatzes kommen sollte, würden die obengenannten phonetischen und grammatischen Unterschiede vom Gesichtspunkt des gegenseitigen Verstehens in den Hintergrund treten.

Die Zukunft könnte also Alo Rauns Vorhersagung wiederrufen, nach der „probably Mordvin interdialectal compromising will be neutralized by the overpowering Russian influence“ (Raun 1988. 98).

Literatur

- Décsy, Gy. 1965. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden.
- Феоктистов, А.П. 1966. Мордовские языки. В кн.: Языки народов СССР, III: Финно-угорские и самодийские языки. Москва. 172–220.
- Феоктистов, А.П. 1975. Мордовские языки. В кн.: Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. Москва. 248–345.
- Феоктистов, А.П. 1993. Мордовские языки. В кн.: Языки мира: Урлальские языки. Москва. 174–208.
- Keresztes, L. 1990. Chrestomathia Morduinica. Budapest.
- Künnap, A. 1991. „Urali keelte valdajaskond Nõukogude Liidu poolt kontrollitaval teritooriumil 1989“. Keel ja kirjandus 7: 416–9.
- Lehikoinen, L. 1994. Suomea ennen ja nyt. Suomen kielen kehitys ja vaihtelu. Helsinki.
- Paasonen, H. 1990–1992. Mordwinisches Wörterbuch, I–II. Helsinki.
- Raun, A. 1988. The Mordvin Language. In: D. Sinor (ed.), The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences. Leiden–New York–København–Köln. 96–110.

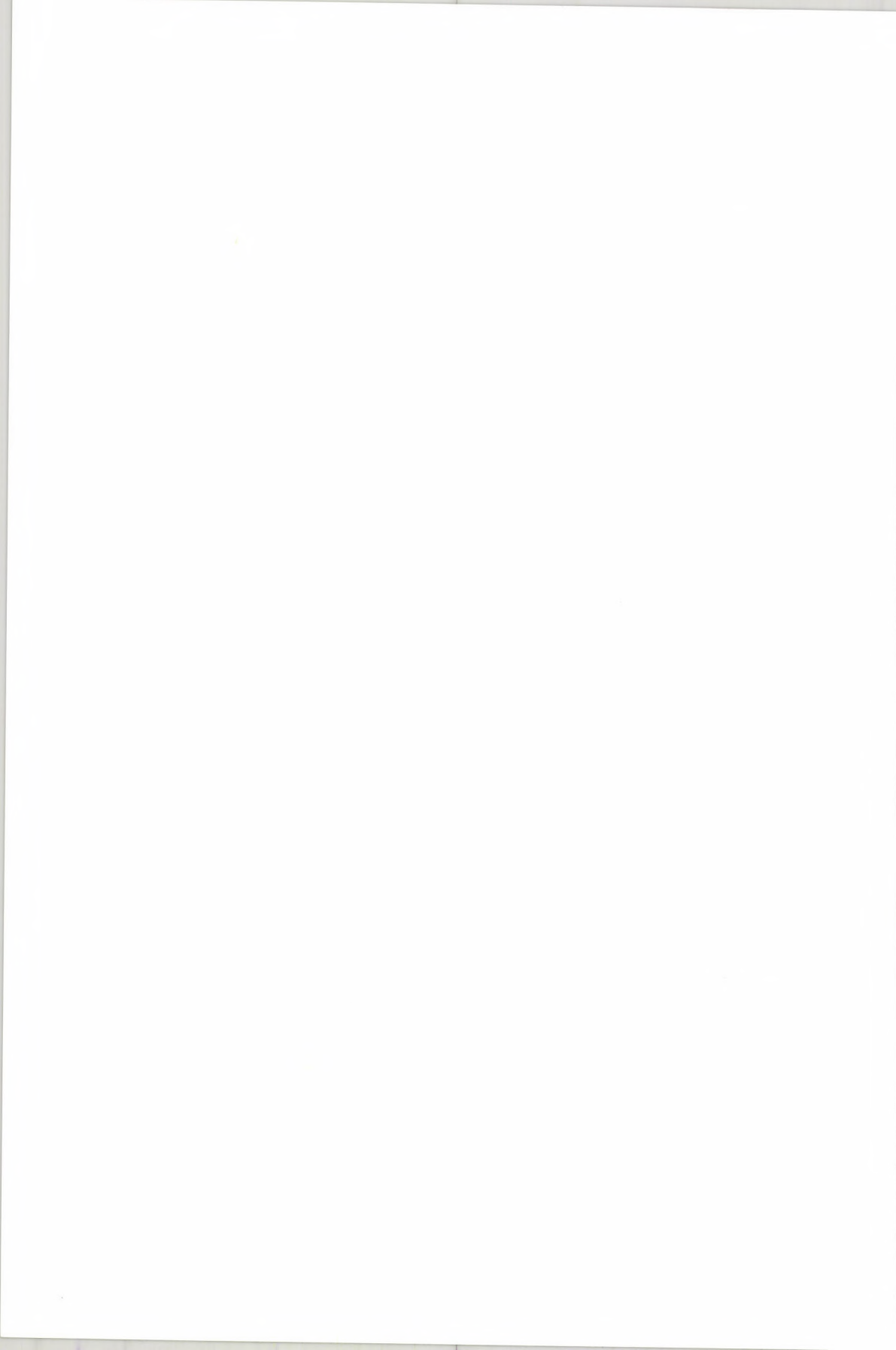
“Мордовский язык” или “мокшанский и эрзянский языки”?

В 20–30 годы нашего века для мордовского народа были созданы два литературных языка: мокшанский и эрзянский. Основные расхождения между ними носят фонетический, грамматический и лексический характер. Однако эти различия в сущности не представляют собой непреодолимой преграды с точки зрения создания единого литературного мордовского языка. Действительно, указанные расхождения могут рассматриваться как диалектные варианты одного языка.

Процесс создания мордовского литературного языка до сих пор не завершен. Это объясняется, с одной стороны, тем, что вне семейного круга, по разным причинам, в основном употреблялся русский язык, с другой стороны, было уделено недостаточно внимания выявлению одного разнородного диалекта, который бы мог стать основой литературного языка для всех мордвинцев.

На мой взгляд, одной из посильных задач, встающих перед мордовской интеллигенцией, является содействие установлению такого общего языка посредством издательской деятельности, средств радио и телевидения.

Данило Гено

DIE AKTUELLEN FRAGEN DER TSCHEREMISSISCHEN SPRACHERNEUERUNG

Gábor Bereczki

Udine (I) – Budapest (H)

Heutzutage, da die Tscheremissen — wie die anderen finnougri- schen und türkischen Völker des Wolga-Kama Gebiets — nach Unabhängigkeit streben und ihrer Sprache mehr Geltung verschaffen möchten, ja diese fordern, ist es von entscheidender Bedeutung, daß sie eine Sprache haben, die den Ansprüchen aller Lebensbereiche genügt, eine Sprache also, die eine echte Alternative zum Russischen darstellt. Von den Völkern des Wolga-Kama Gebiets haben nur die Tataren eine Gemein- und Schriftsprache, die diesem Kriterium entspricht. Die übrigen Sprachen sind einseitig entwickelt: Man kann in ihnen belletristische Werke, gegebenenfalls auch solche von weltliterarischem Niveau, schaffen (s. Mägiste 1958), aber die Verfassung einer naturwissenschaftlichen Abhandlung beispielsweise auf Tscheremissisch bereitet schon ernsthafte Schwierigkeiten — und das gilt auch für zahlreiche andere Lebensbereiche.

Das Fortbestehen des Tscheremissischen — und natürlich der übrigen in Rußland gesprochenen Sprachen mit ähnlichen Gegebenheiten — kann auf die Dauer nur gewährleistet werden, wenn es zu einem vielseitigen Kommunikationsmittel entwickelt wird. Andernfalls verliert die Muttersprache ihre Attraktivität, und vor allem die Intelligenz wird gezwungen sein, auf das Russische auszuweichen.

Ob sie diese enorme und lange Jahre dauernde Arbeit auf sich nehmen wollen, müssen die Tscheremissen ganz alleine entscheiden. Ohne die

massive Unterstützung breiter Schichten der Gesellschaft kann dieses Unternehmen nicht gelingen. Die Spracherneuerungsbewegungen der Völker Mitteleuropas waren in erster Linie politisch motiviert, und die Spracherneuerung bei den Tscheremissen, den Mordwinen, den Wotjaken usw. ist es ebenfalls.

Die Tscheremissen befinden sich ohne eigenes Zutun in einem riesigen zeitlichen Rückstand, und zwar nicht nur im Vergleich zu Westeuropa, sondern auch zu vielen kleinen Völkern Mitteleuropas, bei denen die Spracherneuerungsbewegungen zumeist schon Ende des 18., Anfang des 19. Jahrhunderts einsetzten. Diese Verspätung hat jedoch auch Vorteile. Viele Fehler beispielsweise der ungarischen Spracherneuerung rührten daher, daß die Sprachwissenschaft noch nicht weit genug entwickelt war. In dieser Hinsicht waren die Voraussetzungen für die estnische Spracherneuerung Anfang des 20. Jahrhunderts schon wesentlich günstiger.

Der Rückstand der Tscheremissen — und der übrigen finnougri-schen Völker dieser Gegend — wurde noch dadurch vergrößert, daß die Spracherneuerungsbewegung, die Anfang des 20. Jahrhunderts eingesetzt und sich in den 20er und 30er Jahren intensiviert hatte, von den Machthabern behindert, ja sogar verboten wurde. Auf der anderen Seite können heute viele Ergebnisse und Methoden dieser Bewegung genutzt und weiterentwickelt werden.

Welche sind nun aus mitteleuropäischer Sicht die dringendsten und wichtigsten Schritte?

Die Tscheremissen, die Mordwinen und die Syrjänen haben jeweils zwei Schriftsprachen. Diese Entwicklung wurde sowohl durch die Russifizierung als auch durch den Lokalpatriotismus begünstigt. Die sprachlichen Unterschiede hingegen rechtfertigen sie nicht. Im Deutschen, im Englischen oder im Italienischen gibt es zahlreiche Dialekte, die sich wesentlich stärker von der betreffenden Gemeinsprache unterscheiden, als das Wiesentscheremissische und das Bergtscheremissische voneinander abweichen, und — um auch ein finnougri-sches Beispiel zu nennen — das trifft auch auf das Südestnische und das Nordestnische zu.

Dennoch haben alle diese Völker erkannt, welche große Vorteile eine einheitliche Schriftsprache bietet, und haben dafür die eventuellen Opfer in Kauf genommen bzw. nehmen sie weiterhin auf sich.

Auch den Tscheremissen kann man nur raten, sich auf eine einheitliche Schriftsprache zu einigen, denn diese hätte mehr Gewicht und würde dem Fortbestehen des Volkes eher dienen.

Die Schaffung einer einheitlichen Gemeinsprache darf auf keinen Fall die Beseitigung des Bergtscheremissischen bedeuten — wie neben der einheitlichen Schriftsprache auch das Niederdeutsche und das Bairische und bei

den Italienern der Dialekt Venedigs weiter bestehen. Ihre Verwendungsbereiche müssen sinnvoll umrissen werden, und es muß auch weiterhin möglich sein, belletristische Werke auf Bergtscheremissisch zu schreiben.

Auf dem Gebiet der Rechtschreibung gibt es meiner Ansicht nach nicht mehr viel zu tun. Die tscheremissische Schrift, die auf dem kyrillischen Alphabet basiert und dieses durch diakritische Zeichen ergänzt, bedarf nur noch geringfügiger Verbesserungen. Dort, wo die Palatalisierung noch nicht gekennzeichnet wird (ich denke hier an Fälle vom Typ *imne* 'Pferd'), müßte dies eingeführt werden.

Auch im Bereich der Normierung der grammatischen Strukturen gibt es nur noch wenige offene Probleme. Die Anerkennung einiger dialektaler Merkmale als gemeinsprachlich jedoch könnte die tscheremissische Literatursprache der Zukunft bedeutend bereichern.

In zahlreichen tscheremissischen Dialekten kommt die Ablativendung *-leč* vor, und es würde keine Schwierigkeiten bereiten, sie in die Gemeinsprache aufzunehmen. Ebenfalls weit verbreitet ist der Approximativ auf *škəla*; ich habe ihn auch schon in belletristischen Werken gesehen. Etwas begrenzter ist der Gebrauch des Distributivsuffixes *-len* und des Terminativsuffixes *-šken*. Auch diese könnte man ohne weiteres verbreiten und somit die tscheremissische Literatursprache bereichern.

Die dringendste Aufgabe besteht in der Schaffung des Fachwortschatzes des politischen und wirtschaftlichen Lebens sowie der Wissenschaften. Es werden hunderte, ja tausende Wortneuschöpfungen benötigt. Terminologische Wörterbücher fehlen. Die Tataren haben auf diesem Gebiet in den 20er und 30er Jahren viel geleistet, doch hinsichtlich des Tscheremissischen bin ich in diesem Punkt weniger gut informiert, denn als ich Gelegenheit gehabt hätte, mich vor Ort zu erkundigen, galt die Beschäftigung mit Themen dieser Art als bourgeois Nationalismus.

Die in den letzten Jahrzehnten angewandte Methode, nämlich die massenweise und unveränderte Übernahme russischer Wörter, bei der selbst der ursprüngliche russische Wortakzent beibehalten wird, kann nicht zu dem gewünschten Ergebnis führen. Dabei entsteht eine Sprache, in der Tausende von Wörtern anders betont werden als das ursprüngliche Vokabular und zu meist auch in ihrer Lautstruktur fremdartig sind. Eine solche Sprache kann weder lebensfähig und zweckmäßig sein noch den ästhetischen Anforderungen an eine Literatursprache genügen.

Bei der Erweiterung des Wortschatzes könnte man in großem Umfang auf die in der 20er und 30er Jahren angewandten Methoden zurückgreifen, denn seinerzeit bediente man sich der Techniken, die bei den meisten europäischen Völkern gebräuchlich waren und sich bewährt hatten. In jeder Spracherneuerungsbewegung hat es Übertreibungen und Fehler gegeben, so

auch in der tscheremissischen. Das bedeutet jedoch nicht, daß sie insgesamt negativ zu bewerten ist, wie dies mein Kollege G.I. Lavrent'jev tut (s. Лаврентьев 1986). Er führt sogar als Argument an, daß das „arbeitende Volk“ diese Wörter nicht akzeptiert habe. Der Verfasser des Artikels vergißt allerdings, daß diese Neuschöpfung von Wörtern als bourgeoiser Nationalismus gebrandmarkt wurde und man die Wörterbücher von V.M. Vasil'jev, in welche dieser auch die im Zuge der Spracherneuerung entstandenen Vokabeln aufgenommen hatte, Ende der 30er Jahre öffentlich verbrannt hat.

Die Methoden der tscheremissischen Spracherneuerung werden von I.G. Ivanov in seiner Monographie über die tscheremissische Literatursprache ausführlich besprochen (Иванов 1975. 118–45), so daß ich im folgenden lediglich die Techniken nenne und sie kurz kommentiere.

Die tscheremissische Spracherneuerung hat die lexikalischen Möglichkeiten der Dialekte vielfältig genutzt, doch das Bergtscheremissische blieb dabei — wohl wegen der phonetischen Abweichungen — weitgehend unberücksichtigt. Das könnte jetzt nachgeholt werden. Als Muster könnte die Methode dienen, nach der im Rumänischen bei der Übernahme französischer und im Estnischen bei der Übernahme finnischer Wörter verfahren wurde: Das Lautbild wurde so gestaltet, wie es bei einem ursprünglich zu der betreffenden Sprache gehörenden Wort aussehen würde.

Die Erweiterung der Bedeutung der Wörter, z.B. der Gebrauch von *tışte* 'Zeichen' in der Bedeutung 'Fahne', ist eine Technik, die auch weiterhin mit Erfolg angewandt werden kann.

Die Möglichkeiten der Wortzusammensetzung wurden in großem Maße genutzt, z.B. *imńəwıj* 'Pferdestärke' (*imńe* 'Pferd'; *wıj* 'Kraft').

Diese Komposita sind meist Lehnübersetzungen aus dem Russischen — so wie die ungarischen Spracherneuerer in erster Linie aus dem Lateinischen und Deutschen übersetzten. Es wäre gut, wenn die Tscheremissen neben dem Russischen auch andere Sprachen hinzuziehen würden. Die deutschen Wortzusammensetzungen stehen dem Tscheremissischen typologisch näher als die russischen. Geeignete Beispiele finden sich außerdem im Ungarischen, im Estnischen und im Finnischen.

Eine andere gebräuchliche Methode war die Wortbildung durch Suffixe, z.B. *toşter* 'Museum' (*toşto* 'alt'; Kollektivsuffix *-er*); *muter* 'Wörterbuch' (*mut* 'Wort'). Die erstgenannte Wortbildung habe ich überwiegend als Beispiel für die komischen Auswüchse gehört, das zweite ist seit etwa zehn Jahren wieder gebräuchlich.

Das Wort *toşter* ist nach sprachlichen Kriterien eine einwandfreie Schöpfung. Möglicherweise empfinden es viele als witzig, weil es einen in den meisten europäischen Sprachen verbreiteten Internationalismus ersetzt. Finnen, Esten und Ungarn sind in vielen Fällen ebenso verfahren. Dem

lateinischen Wort *litteratura* entsprechen das finnische *kirjallisuus*, das estnische *kirjandus* und das ungarische *irodalom*. Im Ungarischen wird jedoch in bestimmten Fällen auch das Wort *literatúra* benutzt, neben *alap* 'Grund, Fundament' auch *fundamentum* und noch viele mehr. Es handelt sich hier um Synonymenpaare, doch die Wörter haben jeweils einen anderen stilistischen Wert, so daß sie die Sprache bereichern. So könnte es auch im Tscheremissischen sein, wenn *muzej* und *tošter* nebeneinander gebraucht würden.

Wie die Tscheremissen haben auch alle ihre Nachbarvölker die Wortbildung durch Zusammenziehung angewendet. So entstand zum Beispiel aus der attributiven Konstruktion *törštälšö tul* 'springendes Feuer' das Wort *törštul* 'Elektrizität'. Allerdings ist dieses Wort nicht in die Gemeinsprache eingegangen. Diese Art der Wortschöpfung wird von den Sprachwissenschaftlern nicht empfohlen, da sie die Wörter verstümmelt und gekünstelt wirkt.

Man kann keine Regel dafür aufstellen, welche Internationalismen oder Fremdwörter übernommen werden müssen oder können, aber die drei finno-ungarischen Sprachen, deren Schriftlichkeit eine lange Tradition hat, Ungarisch, Finnisch und Estnisch, helfen bei der Orientierung. Außerdem sollten auch phonotaktische Gesichtspunkte berücksichtigt werden. Wenn das Lautbild eines Fremdwortes zu sehr von der üblichen tscheremissischen Lautstruktur abweicht, sollte man es durch ein tscheremissisches ersetzen.

Es kann nicht Ziel der Spracherneuerung sein, bereits eingebürgerte Lehnwörter zu ersetzen. Davon sah man auch im Ungarischen, im Finnischen und im Estnischen sowie in den meisten europäischen Sprachen ab. Die älteren Entlehnungen aus dem Russischen sind dem Tscheremissischen inzwischen angeglichen worden, die neueren dagegen sind aufgrund ihres unveränderten Lautbildes und ihrer Betonung als Fremdkörper zu erkennen und stören somit auch das ästhetische Empfinden.

Wie ich weiter oben schon erwähnte, ist es für die Tscheremissen und die übrigen Völker des Wolga-Kama Gebiets von existentieller Bedeutung, ihre Sprachen binnen kurzer Zeit zu Idiomen von europäischem Niveau zu entwickeln. Als Vorbild kann ihnen in erster Linie die estnische Erneuerungsbewegung dienen, die die Landessprache im ersten Viertel unseres Jahrhunderts auf das Niveau der europäischen Staatssprachen erhob.

Eine äußerst wichtige Aufgabe ist die Erstellung eines einsprachigen Wörterbuches, mit dem die Tscheremissen bereits weit fortgeschritten sind. Außerdem werden zweisprachige Wörterbücher benötigt, und zwar neben dem tscheremissisch-russischen und russisch-tscheremissischen auch ein englisch-tscheremissisches, ein deutsch-tscheremissisches usw. Solche Werke gehören zur kulturellen Autonomie eines Volkes und sind zudem von didak-

tischer Bedeutung, da Fremdsprachen am besten auf der Grundlage der Muttersprache zu erlernen sind.

Dies sind Aufgaben von enormem Umfang, doch wenn die Intelligenz der Tscheremissen und der mit ihnen verwandten Völker des Volga-Kama Gebiets sie auf sich nimmt, erweist sie damit nicht nur ihrem eigenen Volk, sondern zugleich auch der gesamten menschlichen Kultur einen großen Dienst.

Literatur

- Иванов, И.Г. 1975. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола.
Лаврентьев, Г.И. 1986. К оценке лексических новообразований 20–30-х гг. В кн.: Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола.
Mägiste, J. 1958. Idasooome-uugri rahvaist, keelist ja kirjandusist. Lund.

Актуальные задачи обновления марийского языка

Марийцы и другие финно-угорские народы Поволжья и Прикамья требуют для себя больше суверенитета, а своим языкам бóльшей роли во всех областях жизни. Однако они пока не имеют такого языка, который можно было бы поставить наряду с русским языком.

Каковы же самые срочные задачи?

У марийцев два литературных языка, что не мотивировано языковыми расхождениями. Вопреки более значительным языковым расхождениям, итальянцы, немцы, англичане и даже эстонцы создали общенародный литературный язык. Создание общего марийского литературного языка не может означать ликвидацию горномарийского наречия.

Наиболее срочная задача — создание терминологии политической, экономической и научной жизни. Необходимо творить сотни, тысячи новых слов. Используемый до сих пор метод, то есть введение русских слов в неизменяемом виде с сохранением оригинального ударения, неприемлем. Не может быть жизнеспособным язык, в котором тысячами встречаются слова с чужим ударением и фонетическим строем. Такой язык не может соответствовать эстетическим требованиям.

Для расширения лексики, за некоторыми исключениями, годны методы, использовавшиеся в 20-ые–30-ые годы. Нет смысла заменить новыми словами укоренившиеся, в том числе и русские, заимствования. Не беда, если в некоторых случаях новый термин и традиционное чужое слово бытуют рядом. Это способствует обогащению стилистического разнообразия языка.

Нельзя дать правила относительно того, для каких понятий должны были бы марийцы образовать новые слова, но венгерский, финский и эстонский литературные языки могут до некоторой степени служить примером в целях ориентации.

Перед марийской интеллигенцией стоит огромная задача. Если она согласна взять на себя и заботы её решения, ею будет внесён ценнейший вклад не только в национальную, но и во всю человеческую культуру.

Габор Берецки

ÜBER DIE MÖGLICHKEIT EINER EINHEITLICHEN MARISCHEN SCHRIFTSPRACHE

Paul Kokla

Pécs (H) – Tallinn (EE)

0. Im Marischen haben sich zwei Schriftsprachenvarianten herausgebildet, die auf den Hauptdialekten beruhen: die wiesen- oder ostmarische (= O) und die berg- oder westmarische (= W) Schriftsprache. Es erübrigt sich in diesem Zusammenhang einen historischen Exkurs vorzuführen (s. Ivanov 1975). Es sei nur erwähnt, daß im Verlauf der Zeit Versuche unternommen wurden, eine einheitliche Schriftsprache zu schaffen.

Im folgenden werde ich die beiden Sprachen komparativ untersuchen, um deren wirkliche Differenzen festzustellen. Es werden die Lautentsprechungen und die morphologischen Elemente gegenübergestellt. Auf die Betrachtung des Wortschatzes wird in diesem Vortrag verzichtet.

1. Phonetik

Es gibt zwei phonetische Eigenschaften, die in den mar. Schriftsprachen deutlich abweichen: die Wortbetonung und die Vokalharmonie. Für O ist die Ultimabetonung typisch, während W durch die Penultimabetonung charakterisiert wird. In W liegt ganz strenge palatovelare Vokalharmonie vor, in O kommt die labiale Angleichung zur Geltung. Die beiden Momente spielen jedoch nur in der gesprochenen Sprache eine Rolle.

Im folgenden werden die abweichenden Lautentsprechungen der beiden Schriftsprachen vorgeführt.

1.1. Vokale

- (1) O *a* – W *ä* (*βate* – *βätə* ‘Frau’, *nalaš* – *näläš* ‘nehmen’)
e (*salma* – *selmä* ‘Pfanne’, *kalasaš* – *kelesäš* ‘erzählen’)
- (2) O *o* – W *a* (*nočko* – *načkə* ‘feucht’, *kondaš* – *kandaš* ‘tragen’)
- (3) O *u* – W *ə* (*kurək* – *kərək* ‘Berg’, *muškaš* – *məškaš* ‘waschen’)
o (*kue* – *koγi* ‘Birke’, *ruaš* – *roaš* ‘hauen’)
- (4) O *ü* – W *ə* (*lüm* – *ləm* ‘Name’, *kūtaš* – *kətäš* ‘weiden’)
- (5) O *ö* – W *a* (*jösö* – *jasə* ‘schwer’, *jörataš* – *jarataš* ‘lieben’)
- (6) O *e* – W *ä* (*kejež* – *kəjgəž* ‘Sommer’, *lektaš* – *läktäš* ‘hinausgehen’)
i (*βeye* – *βijgə* ‘Schwiegersohn’)
- (7) O *i* – W *ə* (*iza* – *əzä* ‘älterer Bruder’, *ilaš* – *əläs* ‘leben’)
- (8) O *ə* – W *ə* (*təlze* – *təlzə* ‘Mond, Monat’, *əštaš* – *əštäš* ‘machen’)
i (*kəša* – *kišä* ‘Spur’, *pəštaš* – *pištäš* ‘stecken’)

Außer den angeführten Entsprechungen gibt es noch Fälle von ganz niedriger Frequenz, z. B.: *o* – *ə*; *ü* – *ə*, *i*, *e*; *ö* – *ü*; *e* – *ə*.

1.2. Konsonanten

- (1) O *ć* – W *c* (*ćoma* – *cama* ‘Füllen’, *ćarnaš* – *cärnäš* ‘aufhören’)
- (2) O *ɣ* – W *ɣɣ* (*eɣə* – *äɣgər* ‘Angel’)
- (3) O *k* – W *χ* (*kalək* – *χalək* ‘Volk’, *turkaš* – *tərχaš* ‘aushalten’)
- (4) O *γ* – W *χ* (*ojγo* – *ojχə* ‘Sorge’)
- (5) O *∅* – W *χ* (*oza* – *χoza* ‘Besitzer’, *una* – *χəna* ‘Gast’)

2. Morphologie

2.1. Nominalflexion

Im Bereich der Nominalflexion ist es zweckmäßig, die Pluralzeichen, Kasussuffixe und Possessivsuffixe zu betrachten.

2.1.1. Pluralzeichen

O *-βlak*, *-la*, *-mät*, gelegentlich auch *-šaməć*; W *-βlä*, *-la/-lä*. Sowohl in O als auch in W kann unterschiedliche Reihenfolge des Pluralzeichens, Kasussuffixes und Possessivsuffixes vorkommen (O *šorəkem* ‘mein Schaf’: AkkPl *šorəkem-βlakəm* oder *šorək-βlakeməm*). Bei der Schaffung einer einheitlichen Schriftsprache würden sich in dieser Hinsicht keine ernsthaften Schwierigkeiten ergeben.

2.1.2. Kasussuffixe

Das traditionelle Deklinationsparadigma sieht folgendermaßen aus:

	O	W
Nom	∅	∅
Gen	-n	-n
Akk	-m	-m
Dat	-lan	-lan/-län
Lat	-(e)š	-eš
Ill	-š(kV)	-š(kV)
Ine	-štV	-štV

Praktisch kommen aber auch einige weitere Kasusformen vor, und es ist vorgeschlagen worden, daß zumindest folgende Kasus als schriftsprachlich anerkannt werden sollen (Tužarov 1977¹, 1977², Kokla 1979, Saarinen 1993): Komparativ oder Modal O *-la*, W *-la/-lä*, Komitativ O W *-ke/-γe* und Abessiv oder Karitiv O W *-te/-δe*.

Es stellt sich also heraus, daß unter den in der Tabelle angeführten sechs Kasussuffixen nur im Lativ ein (unbedeutender) Unterschied erscheint: O *paša* 'Arbeit': *pašaš*, W *päšä* : *päšäeš*. Aber in gewissen Worttypen stimmen die Lativformen beider Schriftsprachen überein: O W *kuku* 'Kuckuck': O W *kukueš*; O *korno*, W *kornâ* 'Weg': O W *korneš*.

2.1.3. Possessivsuffixe

In den possessiven Konstruktionen ist keine einzige prinzipielle Abweichung zu finden, abgesehen von der 2PSg: O *-t*, *-et*, W *-et* (vgl. Lat O *-š*, W *-eš*): O *paša* : *pašat*, W *päšä* : *päšäet*; auch diese Possessivformen gewisser Worttypen decken sich in O und W: O *korno*, W *kornâ* : O W *kornet*.

Die Unterschiede in der 2PSg : O *-č* (*erγe* 'Sohn' : *erγâč*, W *-c* (*erγæ* : *erγæc*) und in der 3PPl : O *-št* (*pört* 'Haus' : *pörtâst*), W *-štâ/-štæ* (*pört* : *pörtâštæ*) sind eher rein phonetischer Art.

2.2. Verbalflexion

Wie die possessiven Personalsuffixe, so sind auch die verbalen Personalsuffixe in den beiden Schriftsprachen grundsätzlich identisch.

2.2.1. Präsens (Indikativ)

	O	W
1PSg	-am, -em	-am/-äm, -em
2	-at, -et	-at/-ät, -et
3	-a, -eš	-a/-ä, -eš
1PPl	-na, -ena	-na/-nä, -enä
2	-Ta, -eða	-Ta/-Tä, -eðä
3	-t, -at	-t, -at/-ät

Es kommen nur durch die Vokalharmonie bedingte Unterschiede vor: O *nalaš* 'nehmen': 1PSg *nalam*, W *näläš*: *näläm*; O *polšaš* 'helfen': 2PPl *polšeda*, W *palšaš*: *palšedä*.

2.2.2. Präteritum 1 (Indikativ)

In der 3PPl erscheint eine prinzipielle Differenz: O -ĉ (< *-t): *tolaš* 'kommen': *tol'əč*, W -eβə (< *-pA): *tol'eβə*. In der 2PSg ist der Unterschied bloß phonetisch: O -ĉ, W -c: O *tol'əč*, W *tol'əc*.

2.2.3. Präteritum 2 (Indikativ)

Die Abweichungen kommen ausschließlich in der palatovelaren Vokalharmonie vor (vgl. Präs. 2.2.1.).

2.2.4. Negation

Im Verneinungsverb erscheint die Lautentsprechung *o* - *a*: O *om*, *ot* usw., *oγəm*, *oγət* usw., *oməl*, *otəl* usw.; W *am*, *at* usw., *aγəm*, *aγət* usw., *aməl*, *atəl* usw.

In den verneinten Pluralformen des Prät. 1 ist ein wesentlicher Unterschied zwischen O und W erkennbar:

	O	W
1PPl	<i>əšna tol</i>	<i>šnä tol</i>
2	<i>əšta tol</i>	<i>šdə tol</i>
3	<i>əšt tol</i>	<i>əš tolep</i>

In den verneinten Formen des Prät. 2 ist der einzige radikale Unterschied zwischen O und W zu finden, der durch ein ganzes System geht; das ganze Paradigma in W wird auf dem verneinten Gerundium mit dem Suffix *-te/-de* aufgebaut:

	O	W
1PSg	<i>tolân omâl</i>	<i>toltelam</i>
2	<i>tolân otâl</i>	<i>toltelat</i>
3	<i>tolân oγâl</i>	<i>tolte</i>
1PPI	<i>tolân onal</i>	<i>toltelna</i>
2	<i>tolân oðal</i>	<i>toltelða</i>
3	<i>tolân oγâtâl</i>	<i>toltelât</i>

2.2.5. Imperativ

In der 2PPI treten unterschiedliche Morpheme auf: O *-sa/-za*: *tolaš* : *tolza*, *ilaš* 'leben' : *ilôza*; W *-ta/-tä*, *-ða/-ðä*, *-da/-dä*: *tolða*, *əläš* : *ələðä*.

Es ist zu vermerken, daß die Imperativformen der 2PPI des Verneinungsverbs in O und W im Prinzip gleich lauten: O *ida tol*, *ida ile*; W *idä tol*, *idä ələ*.

2.2.6. Infinite Formen

Im Bereich der zahlreichen infiniten Formen kann man nur auf eine einzige prinzipielle Abweichung hinweisen, nämlich im sog. neccessiven Infinitiv: O *-man* (*əštaš* 'machen' : *əštâman*), W *-mêla/-mälä* (*əštäs* : *əštəmälä*).

3. Schlußbetrachtungen

3.1. Hoffentlich kann man aufgrund des oben angeführten Materials einen Überblick über die Differenzen der zwei mar. Schriftsprachen gewinnen.

Unter den phonetischen Eigenschaften verursachen die regulären Lautentsprechungen keine Probleme, während in den Regeln der Wortbetonung und Vokalharmonie der Charakter der beiden Sprachen kraftvoll zum Ausdruck kommt.

In der Nominalflexion gibt es keinen einzigen problematischen Punkt. Die Verballflexion hat in folgenden Formen nennenswerte Abweichungen: (1) die 3PPI des Prät. 1, (2) die Konjugation des Verneinungsverbs im Prät. 1 und (3) das verneinte Paradigma im Prät. 2. In den infiniten Formen kommen keine Schwierigkeiten vor.

So stehen m.E. einer einheitlichen mar. Schriftsprache keine wirklichen linguistischen Schwierigkeiten im Wege.

3.2. Die Hauptschwierigkeiten für die Schaffung einer allgemeinen mar. Schriftsprache sind außerlinguistischer Natur. Das wichtigste hier ist die Sprachsituation, die von folgenden Faktoren bestimmt wird: (1) der äußerst dürftige Schulunterricht des Mar., (2) die allgemeine mar.-russ. Zweispra-

chigkeit, (3) der durch das Gesetz nicht reglementierte Status der mar. Sprache im öffentlichen Leben und (4) das niedrige Prestige der mar. Sprache. Diese Sprachsituation hat sich als Resultat der unter sowohl des Zaren- als auch Sowjetregims ausgeübten Sprachpolitik herausgebildet.

Darüber hinaus erhebt sich vor uns die Frage, ob die Mari sich in erster Linie als Mari identifizieren, oder ob die wiesen- bzw. bergmar. Identität noch heute relativ stark ist. Das bedeutet, daß der Konsolidierungsprozeß der Mari zu einer einheitlichen Nation bis heute nicht zu Ende gegangen ist. Leider ist dieses Problem meines Wissens ausführlich nicht erforscht worden.

3.3. In diesem Zusammenhang sei es mir erlaubt, eine Parallelität anzuführen. Jahrhundertlang waren auf dem estnischen Sprachgebiet zwei Schriftsprachen im Gebrauch. Doch vor mehr als 200 Jahren wurde die Notwendigkeit einer einheitlichen Schriftsprache erkannt. So hatte J.H. Rosenplänter i.J. 1813 den Grund zu schreiben: "Vielleicht wäre es sogar jetzt noch möglich den revalschen und dorptschen Dialect zu einer Schriftsprache zu vereinigen" (Rosenplänter 1813).

Vom linguistischen Gesichtspunkt aus war die Schaffung der allgemeinen estnischen Schriftsprache gar kein einfaches Unternehmen: Nordestnisch und Südestnisch standen zueinander nicht näher als die zwei mar. Schriftsprachen. Ich würde sogar behaupten, daß es in den estnischen Sprachen rein morphologische Differenzen in größerem Maße gab als in den marischen.

Andererseits muß man zugeben, daß die Situation in dieser Hinsicht ganz anders beschaffen war, daß die estnisch-deutsche Zweisprachigkeit unter den Esten in geringem Masse zu finden war. So konnte nur das Estnisch als allgemeine Schriftsprache in Frage kommen. Ich glaube, es würde nicht überflüssig sein, sich mit den Parallelitäten in der estnischen Sprachgeschichte auseinanderzusetzen (s. z. B. Kokla 1985, mit Bibliographie).

3.4. Heute sollen wir zu folgenden Fragen Stellung nehmen: (1) Ist es gegenwärtig noch realistisch, die Schaffung der allgemeinen mar. Schriftsprache anzugehen? und (2) Welche Sprachform soll dieser Sprache zu Grunde liegen?

Dabei müssen wir auch diesen Meinungsäußerungen Verständnis entgegenbringen, deren zufolge die Mari die richtige Zeit schon versäumt hätten (z. B. M. Kuznecova auf der Konferenz in Uppsala 1994). Man darf aber keineswegs außer acht lassen, daß die einheitliche Schriftsprache eine der wichtigsten Voraussetzungen für das Fortbestehen eines kleinen Volkes darstellt. So können wir auf die erste Frage nur eine positive Antwort geben.

Zur zweiten Frage: Als Grundlage der einheitlichen mar. Schriftsprache kann nur die wiesenmar. Schriftsprache dienen, deren Wortschatz und grammatisches System mit den bergmar. Elementen bereichert werden können.

3.5. Es besteht wohl kein Zweifel darüber, daß für die Zukunft der mar. Schriftsprache unsere mar. Kollegen zuständig und verantwortlich sind. Dennoch möchte ich einige vorläufige Überlegungen zur Sache anstellen.

(1) Es ist leider wieder einmal an der Zeit, eine Reform der mar. Orthographie durchzuführen. Die folgenden Veränderungen scheinen aktuell zu sein: (1.1.) *ŭa* für *ɶ*, *ŭy* für *ɷ*, wie schon früher (vgl. *ŭo*, *ŭö*, *ŭÿ*, *ŭw*); (1.2.) konsequente Bezeichnung der Palatalisation durch *ʲ* (s. auch Alhoniemi 1993. 32); (1.3.) es könnte zweckmäßig sein, Buchstaben, die die mar. Aussprache offensichtlich beeinflussen, zu ersetzen: *e* (vielleicht durch *ə*, wie auch früher geschrieben wurde) und *u* (möglicherweise durch *ʉ*, wie früher, oder ein anderes Zeichen, z. B. *õ*, *õ̃*, *ǎ*).

Außerdem könnte man sich m.E. vorstellen, daß in O die Regeln der labialen Vokalharmonie aufgegeben werden. Dies wäre eine radikale Veränderung, zugleich aber ein wesentliches Entgegenkommen bzw. eine direkte Erleichterung für die Sprecher der betreffenden Mundarten und somit wichtig, falls die einheitliche mar. Schriftsprache ernst gemeint ist.

(2) Im Bereich der Morphologie könnte der nezessive Infinitiv auf *-māla* der O eingegliedert und parallel mit dem *man*-Infinitiv verwendet werden.

Literatur

- Alhoniemi, A. 1993. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg.
- Ivanov, I.G. 1975. Istorija marijskogo literaturnogo jazyka. Joškar-Ola.
- Kokla, P. 1979. Zur Frage des tscheremissischen Kasussystems. In: Festschrift für Wolfgang Schlachter zum 70. Geburtstag. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 12. Wiesbaden.
- Kokla, P. 1985. Entstehung einer einheitlichen estnischen Schriftsprache. In: Entstehung von Sprachen und Völkern. Tübingen.
- Rosenplänter, J.H. 1813. Beiträge zur genauern Kenntniss der ehstnischen Sprache. Pernau.
- Saarinen, S. 1993. Ns. marginaaliset sijat marin kaasussysteemissä. In: *Systeemi ja poikkeama*. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14.5.1993. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 42. Turku.
- Tužarov, G. 1977¹. Sravnitel'nyj padež v marijskom jazyke. SFU XII.
- Tužarov, G. 1977². Sovmestnyj padež v marijskom jazyke. SFU XII.

О возможности единого марийского литературного языка

0. Исторически формировались два мар. лит. языка: лугововосточный и горный. В докладе они подвергаются сопоставительному анализу с целью установить действительный уровень различия между ними. Рассматриваются фонетические соответствия и морфологические категории.

1. Фонетические особенности двух литературных норм не представляют значительных трудностей. Также в склонении имен не наблюдается существенных проблем. В спряжении глаголов имеются три принципиальные особенности (в формах прош. времени и в отрицательной парадигме).

На наш взгляд непреодолимых лингвистических препятствий на пути к общенациональному мар. лит. языку не имеется.

2. Главные трудности при формировании единого лит. языка нужно искать в экстралингвистической сфере. Важна в этом отношении языковая ситуация, которая характеризуется следующими факторами: (1) общая мар.-русс. двуязычность, (2) недостаточное преподование мар. языка в системе народного образования, (3) неустановленный законом статус мар. языка в обществе и (4) низкий престиж мар. языка. Такая ситуация сложилась в результате языковой политики, проводимой как при условиях царского, так и советского режима.

3. Необходимо приступить к созданию единого мар. лит. языка на основе луговой лит. нормы; лексика и грамматическая система могут быть усовершенствованы горно-мар. элементами.

Пауль Кокла

ON THE PRESENT STATE OF THE MARI LEXICON

Sirkka Saarinen

Turku (FIN)

The statistics on the Mari language, as indeed on the other Finno-Ugric languages in Russia, have in recent years had a sad tale to tell. For according to them, the number of people speaking Mari as their native language is rapidly declining, and those unable to speak their native tongue are to be found above all among the youngest generation, thus further impairing the outlook for these languages. The reasons for this situation are, of course, not linguistic: Russia has been persecuting her minority languages and russifying any alien tribes for centuries, because in order to be strong, an empire must be uniform. And unity has been sought not by democratic means but by subordination. The oppression has without any doubt been most forceful in the 20th century, especially under the Stalinist regime, when the liquidation of the intelligentsia on grounds of nationalism was a clear signal to the ordinary folk. Even more fatal to the minority languages was the school reform carried out by Khrushchev in the mid-1950s. As a result, instruction in the vernacular was possible only in the first three classes at school; in other words, the national school system was abolished.

Eighty per cent of the Mari still claim to speak their native language. In other words, 20% have forsaken it—mostly in favour of Russian. The majority of the foresakers live in the towns. Among the reasons for russification are the absence of or insufficient teaching in schools, the low prestige of the vernacular, and the supremacy of the dominant language in the mass

media and all official dealings. Unilingualism is reached through the bilingualism concerning solely the speakers of a minority language. Bilingualism inevitably leads to some extent to a mixture of languages, and unless the speaker is aware of the value of the vernacular and has a sufficient command of its structure and vocabulary, this tendency will be beyond control. For whereas, for example, the Finns who speak Swedish as their native language use many Finnish words in their everyday speech, they are still capable of speaking and writing pure Swedish. The reason for this is that they are taught at school in their mother tongue (it is possible in Finland to go from kindergarten right through university studying entirely in Swedish), and to linguistic self-esteem: Finland's Swedish-speakers do not belittle their native tongue.

Languages spoken in the same area will naturally influence one another. Where one language is stronger than the other, the influence is in one direction only, and if it is sufficiently intensive, the minority language will eventually merge with that of the majority. The Turkic languages at one time had a strong influence on Mari, and continue to do so among the Eastern Mari. The language threatening all the eastern Finno-Ugric peoples today is Russian. The influence of Russian is manifest in the large number of loan words and the semantic development of words, and in particular the wealth of calques. It is sometimes possible to hear sentences in which a large proportion of the words are borrowed from Russian, the suffixes alone being Mari. This linguistic contamination applies most of all to the young, urbanised and educated Mari: they have completed their entire schooling in Russian and they know the terminology in Russian only, whether they are speaking of politics, music or botany.

The proportion of Russian words in a text does, of course, depend on the type of text. Examination of, for example, a scientific or political article will reveal that Russian words are in the clear majority. This is understandable, because in many walks of life no terminology has ever been created in the vernacular. And even if the terminology were to exist, where would children learn it if they are taught at school in Russian? A sample of about 4,000 text words dealing with culture and cultural policy chosen from a socio-literary journal (Ончӧкко) revealed that 14.2% were Russian loans. (The corresponding figure for a similar Erzya sample was 23.6%, Moksha 18.6%, Komi 23.4% and Udmurt 11.7%.) Above all the texts illustrate the undeveloped state of terminology in the vernacular. All the words for political organs and phenomena are, for example, Russian, such as *мар. суверенитет* 'sovereignty', *наций* 'nation', *делегат* 'representative', *республика* 'republic', *договор* 'agreement', *производство* 'production', *правительство* 'government', *Верховный Совет* 'Supreme Soviet'. The

related adjectives are likewise Russian, i.e. they are formed not by adding a Mari or Mordvin affix to a Russian stem but by simply using Russian adjectives. The adjectives have been assimilated in their masculine form, e.g. mar. *политический* 'political', *экономический* 'economic', *законодательный* 'legislative'. Similarly, the names for professions and various institutions are as a rule Russian.

Some scholars claim that cases such as those quoted here should be regarded not as loans but rather as quotations, as words taken from another language and embedded in the vernacular. At some linguistic stage this may perhaps be true, but as time passes and no words are developed for them in the vernacular, they become part of the vernacular lexicon. The extent to which Russian loans have penetrated the lexicon can be examined from the basic lexicon (cf. Comrie & Smith, *Lingua* 1977: 66–71) consisting of 205 basic concepts. The words in the Mari basic lexicon are taken from a bilingual dictionary (*Русско-марийский словарь*) according to the Russian entries.

Only three Russian loans are to be found in the basic Mari lexicon (= 1.4%): *да* 'and' (though this may to some extent be regarded as a loan of Turkish origin), *фрукт* 'fruit' (also an earlier loan from the Turkic *саска*), and *охотыш кошташ* 'to go hunting' (also *сонарлан кошташ*). (The corresponding number in the basic Erzya lexicon was 16 or 7.8% and in the Moksha 19 or 9.2%.) It can be seen from the list of basic words that where a word has a more abstract meaning in addition to the basic one, the vernacular word is used in the basic meaning but the loan word in the abstract meaning. (Abstract meanings are not, of course, included in the above list.) For example, 'feather' in Mari is *пыстыл*, but when it means a quill for writing with, the Russian word *перо* is used. The same applies to 'leaf': in Mari a leaf on a tree is *лышташ* but in a book *лист*. Yet the natural development of the language should have been the same as with the Russian words *перо* and *лист*. 'Star' is in Mari *шӱдыр*, but 'Order of the Red Star' is *Йошкар Звезда орден*.

Some sort of picture of the present state of the dialect lexicon can be obtained from the material collected on 13 dialects covering 546 concepts for the European Linguistic Atlas. Cases in which all the dialects know the Russian word only number a mere 10 or just 2%. (The corresponding figure for Erzya Mordvin is 15.5% and for Moksha 12%, for Komi 13% and for Udmurt 1.5%.) These words consist mainly of names for new cultivated plants (e.g. *gruša* 'pear', *sliwa* 'plum', *kukuruz* 'maize', *potidor* 'tomato') and for certain tools and articles (*stan* 'loom', *tetrat* 'notebook'); they also include a few Russian loans clearly representing an older layer (*šepka* 'cradle', *wārač*, *doktār* 'doctor'). The number of Russian loans in the western or mountain

dialect is far (about 10 per cent units) greater than in the other dialects, for the area inhabited by the Mountain Mari has been under Russian influence for a longer period. In Mountain Mari even the words for e.g. 'river' (*rekä*), 'ripening' (*pospejä*), 'strong' (*silän*) and 'drunkard' (*piänicä*) are Russian loans.

The process of russification does not appear to have gone very far in the basic and dialect lexica of Mari. (The situation is, in the light of the above percentages, different in Mordvin and Komi, where the long influence of Russian is visible both in the dialects and in the basic lexicon.) The problem in Mari is to begin with the spoken language, which will undoubtedly become more and more contaminated unless people become more aware of their vernacular and the importance of preserving it. For Mari to be preserved as the language of communication both inside and outside the home, it must be used far more in public, for example on the radio and television. A Language Act granting Mari an official status would also help. Since the demand that the entire population of the area speak both languages will probably fail due to opposition from the Russians, the aim should be to satisfy at least the minimum demand that all official documents, both general ones and ones applying to the individual, should always be translated into Mari, and that all Maris should be granted the right to speak Mari in government offices, hospitals and other such establishments. (A law to approximately the same effect applying to the Sami language is in force in the part of Finland inhabited by the Sami.) Enforcing this demand would require that all civil servants be bilingual, which would in turn raise the prestige of the language.

Another burning problem is the lack of terminology in various sectors of society. The words for new phenomena and concepts have been assimilated from Russian direct without even attempting to create new words for them, even though the language has a rich derivation system and almost unlimited potential for combining words. It would be unrealistic to imagine that all new Russian loans could be avoided. They cannot be avoided, but the language community could at least be given a chance to use words in the vernacular. New words can, if necessary, be created artificially, so long as the phonetic and lexical structure of the language is observed. It is, however, more difficult for such words to obtain the approval of the language community. (Positive examples can, however, be found in the history of e.g. Finnish.)

In addition to deriving and combining words, the dialects and their lexical potential should be used more to enrich the lexicon. To the outsider, the monolithicity and inflexibility of literary Mari seems incomprehensible. Why can the literary language not assimilate new words from, for example, the

mountain dialect? This would broaden the basis of the written language and bring the western and eastern forms closer together instead of steadily pushing them apart. A large proportion of the differences between the western and eastern dialects are lexical and phonetic. A few morphological deviations could be accepted as parallel forms. Unfortunately, the written forms of many of the eastern Finno-Ugric languages are tied too closely to a single dialect. (Such a lack of democracy is, however, not unknown to the Indo-Europeans; written French, for example, is based on the language spoken at court.) The literary language should be an abstraction driving speakers of all the dialects closer together instead of further apart. It would thus be equally easy or difficult for each member of the language community to assimilate it. The creation of a uniform literary language is usually of great significance to the birth and development of a nation, but if the literary language has too narrow a base, it tends to separate rather than to unite. This is what has happened to many of the Finno-Ugric peoples living in Russia. Yet only the national unity created by a communal language can help a nation small in numbers to survive under pressure from a stronger one. Democracy does not mean the right of every ethnic group to disrupt the national unity, but rather the striving of these groups—by compromising, too—towards a common goal: the preservation and strengthening of the national language and through it national unity.

Вопросы лексики марийского языка

Из марийцев 80% говорят на своем родном языке, т.е. двадцать процентов из них уже расстались со своим языком — в общем, в пользу русского. Причины русификации кроме недостаточного школьного обучения — слабый престиж родного языка и гегемония доминирующего языка в средствах информации и во всем официальном общении. Марийский язык обрусает, влияние русского ощущается и в большом количестве заимствованных слов, и в развитии семантики, особенно во многих кальках. В разговорной речи можно услышать предложения, где большинство слов заимствовано из русского языка, и марийскими элементами являются лишь суффиксы.

В иллюстративном материале, выбранном из литературно-общественного журнала "Ончыко", из около 4000 текстовых слов 14,2% оказались русскими. (В подобном эрзянском материале 23,6%, в мокшанском 18,6%, в коми 23,4% и в удмуртском 11,7%.) В материале наблюдается неразвитость терминологии на родном

языке. Например, все названия политических органов и явлений, как и названия профессий и разных институций, русские.

В основной лексике марийского языка (здесь основной лексикой считаются 205 слов, определенных Комри и Смитом) можно найти только три русских слова (= 1,4%): *да*, *фрукт* и *охотыш кошташ*. (В основной лексике эрзянского литературного языка соответствующее количество 16, т.е. 7,8%, а мокшанского — 19, т.е. 9.2%.)

Современное состояние диалектной лексики видно из материалов Лингвистического атласа Европы, собранного из 13 диалектных пунктов и содержащего 546 понятий. Случаев, где во всех диалектах обнаружено только русское слово, меньше чем 2% (= 10 шт.). (В эрзянском материале 15,5%, в мокшанском 12%, в коми 13% и в удмуртском 1,5%.) Это в основном названия полезных растений и некоторых инструментов. В горном наречии количество русских слов на 10 процентов выше, чем в остальных.

В основной и диалектной лексике обрусение не кажется очень сильным. Проблемой является разговорная речь, которая превращается все больше в смешанный язык, если сознание о родном языке не крепнет. Жгучим вопросом является и недостаток терминологии. Надо активно образовывать новую лексику для всех областей общественной жизни.

Сиркка Сааринен

**THE TRANSITION TO LATIN SCRIPT:
A PROJECT OF UDMURT CULTURAL REVITALISATION**

Aleksey Krasilnikov

Izhevsk (RUS)

The foreseeable future of Finno-Ugric languages spoken by ethnic minorities in Russia holds out so little prospect of survival that we may consider their existence in terms of "linguothanatology", the study of language death. This branch of linguistics is devoted to observing the process by which natural languages decay and eventually perish. It focuses on sociocultural processes that may lead to extinction, observing the changes in language patterns caused by the destructive impact of a culturally predominating language, as well as the methods of human intervention whose purpose is to revitalise the dying language or to alleviate the sociocultural pressure that is responsible for its decay and the distress of native and nonnative devotees.

The position of the Udmurt language in the Udmurt Republic (one of the republics of the Russian Federation) is so uncertain at present that urgent and radical moves are needed to stabilize it culturally and linguistically. The first democratic challenge to what might be seen as the malice of fate was undertaken in 1992/93 in the form of a parliamentary debate that resulted in a bill on "the Official Languages of the Udmurt Republic". If that law had been enacted, the political equality of Russian and Udmurt for administrative purposes would have been established. However, the bill was deliberately rejected by the Russian majority of the Parliament of the Udmurt Republic.

That fiasco made the devotees of Udmurt see that the struggle against the sociocultural squeezing of the Udmurt language will be long and exhausting.

Yet the intricacy of the problem is rooted not only in the inertia of the Soviet Empire's psychological heritage (which is still very strong) but also in the realities of post-Soviet life and of what is called market economy. In the past two or three years we had to learn that ethnic culture must find its consumers in a market economy and that the phrases "survival of culture" and "consumption of culture" are synonymous. Today, we must not only resist the inertia of former cultural imperialism, but also transform Udmurt ethnic culture into an adequate shape of consumable culture. To achieve that, we must gain higher self-esteem and a firm psychological background.

It is obvious in this context that some elaborate devices must be worked out to give ethnic culture a revitalising impulse. I will use the term "artificial actualization" to refer to a set of devices meant to rouse devotees' spirits and spur them on to activity. Culture itself is something artificial; and multiplied artificiality is probably what culture is all about.

Among such devices a change-over from Cyrillic to Latin script may be one of the most stimulating.

Such transition would enhance the prestige of the Udmurt language both in Russians' and in Udmurts' perception. The reasons are rooted in human psychology and the peculiarities of intercultural relationships. Russians in Udmurtia tend to find it awkward and ridiculous that they are able to read the letters of an Udmurt text but not to make any sense of it, however familiar it may look. (This is a constant source of mockery.) So to get rid of this abracadabra effect, a correspondence of form and content should be established by providing a foreign-looking graphic shape for what is in this context a foreign language.

Another psychological argument for Latin script lies in Russia's age-old yearning for the West. Recall Nikolay Gogol's hat seller from "Dead Souls" who advertised himself as "Inostranets [= Foreigner] Vasilii Fedorov". The cultural code of "western is better" obviously reveals itself in modern life when Russian merchants and entrepreneurs, in order to attract consumers, have to imitate western patterns. The adoration of anything western has reached such an unprecedented climax that it is now customary to use Latin spelling for Russian words in street posters and TV commercials. We may state that from "Russian Inostranets" Vasilii Fedorov's point of view, i.e. in terms of Russian cultural archetypes, Latin script is something valuable and admirable.

In sum, if Udmurt were to be recast in a Latin garment, it would indirectly gain respect in the eye of Russians. As for Udmurts themselves,

especially for the younger generation, Latin script would not only mean psychological elevation of their linguistic/cultural status, but also signal cultural integration with their western kindred (Hungarians, Estonians, and Finns).

The above arguments were of a socio-psychological kind. But there are other types of arguments as well. Briefly, they are the following. (1) Cyrillic script was invented with the needs of Russian syllabic writing in mind. It is ill-suited to Udmurt whose internal make-up is quite different. (2) The Russian-based Udmurt alphabet, with its 38 letters, is too large for a reasonable approach to writing. (3) The existing letters do not match the phonetic properties of Udmurt and poorly represent the sounds of natural speech. (4) The foregoing factors generate difficulties in the teaching of reading and writing in schools. The list could be prolonged.

Thus, at the end of the twentieth century, Udmurts have to face the challenge of changing the written code of their native language. The problem, though difficult, is not insurmountable since, in effect, it merely involves shifting the way the language is embodied in a visual form. There were similar attempts in early Soviet history, even if they were unsuccessful. A notable positive example was Kemal Atatürk's decision to convert Turkish from Arabic to Latin spelling.

The necessity to change over to Latin script is of vital importance for Udmurt culture. If we really want to see ourselves as part of the twenty-first century, we must venture to leap to Latin script. Otherwise the Udmurt language may end up as a matter of interest for nobody else but the linguothanatologist.

Переход на латинскую графику: проект ревитализации удмуртской культуры

Состояние языков финно-угорских меньшинств России таково, что их исследованием впору заняться лингвотанатологии (лат. *lingua* 'язык' + гр. *thanatos* 'смерть' + *-логия*) — гипотетической науке по изучению процесса умирания естественных языков и облегчению предсмертных социокультурных страданий носителей языка.

Будущее удмуртского языка в Удмуртии проблематично. Необходимы нетривиальные меры, чтобы стабилизировать социокультурную сферу его функционирования. Будущему удмуртского языка бросают вызов не только имперская психологическая инерция русскоязычного окружения, но и реалии рыночной экономики, в которых этнокультура, чтобы выжить, должна активно

потребляться генерирующим эту культуру этносом. Отсюда встает вопрос аксиологической привлекательности этнокультуры для ее потребителей.

В качестве меры, способной дать ревитализирующий импульс удмуртской культуре, автор предлагает идею перехода к латинской графике. В ситуации культурного доминирования Запада латиница оказалась бессознательно привлекательной даже для носителей русского языка, что прямо подтверждается широким употреблением латинских букв в написании русских слов в уличной, телевизионной и газетно-журнальной рекламе.

Латинская графика, по мнению автора, косвенно будет способствовать подъему авторитета удмуртского языка в глазах русскоязычного окружения. Для самых же удмуртов этот шаг, бесспорно, станет значительным не только как прорыв в новую парадигму этнопсихологического самочувствия, но и как новое осмысление культурной интеграции с западными родственниками — венграми, эстонцами, финнами.

Среди собственно лингвистических аргументов в пользу употребления латинской графики для удмуртского языка автор выделяет несоответствие кириллицы, изобретенной для силлабического русского письма, самому духу удмуртского языка.

В заключении статьи выражается надежда, что активные усилия по ревитализации всей удмуртской культуры позволят удмуртскому языку избежать участи лабораторного объекта для лингвотанатологических штудий.

Алексей Красильников

DIE SYRJÄNISCHE LITERATURSPRACHE: ENTWICKLUNGSWEG UND ZUKUNFTSPERSPEKTIVEN

Timothy Riese

Wien (A)

0. Die Zukunft der Literatursprachen der uralischen Völker hängt eng mit ihrer Vergangenheit zusammen. Je älter die Schrifttradition eines Volkes ist, desto gesicherter scheint die Zukunft der betreffenden Literatursprache zu sein. Die Literatursprachen der uralischen Völker lassen sich, was deren Vergangenheit und Zukunft anbelangt, in mehrere Gruppen einteilen. In die erste Gruppe [1] gehören die „alten“ Schriftsprachen: Ungarisch einerseits und Finnisch und Estnisch andererseits. Das Lappische [2] nimmt hier eine Sonderstelle ein. Die Literatursprachen des Wolga-Kama Gebietes [3] (Syrjänisch, Wotjakisch, Tscheremissisch und Mordwinisch), die wesentliche gemeinsame Merkmale tragen, bilden eine Gruppe miteinander, während die ob-ugrischen, samojedischen und kleinen ostseefinnischen Sprachen [4] in dieser Hinsicht zueinander gehören. Die Literatursprachen der Gruppe 4 sind — insofern sie überhaupt vorhanden sind — akut bedroht, während der Fortbestand der Literatursprachen der Gruppe 3 im kommenden Jahrtausend keineswegs gesichert ist.

Im folgenden will ich einen kurzen Überblick über die Entwicklung der syrjänischen Literatursprache geben, um dann auf die gegenwärtigen Probleme und Aufgaben einzugehen. Der Werdegang der syrjänischen Literatursprache hat schon wiederholt den Gegenstand wissenschaftlicher Studien gebildet, die in erster Linie von Syrjänen selbst verfaßt worden sind. Hier können aus Platzgründen nur die Verdienste von V.I. Lytkin, E.S. Guljaev, G.G. Baraksanov und L.M. Beznosikova erwähnt werden.

1.1. Die syrjänische Literatursprache unterscheidet sich wesentlich von den Literatursprachen der benachbarten uralischen Völker dadurch, daß die schriftliche Tradition der Syrjänen bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts zurückreicht. Die Schaffung der altsyrjänischen Schriftsprache ist natürlich untrennbar mit dem Namen des Heiligen Stefan von Perm († 1396) verbunden, der zum Zwecke der Missionierung der damals noch heidnischen Syrjänen ein syrjänisches Alphabet schuf, viele Schriften ins Altsyrjänische übersetzte und durch seine priesterliche, bischöfliche, schriftstellerische und pädagogische Tätigkeit den Fortbestand dieser Schriftsprache sicherte. Sie war keine Literatursprache im heutigen Sinne, da sie nur im kirchlichen Bereich Geltung erlangte, verfügte aber über Normen für Orthographie, Lexik, Morphologie usw. und wurde im ganzen von den Syrjänen bewohnten Gebiet verwendet. Dieser Schriftsprache war ein Leben von ca. 300 Jahren beschieden, wobei als erstes das Alphabet außer Gebrauch kam. Daß die Kirche sie später nicht mehr gebrauchte, läßt sich darauf zurückführen, daß die Missionierung erfolgreich abgeschlossen war, das Volk somit nicht mehr mit Hilfe der Muttersprache zum Christentum bekehrt werden mußte und daß das Altsyrjänische inzwischen aus mehreren Gründen teilweise unverständlich geworden war. Die altsyrjänische Schriftsprache ist kein direkter Vorgänger der heutigen syrjänischen Literatursprache, hat aber einen ungeheuren Wert für das nationale Bewußtsein der Syrjänen und spielt somit nach wie vor eine wichtige Rolle im geistigen Leben dieses Volkes.

1.2. Die spärlichen Sprachdenkmäler aus dem XVIII. Jahrhundert basieren, so wie das Altsyrjänische, auf dem Unter-Vyčegda-Dialekt. Im Gegensatz zum Altsyrjänischen, das das etymologische *l* in allen Positionen gebrauchte, läßt sich in diesen Texten der Wechsel *l* ~ *v* beobachten. Im XIX. Jahrhundert kam es zu einem bescheidenen Aufschwung in der literarischen Produktion und zu einem gesteigerten Interesse an einer einheitlichen Literatursprache. Die Zeiten waren aber noch nicht günstig: es gab keine Schulen mit Syrjänisch als Unterrichtssprache, das Syrjänische hatte im öffentlichen Leben keinen Platz, man konnte nur mit Mühe syrjänischsprachige Bücher drucken. Dennoch kamen zwischen 1813 und 1914 60–70 syrjänische Bücher oder sonstige Publikationen heraus, darunter Grammatika, Wörterbücher, belletristische Werke. Als Basisdialekt diente in erster Linie die Mundart, die in Syktyvkar und Umgebung gesprochen wurde, obwohl auch Bücher in anderen Dialekten erschienen. Während die Lexik und Morphologie einigermaßen einheitlich waren, waren in der Graphik mehrere Richtungen vertreten. Zusammenfassend kann man sagen, daß es vor dem ersten Weltkrieg keine einheitliche Literatursprache in unserem Sinne gab, daß aber wichtige Vorarbeiten für eine solche geleistet wurden.

1.3. Durch die kommunistische Machtergreifung 1917 und die Errichtung der Sowjetmacht wurden die Voraussetzungen für eine moderne syrjänische Literatursprache geschaffen. Die Sowjetpolitik der frühen Jahre war für die nichtrussischen Völker des Reiches außerordentlich günstig. Die Verwendung der Muttersprache und der Ausbau ihrer Funktionen wurden nicht nur toleriert, sondern geradezu gefördert. Im neu gegründeten „Autonomen Gebiet der Komi“ (ab 1936 Komi ASSR) fand im Zuge der sog. коренизация auch eine зырянизация statt. Das Syrjänische wurde als Unterrichtssprache in den Schulen eingeführt, die Funktionen des Syrjänischen im öffentlichen Leben wurden ausgeweitet. Man erkannte sofort die Notwendigkeit der Schaffung einer einheitlichen Literatursprache und ging mit großer Begeisterung ans Werk. Innerhalb der nächsten 20 Jahre entstand jene sprachliche Form, welche die heutige syrjänische Schrift- und Literatursprache ist. Die grundlegende Entscheidung, nämlich die Wahl des Basisdialekts, wurde rasch getroffen: gemäß der Traditionen der vorrevolutionären Ära wurde der Dialekt von Syktyvkar und Umgebung gewählt, der auch einen Übergangsdialekt zwischen mehreren Gebieten darstellt. Für die Vereinheitlichung der Phonetik (1), Morphologie (2), Syntax (3), Graphik (4) und Lexik einschließlich Terminologie (5) wurde die Arbeit schnell aufgenommen.

1.3.1. Die phonetischen Normen der Literatursprache basieren vollständig auf dem Dialekt von Syktyvkar und Umgebung. So wurde der Wechsel $l \sim v$ als bindende Norm eingeführt. Im Verlaufe der 20er Jahre erzielte man Einigkeit auch über Detailfragen, z. B. über die Verwendung von ϵ und i in suffigalen Silben nach sowohl palatalisierten als auch nach nichtpalatalisierten Konsonanten (*munε* ‘er geht’ statt *mune*, *pukšijnj* ‘sitzen’ statt *pukšini*) bzw. über die Verwendung von g und k im Wortanlaut vor i und e statt dem dialektalen d' und t' (*gid* ‘Stall’ statt *d'id*, *kerka* ‘Haus’ statt *t'erka*). In den letzten Jahren sehen wir nur insofern eine Veränderung, daß sich spezifische russische Phoneme (f , ch , c , b' usw.) und Lautverbindungen (*vn-*, *vstr-* usw.) auch in der Aussprache russischer Lehnwörter verbreiten.

1.3.2. Zwischen den einzelnen Dialekten waren die morphologischen Unterschiede nicht groß. In der Literatursprache herrschte von Anfang an Einigkeit über die Normen für Flexion und Derivation, wobei gewisse Parallelformen z.T. noch möglich sind (z. B. *menim* \sim *mem* ‘mir’, *tenid* \sim *ted* ‘dir’). Die Entwicklung der letzten Jahre ist durch die zunehmende Verwendung mehrerer Suffixe (z. B. *-sa* [Adjektivsuffix], *-len* [Genitivsuffix]) nach russischem Muster charakterisiert.

1.3.3. In den 20er Jahren wurde die Frage heftig diskutiert, ob man bestimmte syntaktische Strukturen, die in der gesprochenen Sprache nicht vorkommen, aus dem Russischen entlehnen soll oder nicht. Die Frage wurde zugunsten solcher Entlehnungen entschieden, und die heutige syrjänische Literatursprache ist durch den russischen Satzbau stark beeinflusst. Diese Nachahmung russischer Satzmuster stellt in meinen Augen keine „Bereicherung“, sondern eine Überfremdung dar. Forciert wurde z. B. der Gebrauch untergeordneter konjunktioneller Nebensätze (viele Konjunktionen < russ.) anstatt der üblichen parataktischen Strukturen, bzw. der Verwendung verschiedenster Verbaladverbien oder Verbalnomina (mit oder ohne Postpositionen oder Partikeln).

1.3.4. Wie schon oben erwähnt, hatte man vor 1917 Einigkeit in der Orthographie nicht erreicht. 1918 führte man das sog. Molodcovsche Alphabet ein, das sich durch strenge Konsequenz auszeichnete (33 Buchstaben für die 33 syrjänischen Phoneme, ab 1929 auch mit ϕ , x , π für russische Lehnwörter). Dieses auf der Zyrillika basierende Alphabet war aber schwerfällig und unterschied sich in vielen Punkten vom russischen Alphabet. 1930 wurde im Zuge der allgemeinen Latinisierung das lateinische Alphabet eingeführt, wobei das System eigentlich gleich blieb (36 lateinische Buchstaben statt der 36 zyrillischen Buchstaben). Wie überall in der Sowjetunion wurde die Latinisierung des Alphabets auf Anweisung von oben rückgängig gemacht. 1936 bis 1938 verwendete man wieder das Molodcovsche Alphabet. Im Jahre 1939 ging man endgültig zum heutigen syrjänischen Alphabet über, das vollständig auf dem russischen Alphabet basiert (mit nur zwei Zusatzzeichen: \ddot{o} (= /e/) und i (= /i/ nach nicht palatalisierten Konsonanten). Dieses System wurde kritisiert und zwar wegen der Vermischung verschiedener Prinzipien bei der Bezeichnung der Palatalisierung (z. B. /si/, /ši/ = ci, ci; /sĭ/, /šĭ/ = сы, сыы) und des Gebrauches von Doppelbuchstaben (z. B. /č/ = тш), es ist aber nicht zu leugnen, daß sich dieses System sehr bewährt hat.

1.3.5. Eine vordringliche Aufgabe bei der Schaffung der neuen Literatursprache war die Ergänzung des vorhandenen (prisyktyvkarer) lexikalischen Materials, um die Sprache an die Erfordernisse der neuen Zeit und der neuen Gesellschaft anzupassen. Als die wichtigsten Quellen dazu dienten a) Neologismen, b) Entlehnungen aus anderen syrjänischen Dialekten und c) Entlehnungen aus dem Russischen. *Ad a:* Neologismen kamen durch verschiedene Verfahren zustande (Komposition: *лыдпас* 'Ziffer' < *лыд* 'Zahl' + *пас* 'Zeichen'; Derivation: *быдмӧз* < *быдмыны* 'wachsen' + Derivationsuffix -*ӧз*; Stammabstrahierung: *висьт* 'Erzählung' < *висьтавны* 'erzählen'; Übernahme peripherer Wörter: *аттьӧ* 'danke' < Kindersprache). *Ad b:*

Eine große Anzahl von Wörtern, die im Basisdialekt nicht vorhanden waren, wurde in die Literatursprache aufgenommen, wie z. B. *вeжон* 'Woche' (vgl. sykt. *недель*). *Ad c*: Wegen der schon Jahrhunderte hindurch andauernde Kontakte zwischen den Syrjänen und Russen sind schon vor 1917 viele russische Wörter ins Syrjänische entlehnt worden. Nach 1917 stieg die Anzahl solcher Wörter jedoch schlagartig an, was gewissermaßen zu einer Überflutung der syrjänischen Lexik geführt hat. Gerade auf diesem Gebiet muß noch viel getan werden, will das Syrjänische seine Identität bewahren. Die notwendigen neuen Wörter können vor allem durch Derivation und Komposition gebildet werden. Viele russische Lehnwörter ließen sich auch durch neugebildete syrjänische Wörter ersetzen.

Viele Ergebnisse der syrjänischen Spracherneuerung der 20er Jahre wurden im darauffolgenden Jahrzehnt zur Zeit der stalinistischen Repressionen wieder rückgängig gemacht, als jeglicher Widerstand gegen die Vorherrschaft der russischen Sprache als antisowjetische Aktivität ausgelegt wurde. Es war auch nicht möglich, gegen den erdrückenden Einfluß des Russischen auf das Syrjänische zu protestieren, ohne dabei Risiken für die eigene Karriere, ja sogar für das eigene Leben auf sich zu nehmen. Das sehen wir am besten auf dem Gebiet der Terminologie. Hatte man sich nach 1917 sehr bemüht, passende syrjänische Ausdrücke zu finden, wurden sie in den 30er Jahren durch die entsprechenden russischen Wörter ersetzt. Das 1953 von M.A. Sacharova herausgegebene „Russisch-Komi Terminologisches Wörterbuch“ enthält ca. 5000 Wörter. Davon sind ca. 950 mit syrjänischem Sprachmaterial gebildet, wobei die restlichen russische Entlehnungen sind. Die Lage hat sich leicht gebessert; die Terminologearbeit bleibt aber eine vorrangige und lebenswichtige Aufgabe für die Gegenwart und Zukunft.

2. Dem syrjänischen Volk ist es seit 1917 gelungen, eine moderne, flexible und anpassungsfähige Literatursprache zu schaffen. Liest man die Schriften der syrjänischen Kollegen aus der Zeit vor der Wende, könnte man glauben, daß es für diese Sprache keinerlei Probleme oder Bedrohungen gibt. In den Artikeln, die seit 1989 erscheinen, herrscht aber großes Besorgnis vor. In der Tat ist es so, daß die syrjänische Literatursprache in einem noch nie dagewesenen Ausmaße bedroht ist. Die Gründe dafür muß man in der sowjetischen Geschichte suchen.

Die Anzahl der Syrjänen ist in den letzten Jahrzehnten nur leicht gestiegen; im Vergleich zu anderen Völkern könnte man von einer Stagnation sprechen. Der Prozentsatz der Syrjänen, die in der Heimatrepublik leben, ist konstant geblieben (1989: 84,5%). Die Bevölkerungsanzahl der Republik Komi hat sich aber seit 1917 mehr als versiebenfacht. 1926 bildeten die

Syrjänen 87% der Bevölkerung ihres Landes. Jetzt stellen sie weniger als ein Viertel der Bevölkerung der Republik Komi dar, sind also in der Heimat zu einer Minderheit geworden. Der Zustrom Anderssprachiger erfolgte nicht immer freiwillig; Stalin ließ in der Komi ASSR viele Gefangenenlager einrichten. Später ging man an die Ausbeutung der Naturschätze und benötigte für die Bergwerke und die Industrie viele Arbeiter, die alle „importiert“ wurden. Die politische Situation seit den 30er Jahren trug auch viel zur späteren Entwicklung bei. Während die offizielle Sprachpolitik der 20er Jahre die nichtrussischen Völker begünstigte und zu einer Blütezeit dieser Sprachen führte, griffen die Herren im Kreml bald auf die imperialistische Politik ihrer zaristischen Vorgänger zurück. Viele Rechte der Völker bezüglich des Gebrauches der Muttersprache blieben auf dem Papier unbetastet, wurden aber in der Praxis abgeschafft. Auch das Syrjänische verlor seine bevorzugte Stellung in der Komi ASSR und mußte gegen die erdrückende Übermacht des Russischen ums Überleben kämpfen. Die Folgen davon sehen wir in der sprachlichen Assimilation der Syrjänen. 1959 gaben noch 89% der Syrjänen das Syrjänische als Muttersprache an, 30 Jahre später waren nur noch 70%. Dieser Abwärtstrend hat sich gerade in den letzten Jahren beschleunigt und ist gerade bei der Jugend besonders stark zu beobachten. Wie kommt es dazu?

A. Die Prestigesprache ist das Russische. Diese Sprache wird mit Fortschritt, mit der modernen Gesellschaft identifiziert, im Gegensatz zum Syrjänischen, das mit der Vergangenheit, mit dem ländlichen Leben identifiziert wird. Russisch ist die Sprache, die man beherrschen muß, wenn man in der Gesellschaft aufsteigen will, nicht das Syrjänische. Dazu kommt, daß die Geschichte des syrjänischen Volkes seit den 30er Jahren verzerrt dargestellt wird, so daß das nationale Bewußtsein der Syrjänen auch großen Schaden erlitten hat. Es wird z. B. behauptet, daß das Syrjänische lediglich eine „младописьменный“ Sprache ohne Alphabet vor 1917 sei, obwohl die syrjänische Schrifttradition bis ins 14. Jahrhundert zurückreicht. (1992 feierte man das Jubiläum „620 Jahre syrjänisches Schrifttum“. 1972 konnte man die runde Jahreszahl aus politischen Gründen nicht feiern.)

B. Das Zuströmen von Anderssprachigen hat naturgemäß zu einer gestiegenen Assimilationsrate geführt, da es nur noch wenige rein syrjänischsprachige Gebiete gibt. Die steigende Mobilität bringt auch viele syrjänische Jugendliche in die (russischsprachigen) Städte, wo sie im Verlaufe der Jahre sich sprachlich anpassen.

C. In den letzten Jahrzehnten ist die Anzahl von Schulen mit Syrjänisch als Unterrichtssprache so drastisch zurückgegangen, daß man von ihrer Abschaffung reden kann. Die überwiegende Mehrzahl der syrjänischen Kinder hat Russisch als Unterrichtssprache und zwar von der ersten Klasse an. Man

schätzt, daß nur ca. ein Viertel der Kinder Unterricht in Syrjänisch hat und das lediglich in Form eines Lernfaches, nicht als Unterrichtssprache. Es ist nicht verwunderlich, daß die meisten Erwachsenen angeben, besser auf russisch lesen und schreiben zu können, als in der Muttersprache. Ohne ein funktionierendes Schulsystem in der Muttersprache kann aber im heutigen Europa eine Sprache nicht lang überleben.

Wie wird es weiter gehen? Die Antwort hängt nicht nur von den Syrjänen, sondern auch von der Führung der Russischen Föderation ab. Seit der Wende hat sich viel verändert, doch es wird sich weisen, inwieweit den Syrjänen politische und kulturelle Autonomie tatsächlich eingeräumt wird. Sollte eine stark nationalistische, minderheitenfeindliche Regierung in Moskau an die Macht kommen, sieht es mit der Besserstellung des Syrjänischen nicht gut aus. In erster Linie kommt es aber auf den Willen der Syrjänen selbst an. In den letzten Jahren haben sie viel geleistet, u.a. wurde ein vielversprechendes Sprachgesetz verabschiedet. Es ist aber zu früh zu sagen, ob ein gesundes nationales Bewußtsein auch in den breiten Massen der Syrjänen zustande kommt, ob — als *sine qua non* — ein ausreichendes Schulsystem mit Syrjänisch als Unterrichtssprache gewährleistet werden kann, ob — quasi in letzter Minute — der lebensbedrohlichen sprachlichen und kulturellen Assimilation Einhalt geboten werden kann.

3. Ein weiterer Faktor, der das Überleben der syrjänischen Literatursprache erschwert, ist die Existenz einer zweiten Form des Schriftsyrjänischen, des Komi-Permjakischen. Die Komi-Permjaken wohnen nicht in der territorialen Einheit der Komi-Syrjänen und sprechen Dialekte des Syrjänischen, die von den komi-syrjänischen Dialekten abweichen. Es gibt unbestreitbare Unterschiede auf dem Gebiet der Morphologie und der Lexik, doch sind diese Unterschiede weitaus geringer als bei den Dialekten vieler westeuropäischer Sprachen, die über nur eine schriftliche Norm verfügen. Nach 1917 wurde der Beschluß gefaßt, für die Komi-Permjaken eine eigene Literatursprache zu schaffen, wobei das imperialistische Prinzip *divide et impera* vermutlich eine Rolle gespielt hat. Nach langen Diskussionen wurde 1927 der Kudymkarer Dialekt als Basisdialekt gewählt und interessanterweise der Wechsel *l ~ v* als literatursprachliche Norm eingeführt, obwohl er in keinem permjakischen Dialekt vorkommt. Seither hat die komi-permjakische Literatursprache nie dieselbe Bedeutung erlangt, wie die komi-syrjänische. Wegen der — letzten Endes doch — geringeren Unterschiede zwischen den zwei literatursprachlichen Normen, wäre es ohne weiteres bei gutem Willen möglich, eine einheitliche syrjänische Literatursprache zu schaffen, die sowohl von den Komi-Syrjänen als auch von den Komi-Permjaken gebraucht werden könnte. Die Hindernisse hierzu sind nicht sprachlicher Natur (die

Unterschiede zwischen dem Ost- und Westtscheremissischen und dem Erza- und Moksamordwinischen sind unvergleichlich größer; gewisse Parallelförmigkeiten in der Lexik und der Morphologie könnten bestehen bleiben), sondern psychologischer Natur. Fühlen sich die Komi-Permjaken in erster Linie als Syrjänen oder als Permjaken? Liegt ihre sprachliche Selbstidentifikation vor allem beim Gesamtsyrjänschen oder bei ihrem Lokaldialekt? (Hier darf man nicht vergessen, daß die Aufgabe einer eigenen Schriftsprache natürlich keineswegs die Aufgabe der gesprochenen Dialekte bedeutet.) Tatsache ist es, daß auf die Komi-Permjaken, sollten sie auf einer eigensprachlichen Position beharren, unweigerlich in nicht allzu weiter Zukunft die totale Assimilation und der Verlust der eigenen Sprache und Kultur warten. Ein sehr lehrreiches Beispiel sehen wir in der Geschichte der estnischen Literatursprache. Nach der Reformation entwickelten sich zwei literatursprachliche Normen, wobei die Unterschiede zwischen dem Nord- und Südestnischen in der Tat beträchtlich waren (und noch sind). Im vorigen Jahrhundert kam die eine (südestnische) Variante glücklicherweise außer Gebrauch. Was wäre aus den Esten und dem estnischen Staat geworden, wenn angesichts der sehr realen Bedrohung durch das Russische nicht eine einheitliche, von allen Esten gebrauchte und geschätzte Literatursprache, sondern zwei schwache, miteinander konkurrierende Literatursprachen bestanden hätten?

4. Die Anstrengungen, die seit 1917 im Interesse der Schaffung einer modernen syrjänschen Literatursprache gemacht wurden, sind gewaltig und verdienen unsere Achtung. Diese Literatursprache kann als Bereicherung der europäischen Zivilisation angesehen werden. Ob sie sich in Zukunft weiterhin entwickeln kann, ob ihre Kompetenzbereiche zum Wohl des syrjänschen Volkes ausgeweitet werden können, hängt von den politischen, demographischen und soziologischen Entwicklungen der nächsten Jahre ab.

Literatur

- Бараксанов, Г.Г. 1964. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Бараксанов, Г.Г. 1986. История коми литературного языка и проблемы языковой нормы. Сыктывкар: Академия наук СССР Коми филиал.
- Бараксанов, Г.Г. 1988. Из истории создания терминологии коми литературного языка. В кн.: Лексикология и лексикография коми языка. Сыктывкар. 17–30.
- Безносилова, А.М. 1985. Роль диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка. Москва: Наука.

- Лыткин, В.И. 1969. Коми-зырянский язык. В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. Москва: Наука. 302–51.
- Kokkonen, Paula. 1993. Permiläiset kielet tänään. In: T. Salminen (Hsgr.), Uralilaiset kielet tänään. Mikko Korhosen muistosymposiumin 14.10.1992 esitelmät. Kuopio: Snellman-Instituutti. 78–84.
- Konjukhov, A. 1993. Historic Consciousness of Komi People (A Sociological Approach). In: J. Pusztay (Hsgr.), Specimina Sibirica VIII. Szombathely. 55–63.
- Lallukka, Seppo. 1990. The East Finnic Minorities in the Soviet Union. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Markov, V. 1993. Ethnopolitical Situation in the Republic of Komi. In: J. Pusztay (Hsgr.), Specimina Sibirica VIII. Szombathely. 95–8.
- Veenker, Wolfgang. 1984. Zum Verhältnis von Laut und Schrift im Syrjänischen nebst Betrachtung zur Ökonomie der kyrillischen Schrift fürs Syrjänische. NyK 86: 200–7.

Коми литературный язык: путь развития и перспективы

Литературный коми язык, история которого довольно хорошо изучена, восходит ко второй половине XIV века, когда св. Стефан Пермский создал древний коми алфавит и литературный язык, использовавшийся в основном в церковных целях. Значение древнего коми языка для его народа невозможно переоценить несмотря на то, что он не является прямым предком современного коми литературного языка.

В XVIII–XIX веках литературный коми язык широко не использовался, однако были заложены основные традиции, которые существенно облегчили создание современного литературного языка с 1917 года. В 20–30-ые годы успешно происходило унифицирование языка в областях фонетики, морфологии, синтаксиса, орфографии и лексикологии. Были предприняты меры по сокращению огромного количества русских заимствованных слов и развитию технической терминологии с помощью собственных языковых средств.

Несмотря на то, что коми — хорошо развитый литературный язык, его судьба вовсе не защищена. Число носителей языка с годами не увеличивается, коми составляют всего 25% от населения Республики Коми, в последние десятилетия национальный язык почти не используется в школах. Все эти факторы не предвещают ему хорошего будущего. Кроме того, коми-пермяки используют другой вариант литературного языка, что ослабляет усилия коми народа по сохранению коми языка. При обоюдном согласии было бы возможно использование всеми одного общего литературного

варианта. Факторы, которые сегодня препятствуют этому, не являются чисто языковыми. Поэтому последующие годы могут стать решающими для литературного коми языка. Необходимо способствовать его развитию и прежде всего его использованию во всех областях общественной жизни, особенно в школьном образовании.

Тимоти Ризе

ЯЗЫК КОМИ КАК УНИФИЦИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Атилла Добо

Печ (Н)

В последнее время — и не только в так называемом западном финно-угроведении — были высказаны предложения об унифицировании модели описания уральских языков, которое наряду с рационализацией и компьютерной обработкой является весьма актуальным. С этими филологическими вопросами взаимосвязан аспект оценки статуса уральских литературных языков на территории России.

Ниже будет рассмотрена проблематика только двух официальных литературных языков народа коми: коми-зырянского и коми-пермяцкого. Подобные случаи встречаются, естественно, и в других уральских языках (ср. марийский и мордовский языки). Для того, чтобы убедиться в важности этой проблемы, достаточно ознакомиться с новейшими работами томской школы, в которых ставятся и практические цели. Например, создание алфавита, выработка орфографии и составление учебников для малых сибирских народностей. Проблемы, решаемые томской школой, симптоматичны практически для всех уральских литературных языков в России. Сегодня такая работа ведётся в отношении селькупского языка, и встаёт вопрос о том, один или несколько литературных языков целесообразно выработать для южных селькупов. Если мы проникнемся актуальностью этих проблем, то яснее предстанут по-

добные вопросы, некогда возникавшие в более старых уральских литературных языках европейской части России.

В одном или нескольких — для каждого диалекта — литературных языках нуждаются селькупы? Вопрос чрезвычайно важен. В первом случае необходимо было бы основываться на этимологической орфографии, не имеющей, к сожалению, традиций; во втором — на фонетической орфографии. Роль воздействия русской орфографии необходимо было учитывать не только в Сибири. Например, как обозначать мягкость согласных: применяя специальное для этого обозначение или с помощью йотированного гласного. Это проблематично в отношении всех уральских языков России. Для говорящих на родном языке русская орфография является, собственно говоря, довлеющей, поскольку русский язык является для них вторым родным языком. Русская орфография автоматически переносится ими на родной язык.

Приведу идентичные примеры из истории формирования западных литературных языков. Очевидно, что формирование уральских литературных языков на территории России во всяком случае происходило в иных общественно-политических условиях. Общеизвестны примеры из истории семьи германских языков. В течение долгого времени нидерландский язык считался диалектом немецкого языка. И только в процессе экономического и общественного развития Голландии нидерландский язык вырос до самостоятельного литературного с собственной орфографией и своей литературой. Другим примером можно привести наличие сегодня официального названия швейцарского немецкого языка (Schwyzer-Dütsch) и отсутствие немецкого языка Австрии: о последнем можно говорить только как о диалекте немецкого. Аналогичным историческим примером характера взаимоотношения коми-зырянского и коми-пермяцкого языков можно привести вечный спор в славистике о болгарском и македонском языках. Критериями для определения македонского национального языка как самостоятельного могут служить, правда, лишь исторические факты и второстепенные наслоения сербской лексики и фонетики (фонетизмов). Даже исторические факты, приведшие к самостоятельности башкирского языка, отделившегося от татарского, похожи на нынешнюю ситуацию с языками коми. Немногочисленные собственно башкирские орфографические формы по природе своей вторичны и искусственны. По этой причине едва ли возможно вести речь о самостоятельном литературном языке.

И вообще необходимо оценить и с этой точки зрения роль влияния норм русского литературного языка, как примера для подражания, на языки прочих национальностей России (республик бывшего Советского Союза). Чем можно объяснить стремление к фонетической орфографии неславянских языков России? Может быть, тем, что в русском языке количество диалектов незначительно и принцип письма является скорее фонетическим. Возможно, что пример русского языка для других национальностей носит характер автоматизма. Типологические антипримеры английского, итальянского и немецкого литературных языков, единых для всех их диалектов, хотя разница между ними существенна, не актуальны для уральских языков не только из-за географической отдалённости.

Если принять во внимание всё сказанное выше, то вопрос существования двух литературных языков коми весьма проблематичен. Естественно, речь идёт вовсе не о том, что мы подвергаем критике способ зарождения коми-пермяцкого литературного языка. Однако, необходимо сказать, что имеются и другие возможности для этого, поскольку диалектные и этнографические различия между коми-зырянами и коми-пермяками не значительнее, чем различия между коми-зырянским литературным языком и его ижемским диалектом. Однако, ижемский диалект не имеет отдельного официального статуса. Наличие литературных языков коми никоим образом не объясняется степенью разницы их диалектов, а коренится единственно в определённой политической обстановке, сложившейся в послереволюционной России. Конечно же легко сказать сегодня, что тамошние тогдашние функционеры хотели административно разделить народ коми. Это даже не нуждается в доказательствах. То, что было именно так, показывают ранние и, к сожалению, безуспешные попытки администрации Коми объединить обе территории, населённые народом коми.

Не стоит много рассуждать об отсутствии у пермяков средств массовой информации на родном языке и недостатках в преподавании родного языка. Однако один вопрос всё же поставим: для чего нужен отдельный коми-пермяцкий литературный язык, если его применение ограничено? Впрочем, в последнее время как бы наметились позитивные перемены, сказывающиеся в улучшении коми-пермяцкой письменности.

Во всяком случае не надо ставить под вопрос существование пермяцкого языка, как отдельного варианта языка коми. Пермяки конечно представляют собой самостоятельную народность со своими традиционными признаками. По моему мнению, пермяки

и зыряне несомненно являются народностями одной этнической единицы коми. На этот факт обычно не всегда обращают внимание, потому что считается, что оба варианта имеют статус литературного языка.

Каково же будет дальнейшее развитие письменности коми, покажет будущее. Если произойдёт унифицирование, то некоторым изменениям подвергнется пермяцкий вариант, поскольку даже по своим языковым нормам он является весьма русифицированным. Можно предполагать возможную “зырянизацию” лексического состава пермяцкого варианта. Однако, согласуется ли это с интересами пермяков, имеются ли для этого возможности и, вообще, как вписывается данный проект в языковую ситуацию, — на этот вопрос я затрудняюсь ответить.

В заключение можно сказать, что возрождение финно-угорских письменностей в России возможно только в рамках широкого языкового планирования, которое охватывало бы многие сферы. Предварительные работы уже проводятся в Республике Коми. Возможно и продолжение традиций в обновлении языков, начатых в 20-е–30-е годы. Необходимо подчеркнуть, что это является в первую очередь задачей финно-угорских лингвистов России, которые смело могут обратиться за помощью к своим зарубежным коллегам.

Das Komi — als einheitliche Literatursprache

In letzter Zeit wurden einige Vorschläge zu einheitlichen Beschreibungssystemen der verschiedenen Sprachschichten (Phonologie, Morphologie) der uralischen Sprachen gemacht. Vereinheitlichung, Rationalisierung, maschinengetreues Aufarbeiten der Daten, solche Themen scheinen also jetzt angesagt zu sein. In einem gewissen Zusammenhang mit diesen — mehr oder weniger — philologischen Ansätzen steht aber auch die Sichtung und Bewertung des Status der diversen Literatursprachen, die für die östlichen Idiome der Uralia in Rußland geschaffen wurden.

Es wird die Problematik der beiden offiziellen Schriftsprachen für das Komi-Volk, Komi-Syrjänisch und Komi-Permjakisch behandelt. Typologisch vergleichbare Fälle werden auch aus anderen Sprachfamilien (z. B. Tatarisch/Baschkirisch bzw. Bulgarisch/Makedonisch) aufgezeigt.

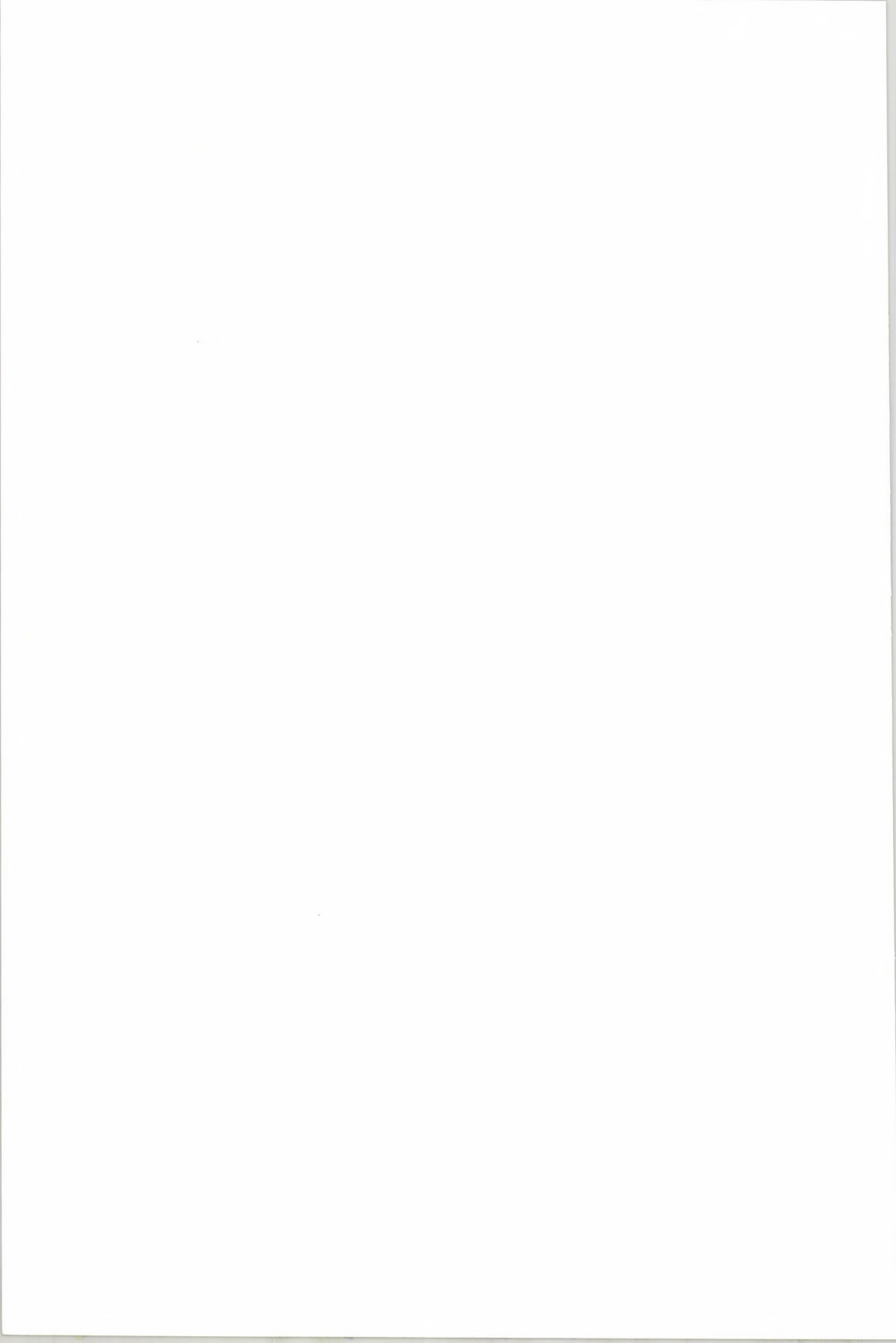
Zusätzliche Aktualität gewinnen diese Fragen durch die Arbeiten der Linguisten in Tomsk, die sich in Fortsetzung der bisher eher theoretischen

Forschungen dieser Schule jetzt auch für praktischere Ziele interessieren. Es geht um die Erstellung von einer Schriftsprache resp. mehrerer Varianten für das bisher schriftlose Südselkupische. Ein Verständnis der dabei auftauchenden technischen Schwierigkeiten erleichtert — gleichsam rückwirkend — auch die Behandlung der Problematik der vergleichsweise älteren Literatursprachen für die Uralier im europäischen Teil Rußlands.

Schritte in Richtung einer Vereinheitlichung beider Varianten des Komi müßten zunächst für das Permjakische überlegt werden. Da es sich um ein auch in der Sprachnorm stark russifiziertes Idiom handelt, wäre eine „Syrjänisierung“ des permjakischen Wortschatzes vorstellbar. Ob ein solcher Plan aber auch mit den Interessen der dort ansässigen Bevölkerung und den linguistischen Fakten in Übereinstimmung zu bringen ist, kann nur schwer abgeschätzt werden.

Es wird festgestellt, daß es zu einer „Wiedergeburt“ der finnisch-ugrischen Schriftwesens in Rußland nur im Rahmen einer umfassenden Sprachplanung kommen kann. Diese Aufgabe stellt sich aber vor allem den Linguisten der finnisch-ugrischen Republiken in Rußland.

Attila Dobó

A NEW ERA IN THE KOMI VOCABULARY

Paula Kokkonen

Kirkkonummi (FIN)

In May of 1992, the supreme soviet of the Komi Republic ratified a language law, which gave Komi and Russian official language status. At present, Komis make up a little less than 25% of the total population. For this reason, the new law will first come into effect in districts and villages, where a Komi majority is present and operates as a social entity; e.g. the Komi villages of the Iz'va, Kortkerös, Syktyvdin, Sysola, Kulömdin and Luzdor districts as well as Syktyvkar. These districts are regarded as national and therefore are subject to special arrangements. In practice, the new Ministry of Inter-National Relations, has been vested with the task of interpreting the language law and putting it into practice. (There are over one hundred nationalities in Komi alone.) It has been estimated that the changes prescribed by the said law can be realised over a period of ten to fifteen years. (The new language law was published in the Komi-language journal *Komi mu* 19/11/1991.)

A few points on the agenda:

The Komi language will gradually become official. **Phase one**, laying the foundation, this will take from three to five years. At this stage, the fundamental requirements of Komi language instruction must be met; i.e. teachers will be trained, educational material drafted etc. It is of utmost importance that during this period, Komi residents, especially those in the service sector, learn Komi. The new ministry is responsible for establishing

which sectors be required to offer services in both official languages. It also has an information and translation center, which renders language assistance to private citizens, offices and organizations.

An essential feature of **phase two** is an extensive Komi-language instruction program to be available at work and elsewhere. Positive results should start to become apparent at this point; i.e. an observable rise in the number of active speakers will be noted.

Phase three is one of fine tuning; this is where Komi becomes a full-fledged official language. The law, however, is only partially in effect in towns and villages where the majority of the population speaks Russian.

Although the Komi language law does not call for actual language development and cultivation programs, these have become a point of central interest. In keeping with such developments, a language development board, consisting of representatives from the Academy of Science, the University, Pedagogical Institute, radio, television and the press, has been formed by the Ministry of Inter-National Relations. In order to insure the growth of Komi language usage, it is imperative that the Komi vocabulary be broadened to accommodate the needs of today's social and technological structures. One of the board's responsibilities is to standardize and develop the Komi vocabulary. One example of their work is the creation of neologisms to take the place of Russian loan words:

закон >	олӧм индӧд	life + direct > law
конституция >	олан пас	living + sign > constitution
Верховной совет >	Медвылі ӧксьӧм	highest + gathering > Supreme Soviet
партия >	ютыр	(political) party
столица >	юркар	head + city > capital city

Old vocabulary items, created by people like Saint Stefan of Perm and his pupils back in the 14th century, are being reintroduced into the everyday language:

небӧг	book
вись	sacrifice
ури	peace
полтӧс	spirit
Ен	God
Мезӧс	The Lord, Messiah
бурвисьталӧм	good + tell > Gospel
Вежа Лов	Holy Ghost

All new concepts, which were introduced to Komi during the Socialist Era, were either direct Russian loans or Russified terms of Latin origin, e.g. *колхоз, совхоз, леспромхоз, комбайн, райком, пионер* etc. Steps have already been taken to translate these into Komi. — Some enthusiasts would go so far as to introduce the following neologisms:

радио >	горкуд	sound + box > radio
телеграф >	сёрнивизь	speech + stripe > telegraph
телевизор >	пертаскуд	picture + box > television
телефон >	шывуджӧд	voice + transfer > telephone

(Vojvyv kodzuv 6/1990, p. 74)

Corresponding terms have also been suggested for other loan words as well (Vojvyv kodzuv 6/1990, p. 74):

газ	биру	fire + steam > gas
электричество	бимыла	fire + power > electricity
метро	мупытштуй	earth + inside + road > subway, underground
автобус	йӧзновлӧг	mass + transport > bus
трактор	кӧртмыла	iron + power > tractor
самолёт	бордамыла	winged + power > airplane
градус	вынпас	power + sign > degree
календарь	лунпас	day + sign > calendar
пример	тадзтор	like this + dim. > example
нота	ворсанпас	playing + sign > (musical) note
параграф	висьттор	tale + part > (legal) paragraph
статья	кывпасйӧд	word + notation > (newspaper) article
фольклор	йӧзмывкыдлун	folk + reason > folklore
библиотека	небӧгин	book + place > library
лингвист	кывтун	language + seer > linguist

Grammatical terminology has been coined and used in educational materials published:

предложение	сёрникузя	clause
будущее время	локтан кад	coming time > future
единственное число	ӧтка лыд	only/singular + number > singular
глагол	кадакыв	temporal word > verb

(At the beginning of the century, V. A. Molodcov used the compound word **керанвӧчан** ('doing-preparing') to mean 'verb'.)

Grammars, printed in the 1990's, generally utilize Komi-language terminology; i.e. the names of cases, which previously vacillated between Russian and Latin, have now been established in Komi forms. Earlier, these terms have only occurred in the Komi grammar by F.F. Попов (Кomi кыв, 1968) and V.I. Lytkin's book on Komi morphology (Кomi кывлӧн историческӧй морфология, 1977).

Thanks to the press, the old Komi names for the months of the year have once again become known throughout Komi:

январь >	тӧвшӧр (тӧльсь)	midwinter > January
февраль >	урасьӧм	squirrel hunting > February
март >	рака	crow > March
апрель >	кос му	dry earth > April
май >	ода-кора	leaves and seedlings (growing) > May
июнь >	лӧддза-номъя	gadfly and mosquito (season) > June
		etc.

Neologisms and the resurrection of old elements have also found criticism in the Komi press. According to one priest, the coined Komi word for 'cemetery' **шӧйна** does not stand up to etymological scrutiny (< **шӧй** 'corpse, carrion, bait, still-born; worn-out utensil'. "I do not like this word. A buried person is not **шӧй** 'carrion' he is the покойник 'deceased', who is waiting and at rest (to be at rest; Russ. покоиться), until God calls him to judgement." writes this man of the church and considers the Russian term кладбище more appropriate. (Komi му, 19/2/1994.)

Certain orthographical features of the language have been addressed in letters to the editor (e.g. Komi му 19 June, 1993). The Russian palatalization mark *ь* (e.g. after *р* and *в*) and *щ* have no relevance to Komi pronunciation, and therefore their retention in Russian loan words is questionable. When using Russian loan words, they should be written as they are pronounced: **буквар** (< букварь 'ABC-reader'), **январ** (< январь 'January'). Efforts were made in this direction in the Komi-russkiy slovar' of (1961) **морков** (< морковь 'carrot'). The spellings **плаш** (< плащ 'raincoat') and **кладбишше** (< кладбище 'cemetery'), to name a few, should be standardized according to the same principle as the word **тӧварыш** (< товарищ

'comrade'), which can be found as early as 1966 in the Russko-komi slovar' without an *щ*.

In accordance with the Komi language law, place names are to bear both a Komi and a Russian form. In practice, this means the old Komi names are to be printed alongside their Russian counterparts. Officially, the Komi region itself has undergone the following name changes: (1921) **Автономная Область Коми** > (1936) **Коми АССР** > (1990) **Коми ССР** > (1992) the Komi-language name for the republic is **Коми Республика** (Russ. Республика Коми). The Komis themselves call their "country" **Коми му** 'Komi Land'. The name of the capital city is also Komi **Сыктывкар** 'Sysola (River) City'. The Komis have historically given names to places in the near vicinity: **Перым** (Пермь), **Вятка** (Киров), **Кардор** (Архангельск) and **Пырас** (Котлас). In Komi, there is even a name for Moscow **Канкар** and Saint Petersburg **Питер**.

Komi place names have never been lost in the oral tradition, but during the era of stagnation they had no official value. Today, however, the language law calls for the official use of district and village names: **Изьва** (Russ. Ижма), **Емдін** (Russ. Усть-Вымь), **Емва** (Russ. Вымь), **Визин** (Russ. Визинга), **Вендін** (Russ. Вендинга), **Кебра** (Russ. Куратово), **Немдін** (Russ. Усть-Нем) etc.

In May of 1992, the central square in Syktyvkar was renamed, the former Jubilee Square became **Стефановской площадь** 'Stefan's Square'. This event marked the unveiling of a plaque to Saint Stefan of Perm, on the edge of that square. He was the one who created the first Komi alphabet.

Shops are now being renamed in Komi. In Syktyvkar, there are places which only have Komi names **Выль му** ('new land') shop and **Тэрыба** ('quickly') cafe, **Парма** folk theater, **Асья кыа** ('dawn') ensemble, **Сигудёк** ('a string instrument') amateur band etc.

New political parties have appeared in Komi, which have Komi names: **Чужан му** ('native land') party and **Доръям асьнымёс** ('we defend ourselves') party.

The Komi Supreme Soviet has had a vocabulary published, containing Komi place names in both Komi and Russian (Географические названия Коми АССР, словарь-справочник, 1990). This was actually preceded by A.I. Turkin's toponymic dictionary (Топонимический словарь Коми АССР, 1986).

Several other vocabularies have appeared: a botanical vocabulary (Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь, 1989), an anatomy vocabulary (Коми анатомической словарь, 1991) and a fauna vocabulary (Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь, 1993). These vocabularies were drafted by the kandidat

of philology A.N. Rakin. A vocabulary of antonymy was published in 1992 (Л.М. Безносилова – В.А. Ляшев, Словарь антонимов коми языка) and a year later a vocabulary of homonyms appeared (Е.А. Айбабина – Л.М. Безносилова, Словарь омонимов коми языка). The same year saw the publication of a vocabulary of literary science (В.И. Мартынов: Коми литературоведческий словарь-справочник). These vocabularies have quickly found their way into usage, as they can be used both scientifically and educationally.

Concern for one's language and its development is an important aspect of national awareness. This is also the case in Komi where the new language law has created legal means for inaugurating Komi as an official language alongside Russian. Many instances have begun work on behalf of the Komi language, and there is plenty of that to be done. Surprisingly enough, much similar trends in ridding the language of an excess of foreign words and phrases can be observed in languages with long established written traditions. In the beginning of 1994 the newspaper Helsingin Sanomat had articles on such developments in France, Finland and Russia. The articles dealt with a renaissance even to a point of revenge. In France, a bill is pending which would permit only French to be used in bulletins and notices in public places (this would include the news media, advertisement etc.). Words of foreign origin would be prohibited if an equivalent could be found in French. Citations could be issued for non-adherence to this new law. The French are especially concerned with the constant shower of American English in everyday speech. (Helsingin Sanomat 16/3/1994).

Russian language purity has become a subject of concern; i.e. people are calling for a return to the former Russian names of places like Moldova, Belorus and Tatarstan. In the time of the USSR they were known in Russian as Moldovia, Belorussia and Tataria. Even Boris Yeltsin has contributed: "Why in the heck use the word *voucher* when there is a perfectly good Russian word *cheque*." "No language complies with the rules of another, it uses its own," at least that is how the Russian Academy of Science regards the matter (Helsingin Sanomat 16/3/1994).

In Finland, a newspaper recently declared a competition to find Finnish words for president, minister, politics and policy. The resulting lists of suggestions were gone over by a jury of specialists. The winning words, however, were not given specific support rather usage was left freely up to the people themselves (Helsingin Sanomat 12/2/1994).

Обновление словарного состава коми языка

В мае 1992 года Верховный Совет Республики Коми принял закон о языках, согласно которому в республике утверждены два государственных языка: коми и русский. Все мероприятия по внедрению этого закона в жизнь в основном готовит новое министерство республики: Министерство по делам национальностей. При нём создана термино-орфографическая комиссия, куда входят представители ИЯЛИ (Академии наук), университета, педагогического института и средств массовой информации. Для расширения сферы употребления коми языка необходимо создание языковой терминологии в различных отраслях общественной жизни. Комиссия ставит перед собой задачи унифицирования и обработки словарного состава коми языка, повседневной терминологии. Ею предложены следующие переводы русских заимствований на коми язык: конституция > **оланподув**, партия > **ютыр**, столица > **юркар**.

Активизируются слова из старых памятников коми языка, например, созданных более чем 600 лет назад Стефаном Пермским и его последователями: **небӧг** (книга), **Бурвисьталӧм** (Евангелие), **Вежа Лов** (Святой Дух). Пришедшие из русского или через русский язык латинские термины тоже переводятся на коми язык. Многим заимствованиям — бывшим неологизмам — предъясняются коми эквиваленты: газ > **биару**, самолёт > **лэбалан**, календарь > **лунпас**. Коми грамматические термины всё чаще встречаются в издаваемых учебниках: предложение > **сёрникузя**, будущее время > **локтан кад**, глагол > **кадакыв**. Старые коми названия месяцев уже хорошо известны в коми (в периодических изданиях): январь > **тӧвшӧр** (**тӧлысь**), февраль > **урасьӧм**, март > **ража**. Также встречаются нововведения собственных имён. Близлежащим населённым пунктам давно были даны коми названия: **Кардор** (Архангельск) и **Пырас** (Котлас). Название Москва по коми звучит **Канкар** и Петербург — **Питир**. Коми названия топонимов были издавна всенародно известны. Сейчас, когда действует закон о языках, коми названия сёл и районов должны бы считаться официальными: **Изьва** (Ижма), **Емдін** (Усть-Вымь), **Емва** (Вымь), **Визин** (Визинга), **Кебра** (Куратово) и т.д. В мае 1992 получила новое название центральная площадь Сыктывкара — **Стефановскӧй плӧщадь**. Есть небольшая публикация коми топонимов на двух языках: Географические названия Коми АССР, словарь-справочник (1990).

Издано также много других тематических словарей: Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь (1989), Коми

анатомическõй словарь (1991), Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь (1993), Словарь антонимов коми языка (1992), Словарь омонимов коми языка (1993), Коми литературоведческий словарь-справочник (1993) и Коми эпитетъяслõн кывчукõр (1994). Словари очень быстро нашли широкое применение: они пользуются большим спросом как в научной, так и в педагогической среде.

Паула Кокконен

ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ ХАНТЫЙСКОГО И МАНСИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Карой Редעי

Вена (А)

1. В нашей работе речь пойдет о литературных языках двух западносибирских народов, находящихся в ближайшем родстве с венграми — хантов и манси. Письменность на этих языках возникла во второй половине прошлого века с изданием небольшого количества букварей и переводов Библии. Однако о распространении письменности можно говорить только применительно ко второй половине XX в., т.е. к послереволюционному периоду. В целом, орфографические системы для некоторых сибирских народов создавались с середины 20-ых годов на латинской, а начиная с 1937 г. на кириллической основе в ленинградском Институте народов Севера, тогда же появились первые печатные издания — учебники, переведенная с русского языка литература, первые опыты оригинальной литературы. Заслуга в этих начинаниях принадлежит преподавателям Института народов Севера, но в первую очередь создание и усовершенствование письменности было выполнено студентами, обучавшимися в этом Институте.

Общеизвестно, что любой язык, не имеющий письменности, реализуется в форме диалектов. Большинство уральских языков, за исключением венгерского, финского и эстонского, не имеет давней письменной традиции. Таким образом, практически единственной методологической возможностью для сравнительно-исторического

языкознания является историческая диалектология, сравнение фактов отличающихся друг от друга диалектов и языков в их развитии. Диалектная раздробленность несомненно означает положительный факт с точки зрения лингвистических исследований, но одновременно представляет огромную сложность для создания единого и стандартизованного литературного языка, который служит единым культурным целям всего народа (нации). Соответственно, развивающиеся и вновь созданные литературные языки малочисленных сибирских народов также стоят перед этой проблемой. При небольшой диалектной раздробленности создание единого литературного языка проходило с меньшими сложностями, в противном случае — очевидно, в связи со срочностью задач образования и массовой коммуникации — выбирался наиболее простой и легко осуществимый путь: статус литературного языка получали два или более диалекта. Для венгерского, финского, эстонского и других европейских языков со старой литературной традицией работа по сознательной выработке норм литературного языка, продолжавшаяся в некоторых случаях в течение 100–200 лет, была выполнена благодаря деятелям национальных движений за обновление языка. Эти процессы еще не завершились для единых литературных языков большинства малочисленных сибирских народов. В большинстве случаев для них литературный язык является только языком художественной литературы, но не языком народного образования, массовой коммуникации, науки.

Первые литературные опыты сибирских народов увидели свет на русском языке в журналах “Тайга и тундра” (1928–1933; пять выпусков) и “Наша жизнь” (1929). Обычно они представляли собой биографические рассказы несколько школьного, кустарного характера.

Хантыйская и мансийская литература на родном языке впервые появилась в школьных учебниках. Созданию оригинальных произведений предшествовали переводы русской литературы и издания фольклорных текстов, выполненные в действующей орфографии. В связи с этим следует заметить, что в 30–40-ые гг. хантыйскую и мансийскую литературы вряд ли можно рассматривать независимо. Первым самостоятельным изданием, в котором две литературы выступают нераздельно, является том “Поэзия хантов и манси” (Омск 1940).

2. Мансийская литература

2.1. Первые попытки по созданию мансийской письменности были предприняты в конце XIX в. Миссионеры и священники переводили на мансийский язык религиозную литературу с помощью переводчиков-манси: G. Popov "Das Evangelium Matthäi in dem Dialekt der kondischen Wogulen" (London 1868, Helsinki 1882). Во второй половине XIX в. для кондинских манси открылись первые школы. Также появилось несколько переведенных учебных книг. Священник О. Никонов с помощью манси Бахтиярова составил букварь: "Азбука для вогулов приуральских" (Москва 1903).

В тридцатые годы XX в. велась работа над созданием мансийской письменности. Началось исследование мансийских диалектов с целью выбора наиболее подходящего на роль литературного языка. Выбор пал на северный (сосьвинский) диалект. Это решение было удачным во всех отношениях, поскольку другие северные диалекты (Сигва, верхняя Лозьва, Обь) достаточно близки сосьвинскому, а основная масса манси говорит на северных диалектах. Несколько сот человек говорит на восточном (кондинском) диалекте, а западные и южные диалекты уже не существуют. Вначале мансийская орфография использовала латинскую графику. В этой графической системе различалась долгота и краткость гласных, релевантная с фонологической точки зрения, а также палатализованные и непалатализованные согласные. В результате сталинских "чисток" в 1937 г. был осуществлен переход на кириллическую графическую основу с использованием норм русской графики. В этой системе уже не обозначалась долгота гласных, а обозначение палатализации согласных было непоследовательным. Излишне говорить, что это сильно затруднило преподавание мансийского языка.

В пятидесятые годы большая часть учебников на русской графической основе была написана А.Н. Баландиным и его женой М.П. Вахрушевой. Два учебника также написала Е.И. Ромбандеева. Вахрушева написала также повесть автобиографического характера "На берегах Малой Юконды" (1949). Основателями мансийской художественной литературы считаются Пантелеймон Еврин (П.К. Чейметов): "Два охотника" (1940) и Михаил Казанцев: "Рассказ о себе" (1949).

Наиболее значительным поэтом и писателем мансийской литературы является Юван Шесталов (род. 1937), который начал свою литературную деятельность также в 50-ые годы. Он опубликовал несколько поэтических сборников на мансийском языке:

Mākem at (Запах моей земли) (1958), Misnē (Фея) (1961), Sajkalane ēriγ (Утренняя песня) (1965), Ētros (Заря) (1968), Suj (Голос) (1978), Ņuli ēriγ (Языческая песня) (1984) (список не полный). Его прозаические произведения вышли на русском языке для более широкого читателя: “Синий ветер каслания” (1966), “Когда качало меня солнце” (1972).

2.2. С учетом того, что в основу мансийского литературного языка был положен северный (сосьвинский) диалект, ни нормы литературного языка тридцатых годов, ни нормы современного литературного языка не отличаются сильно от грамматической системы северных мансийских диалектов. Разнобой и непоследовательности в основном затрагивают (или могут затронуть) только систему письма. Как уже было упомянуто, работа по созданию мансийского литературного языка была начата в тридцатых годах. В.Н. Чернецов и его жена И.Я. Чернецова в Ленинграде создали мансийскую письменность на латинской графической основе. В 1932–1936 гг. были изданы многочисленные учебники, сборники сказок для начального обучения, а также мансийско-русский словарь и мансийская грамматика. При этом обозначалась долгота краткость гласных и палатализация солгасных, хотя не во всех изданиях выдерживалась последовательно орфография, соответствующая фонологической системе мансийского языка.

Как известно, в связи с усиливающимся политическим давлением в 1937 г. для манси, как и для большинства других малочисленных народов, был введен кириллический алфавит. Новая орфография следовала принципам русской орфографии и не отражала особенности мансийской фонологической системы. Например, не фиксировалась долгота гласных: *латынг* (= *lātiŋ*) “слово” ~ *маньси* (= *mańsi*) “манси”, *оыс* (= *ōləs*) “жил, был” ~ *хот* (= *χot*) “где”, *тур* (= *tūr*) “озеро” ~ *тур* (= *tur*) “горло”. Палатализация согласных также не обозначалась последовательно: *люли* (= *l'ul'i*) “стоит”, но *сали* (= *sāli*) “олень”, *тому* (= *toti*) “несет”, но *ати* (= *āt'i*) “нет”. Наибольшая непоследовательность наблюдалась в отношении фонетического качества кириллической буквы *ы*: перед *г* она обозначала аллофон *i* (*j*), например: *пыг* (= *piγ*) “мальчик”, *яныг* (= *janiγ*) “большой”, в остальных случаях она обозначает редуцированный звук *ə*: *ялпынг* (= *jalpəŋ*) “святой, свежий”, *ваглын* (= *wāγləŋ*) “знаешь”. Редуцированный *ə* обозначался также буквой *у* (= *u*) перед *т* и *р*, например: *тотсум* (= *totsəm*) “я принес”, *пыгумныл* (= *piγətməl*) “от моего сына”. Палатализация согласных,

как и в русском языке, обозначается с помощью мягкого знака *ь* или гласных *е, я, ю, ё*.

С начала восьмидесятых годов Е.И. Ромбандеева и М.П. Вахрушева ввели в мансийскую кириллическую систему письма некоторые правила, которые лучше соответствуют фонемной системе мансийского языка. Например, долгие гласные были отделены от кратких гласных с помощью диакритических знаков: *mān* (= *mān*) “мы”, *янас* (= *jānas*) “отдельно”, *вѳт* (= *wōt*) “ветер”, *охсар* (= *oχsar*) “лиса”. Обозначение палатализованности–непалатализованности согласных также стало более последовательным, например: *сюнь* (= *śuñ*) “богатство”, *няврам* (= *nāwram*) “ребенок”, *ликм-* (= *l'ikt-*) “попасть в плен”. С фонетической точки зрения не удобное, что буква *ы* (то есть *i*) обозначает звук *i* после твердых согласных: *сым* (= *sīm*) “сердце”, *сāлы* (= *sāli*) “олень”. Редуцированный гласный обозначается буквой *ы*, а перед *т* и *р* — буквой *у*, например: *тының* (= *tinəŋ*) “дорогой”, *хүрум* (= *xūrəm*) “три”, *хүлуп* (= *hūləp*) “сеть”. Правильнее было бы последовательно перейти на обозначение этого звука буквой *ы*. Надеемся, что новейшая мансийская орфографическая система благодаря проведенным реформам в большей степени будет способствовать распространению образования на мансийском языке.

3. Хантыйская литература

3.1. Первые литературные начинания обязаны своим происхождением деятельности миссионеров. Перевод Евангелия от Матфея, выполненный П. Вологодским (Лондон 1868, Санкт-Петербург 1880), представляет диалект, промежуточный между березовским и обдорским. К концу прошлого века, точнее на рубеже веков, появилось несколько изданий религиозного содержания и букварь на обдорском и ваховском диалектах. Для развития хантыйской письменности основным замедляющим обстоятельством была диалектная раздробленность хантыйского языка. В создании литературного хантыйского языка основную роль играл ленинградский Институт народов Севера. Хантыйская письменность, созданная в тридцатые годы, так же, как и мансийская, сначала основывалась на латинской графике. Первым произведением был букварь (1930–1931), автором которого стал ханты ненецкого происхождения П.И. Хатанзеев. Книга была написана на обдорском диалекте. Следующее издание также было букварем, написанном на казымском диалекте. Начиная с этого времени и до 1937 г. основой хантыйской письменности был казымский диалект. В 1937 г.

в качестве основы литературного языка с графикой на кириллической основе был принят среднеобский (шеркальский) диалект, но по причине войны первые книги на нем появились только после 1945 г. В 1950 г. было принято решение издавать книги на нескольких хантыйских диалектах (обдорском, шурышкарском, шеркальском, т.е. средне-обском, казымском, сургутском, ваховском). Наиболее значительные поэты и писатели начали свою деятельность в 60-ые годы: Владимир Волдин, Прокопий Салтыков, Роман Ругин, Микул Шульгин. Некоторые из них обучались в Педагогическом институте им. Герцена, а их преподавателем был хантыйский лингвист Н.И. Терешкин. Каждый из них писал на каком-либо определенном хантыйском диалекте. Подающий большие надежды представитель младшего поколения хантыйских писателей Еремей Айпин начал свою работу в хантыйской литературе в 70-ые годы. Мы не собираемся заниматься разбором деятельности вышеназванных поэтов и писателей, но считаем своим долгом вернуться к проблемам анализа хантыйского литературного языка (языков).

3.2. В развитии хантыйского литературного языка можно выделить два периода: а) с графической системой, основанной на латинице, б) с графической системой, основанной на кириллице. Литературный хантыйский язык с латинской графической основой был представлен сначала обдорским (1930–1931), затем с 1933 г. казымским диалектом. Разработка норм и графической системы для казымского литературного языка является заслугой В. Штейница. С помощью диакритических знаков Штейниц выработал орфографическую систему, максимально близкую к фонологической записи (долгие или полные гласные обозначались с помощью удвоенных написаний), после 1937 г., а точнее после 1945 г. была введена письменность на кириллической основе, а литературным языком был объявлен средне-обский (шеркальский) диалект. Сначала долгие (полные) гласные обозначались также с помощью удвоенных написаний, впоследствии эти и другие буквы с дополнительными значками были исключены из хантыйской орфографии. Целью этого было максимальное приближение хантыйской графики и орфографии к русской.

В настоящее время для хантыйского языка существует шесть диалектных письменностей, и можно говорить о шести литературных языках. Орфография литературных языков, основанных на северных диалектах (обдорский, шурышкарский, средне-обский, казымский) только приблизительно отражает фонологическую систему хантыйского языка. В этом отношении безупречными яв-

ляются учебники на ваховском и сургутском диалектах, созданные Н.И. Терешкиным. Диалектная раздробленность тормозит развитие художественной литературы и средств массовой информации на хантыйском языке. Относительно будущего и перспектив единого литературного языка заслуживает внимание мнение Л. Хонти о различии хантыйских диалектов: "...степень диалектных различий много раз преувеличивали: очевидно, что носители соседних диалектов понимают друг друга, продвигаясь с востока на запад и к северу по Оби, мы нигде не найдем резких диалектных границ, диалектные различия никогда не присутствуют в такой степени, чтобы они могли затруднить понимание; даже носители наиболее далеких сургутского и казымского диалектов могут общаться друг с другом" (FilKözl. 28[1983]: 584).

Обычно хантыйские диалекты подразделяют на западную и восточную группу; внутри западной группы выделяют также северные и южные диалекты. Для западной диалектной общности письменность существует только для северных диалектов, но не для южных. Правда, неизвестно, имеются ли еще вообще носители южных диалектов. Северные диалекты различаются прежде всего фонетически, в области морфологии и синтаксиса они демонстрируют относительно единую картину. Итак, принимая во внимание общие и различающиеся черты диалектов, можно было бы создать единый западно-хантыйский (северо-хантыйский) литературный язык на основе научного языкового планирования и нормирования. Восточные диалекты значительно отличаются от западных не только с фонетической, но и с морфологической точки зрения. Например, в западных диалектах имеется 2–3 падежа, в восточных диалектах (ваховский, васюганский, трымьюганский) — 10–11 падежей. Глагольное спряжение также обнаруживает существенные различия: в северных диалектах имеется два глагольных времени (настоящее и прошедшее), в восточных диалектах, с другой стороны, наряду с одним настоящим временем существует четыре парадигматических ряда прошедшего времени (в ваховском и васюганском диалекте). Создание единого восточно-хантыйского литературного языка представляется нам сложной задачей, требующей большой компетенции. В настоящее время, вероятно, еще не возможно создать единый хантыйский литературный язык. С точки зрения развития культуры хантыйского народа, распространения средств массовой коммуникации и образования на хантыйском языке (то есть не только в целях развития художественной литературы), а также не в последнюю очередь для сохранения и

усиления хантыйского национального самосознания создание единого северно- и восточно-хантыйского литературного языка является первостепенной задачей. Эта работа предстоит хантыйской интеллигенции, но в любом случае она может рассчитывать на помощь профессионалов более многочисленных финно-угорских народов. Возможно, еще не поздно, но времени остается мало. Конечно, дальнейшей целью после создания двух литературных языков (возможно, на 50–100 лет) является создание единого хантыйского литературного языка.

4. Очевидно, что одной из важнейших задач хантыйского и мансийского литературного языков является превращение литературы в единое выразительное средство. Мансийский литературный язык более или менее удовлетворяет требованиям художественной литературы (главным образом, благодаря работе Ю. Шесталова). В случае хантыйского языка, в первую очередь, как уже говорилось, нужно провести описанное выше нормирование, унификацию. Параллельно с этим оба языка нуждаются в еще больших обновлениях, поскольку единый литературный язык должен отвечать требованиям нашего времени (имеется в виду школьное преподавание на родном языке, средства массовой коммуникации — пресса, радио, телевидение). Для создания абстрактной лексики и профессиональной терминологии в разных областях культуры, политики, научно-популярной литературы необходимо использовать внутренние ресурсы языка: богатую и разнообразную систему словообразовательных суффиксов обско-угорских языков, словосложение, богатство диалектов. Нельзя оставлять без внимания заимствования из других языков (в первую очередь из русского для мансийского и хантыйского языков), но конечно, надо иметь в виду, что большой приток заимствованной лексики может повлечь за собой утрату оригинального характера языка. Хантыйская и мансийская интеллигенция готовы вести работу по развитию родного языка. Для этого необходимо только терпение, настойчивость и многолетний труд.

Литература

- Domokos Péter. 1978. Vogul és osztják irodalom. В кн.: Hajdú Péter–Domokos Péter, Uráli nyelvokonaink. Budapest. 173–84.
- Domokos, Péter. 1982. Handbuch der uralischen Literaturen. Studia Uralo-Altica 18. Budapest.
- Domokos Péter. 1985. A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. Budapest.
- Honti László. 1982. Az osztják írásbeliség. FilKözl. 28: 581–4.
- Honti László. 1984. Chrestomathia Ostiacica. Budapest.
- Kálmán Béla. 1982. A vogul irodalom kezdetei. FilKözl. 28: 540–6.
- Steinitz, Wolfgang. 1950. Ostjakische Grammatik und Chrestomathie. Leipzig.
- Караулов, Ю.Н. 1976. Хантыйский язык. В кн.: Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. Москва. 246–9.
- Ромбандеева, Е.И. 1976. Мансийский язык. В кн.: Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. Москва. 233–6.

Die Aufgaben und Möglichkeiten der wogulischen und ostjakischen Schriftsprache

Die Hauptaufgabe der wogulischen und ostjakischen Schriftsprache ist es, zum einheitlichen Ausdrucksmittel der Schönliteratur zu dienen. Die wogulische Schriftsprache kann die Anforderungen der Schönliteratur mehr oder minder erfüllen und das ist in erster Linie das Verdienst von Juwan Schestalow. Im Falle des Ostjakischen sollten zuerst die Normalisierung und die Vereinheitlichung ausgeführt werden. Gleichzeitig brauchen beide Sprachen hochgradige Spracherneuerung, damit die Literatur- und Umgangssprache den Anforderungen der modernen Zeit entsprechen kann: Unterricht in der Muttersprache in den allgemeinbildenden Schulen, Massenkommunikation (Presse, Radio, Fernsehen). Zur Entwicklung der Fachausdrücke des modernen Denkens (die verschiedenen Sphären der populärwissenschaftlichen Arbeit, der Politik und der Kultur) sollte man alle, in der Sprache verborgenen Möglichkeiten verwerten: das reiche und nuancierte System der obugrischen Ableitungssuffixe, die Komposita, den Wortschatz der Dialekte. Auch die Entlehnungen aus anderen Sprachen — im Falle des Wogulischen und Ostjakischen die russischen Lehnwörter — dürfen nicht außer acht gelassen werden; man muß aber immer vor Augen halten, daß die grenzenlose Einströmung von fremden Elementen den Verlust des ursprünglichen Charakters der Sprache nach sich ziehen kann. Die wogu-

liche und ostjakische Intelligenz hat die Fertigkeit und Bereitschaft, ihre Muttersprache zu entwickeln. Für diese Aufgabe braucht man Geduld, Beharrlichkeit und die Arbeit von vielen Jahren.

Károly Rédei

ОБСКО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Ирина А. Николаева

Москва (RUS)

В этой короткой статье речь пойдет только о т.н. малочисленных народах Севера. Статья основана на моих личных размышлениях о состоянии дел у обских угров, а также других сибирских народов, с которыми мне пришлось познакомиться ближе (юкагиры, удэгейцы). Я предполагаю, что приводимые здесь аргументы более или менее применимы ко всем малочисленным народам Севера. Они не касаются более западных финно-угорских народов (волжских и пермских), хотя не исключено, что кое-что может оказаться релевантным и для них.

Состояние дел с литературными языками, образованием и грамотностью на родном языке у обских угров хорошо известно. Из работы в работы с неизменными положительными оценками кочует стандартный список писателей, пишущих на родном языке (хантыйском или мансийском), жалобы на диалектную раздробленность, на отсутствие единого литературного языка (особенно в случае с хантыйским), на тяжелое положение дел с учебниками, на трудности школьного преподавания, на неразвитость прессы, отсутствие терминологии и т.д. и т.п. В целом, исследователи делятся на немногочисленных оптимистов, которые считают, что существуют возможности создания единых литературных языков для обско-угорских народов, и более радикально настроенных пессимистов,

считающих, что такая возможность уже утрачена (можно спросить, почему “уже” и когда, собственно, она имелась?). Однако и те и другие поразительно единодушны в одном. Наличие стандартизованного литературного языка, абсолютной грамотности на родном языке и в конечном счете литературы рассматривается как факт безусловно и неоспоримо положительный. Точнее, этот вопрос не обсуждается вообще, но по умолчанию принимается, что иметь литературный язык в одинаковой степени хорошо для любого народа, а не иметь литературного языка для любого народа в одинаковой степени опасно, поскольку ведет к упадку языка в целом. Поэтому во многочисленных изданиях справочного, учебного, энциклопедического и проч. характера, а также во многих работах о социолингвистической ситуации у малочисленных народностей Севера степень сохранности того или иного языка ставится в прямую зависимость от количества выпущенных учебников, произведений художественной литературы или газет на т.н. литературном языке.

Правомерность этой посылки, насколько я знаю, не оспаривалась ни в одной работе, по крайней мере, применительно к малочисленным языкам Севера, хотя с моей точки зрения, в ней содержится чудовищное противоречие. Прежде всего встает вопрос: о какой именно форме литературного языка так беспокоятся исследователи? Литературный язык, возникающий, как правило, с целью стандартизации письменного текста, впоследствии в ходе исторического развития способен выработать единые для данного социума устно-разговорные формы, которые принципиально противостоят диалектным вариантам и в конечном счете приводят к их уничтожению. Почему же исследователи финно-угорских языков, которые всегда так много говорят о необходимости их сохранения, сознательно стремятся к уничтожению их диалектного богатства с помощью искусственно навязанных мер?

Можно возразить, что существуют многочисленные примеры своеобразной диглоссии, когда письменный литературный язык и устные диалектные варианты используются в абсолютно различных, не пересекающихся функциональных сферах. Но во всех без исключения случаях (ср. классические литературные языки Японии, Китая, арабского Востока и др.) возникновение такой диглоссии связано с необходимостью лингвистически “обслужить” уже существующую и развитую письменную традицию. Создание литературного языка такого типа для общества, породившего за всю историю около десятка писателей и немногим больше читателей,

представляется если и возможным, то вполне бессмысленным начинанием.

Думается, что обычное игнорирование этих простых положений связано с сознательным или бессознательным стремлением подогнать культуры обско-угорских народов под более привычные и широко распространенные рамки европейской культуры. С одной стороны, сами носители обско-угорских языков в значительной степени усвоили менталитет культурно обреченных наций, в определенном смысле являющихся “второсортными” по отношению к еврейским народам. Представители национальной интеллигенции всеми силами стремятся усвоить все необходимые атрибуты европейской цивилизованности. Хотя в теории они обычно выступают за сохранение национальной культуры, реально приобретение европейских культурных достижений зачастую эквивалентно утрате собственных культурных традиций, противоположных европейским в той мере, в какой, например, фольклор и литература, несмотря на различные промежуточные жанры, являются абсолютно противоположными формами существования языка.

С другой стороны, любой европейский или российский исследователь, который радеет о создании письменного стандартизованного литературного языка для обско-угорских народов, проявляют некий неосознанный евроцентризм, поскольку по существу считает европейскую (в широком смысле) культурную модель чем-то самим собой разумеющимся и необходимым для любого общества. Навязывание письменной культуры и стандартизованного языка народам, которые прекрасно обходились без них в течение тысячелетий, имея при этом высочайшую и хорошо организованную собственную культуру, на уровне общественно-экономических структур подозрительно напоминает пресловутый “переход от первобытнообщинного строя к социализму минуя капиталистическую стадию развития”. Результаты этого “перехода” известны. Почему же исследователи, которые обычно критикуют советскую власть за культурно-национальное угнетение и насильственную русификацию, по существу повторяют ее же ошибки уже на новом уровне, окрашенном идеями национального возрождения (возрождения чего)? И почему считается, что сейчас, когда советская власть в явном виде перестала угрожать судьбе малочисленных северных народов, культур и языков, наконец начнется их долгожданный расцвет, лишь стоит только выпустить побольше школьных учебников, воспитать еще нескольких писателей и перевести на эти языки научные термины?

Даже самые лучшие писатели, пишущие сегодня на хантыйском и мансийском языке, вынужденным образом становятся зависимыми от письменных моделей западного происхождения и тем самым, не желая того, отрываются от местной традиции, хотя и используют в своих произведениях фольклорные мотивы (ср., например, свидетельствование П. Домокоша о невосприятии мансийской общественностью произведений Ю. Шесталова). Поэтому даже самые лучшие литературные произведения остаются индивидуальной продукцией, исключением, подтверждающим общее правило. С другой стороны, письменность обско-угорских народов, поскольку она уже существует, могла бы широко использоваться, например, при записи носителями языка собственно фольклорных произведений, что несомненно имело бы исключительную ценность для научной фиксации обско-угорского культурного наследия, хотя, конечно, не отразило бы всей его многогранности.

Идея, что культура непременно должна быть письменной, является нашей выдумкой. Для многих обществ письменная культура появилась на исторически достаточно позднем этапе развития. Известно, что многие общества, и к ним, несомненно, относится обско-угорский социум, принципиально ориентированы лишь на устные средства передачи информации, которые, кстати, не исключают определенной стандартизованности и обработанности языка за счет его формульности и сознательного противопоставления языку профанного уровня. Поскольку современные письменные источники по определению предназначены для всех, они лишают основное этнокультурное знание необходимой степени сакральности, разрушают вырабатывавшиеся тысячелетиями информационные коды. Вводя в такой социум письменность, мы по существу создаем новую культуру, не имеющую ничего общего с национальными традициями, и чем больше распространяется эта культура, тем больше губится традиционное общество со всеми его ценностями.

В наше время европейская культура имеет более наступательный и агрессивный характер, чем любая другая. Неудивительно поэтому, что европейские культурные модели переносятся на другие общества на всех уровнях. К счастью, например, по вопросу о правах человека в последнее время некоторые антропологи (М. Синглтон и др.) высказывали мысль о невозможности установления единого набора универсальных прав, которые непременно должны действовать в обществе любого типа. Эта простая мысль должна была показаться кощунственной и революционной, и я не удивлюсь, если она вызвала критику популистско-

демократического толка. Не удивлюсь, если и мои аргументы будут истолкованы как проявление “великорусского шовинизма”, который мешает подлинному расцвету малочисленных народов российского Севера.

The Ob-Ugrian peoples and literary language: a personal opinion

When researchers consider the future of the Ob-Ugrian literary languages, they usually divide into two groups: the optimists who think that it is still possible to create a unified literary language, and the pessimists who think it is not. Nevertheless, both groups are remarkably unanimous in one respect. That there should be a standardized literary language, that the natives should all be literate, and that there should be literature in the native language—this is regarded as unquestionably necessary and desirable. In many papers dealing with the sociolinguistic situation among the Ob-Ugrian peoples the level of the preservation of a language is in general judged by the number of publications that appear in it, whether schoolbooks, newspapers, or pieces of literature. However this is, in fact, debatable. In all known cases, whenever a literary language has appeared it has been as a response to the need to express a developed written, but non-standardized, tradition. For many thousands of years, on the other hand, the Ob-Ugrian peoples have been managing without any written notation, having a highly developed and perfectly organized culture. The fact that researchers usually ignore this simple consideration is, in my opinion, connected with their conscious or subconscious “eurocentrism”, which causes them to impose the values of European culture onto societies of a fundamentally different type. The idea that a culture must be “written” is our invention. The Ob-Ugrian community is principally oriented towards an oral means of transmitting information, and this does not actually exclude a certain standardization of the language. By introducing written skills into such a society we belittle their ancient ways of passing information, remove such tones of sacrality as may have been present in the oral traditions, and instead of preserving a traditional culture, we succeed only in promoting a new, bastardized one.

Irina A. Nikolaeva

ZUR GEGENWÄRTIGEN ENTWICKLUNG DER CHANTISCHEN SPRACHE

Gert Sauer

Berlin (D)

Das Chantische ist mit seinen zur Zeit etwa 13 500 Sprechern zu den bedrohten Sprachen zu zählen. Es zerfällt in verschiedene, zum Teil stark voneinander abweichende Dialekte. Zwischen den im Osten am mittleren Ob und den im Norden am unteren Ob lebenden Chanten ist eine Verständigung im allgemeinen nicht möglich. Das Chantische verfügt über keine einheitliche, für alle Dialekte verbindliche Schriftsprache. Das seit den 30er Jahren entstandene Schrifttum basiert im wesentlichen auf den nördlichen Dialekten und umfaßt vorwiegend Schulbücher, aber auch schöne und politische Literatur. Es reicht jedoch insgesamt nicht aus, um die Sprache zu einem Kommunikationsmittel zu entwickeln, das den Bedürfnissen der Gegenwart gerecht wird. Erschwerend kommt hinzu, daß die wöchentlich in chantischer Sprache erscheinende Zeitung Chanty Jasang (Das chantische Wort) nur einen kleinen Leserkreis (vorwiegend Lehrer und Kulturschaffende) erreicht und die Sendezeit des Rundfunks in chantischer Sprache weniger als eine Stunde täglich beträgt.

Gegenüber dem seit rund 400 Jahren bestehenden, in unserem Jahrhundert sprunghaft angewachsenen sprachlichen Einfluß des Russischen haben sich Phonologie und Morphologie als am resistentesten erwiesen. Da die russischen Wörter heutzutage nicht mehr den phonotaktischen Verhältnissen des Chantischen angepaßt werden, sind den Chanten die ihnen fremden Laute des Russischen wie z. B. stimmhafte Klusile zunehmend vertraut ge-

worden und müssen demzufolge dem Lautsystem ihres jeweiligen Dialekts als periphere Phoneme zugeordnet werden.

Das chantische Schriftsystem, das 1937 vom lateinischen auf das russische Alphabet umgestellt wurde, ist noch nicht genügend stabilisiert. So wird in der Literatur des Kazymyer Dialekts der reduzierte Labialvokal /ǝ/ je nach Autor durch *o* oder *y* wiedergegeben, z. B. (Chvataj-Mucha 1973) *лон-*, (Moldanova 1983) *лун-* 'сказать, sagen' = /lǝp-/. Aber auch die Autoren selbst schwanken bei der Wiedergabe von /ǝ/ mitunter zwischen *o* und *y*. So schreibt Chvataj-Mucha regelmäßig *o*, z. B. *вохсар* 'Fuchs', aber *юху* 'zurück'. Moldanova schreibt regelmäßig *y*, z. B. *хуся* 'к, у, в, zu, bei, in', aber *хоят* 'кто-то, irgendjemand'.

Der Phonembestand des Chantischen spiegelt sich, besonders seit der Umstellung auf das russische Alphabet, nur lückenhaft in der Schrift wider. Die phonologisch langen und kurzen Vokale des Nord-Chantischen werden beispielsweise nicht unterschieden. Es erhebt sich in diesem Zusammenhang die Frage, ob eine Änderung der Orthographie zumindest in diesem Fall nicht einen positiven Einfluß auf den Muttersprachenunterricht haben würde.

Sind schon in den älteren, bis zur Jahrhundertwende aufgezeichneten Sprachmaterialien ganz wenige Suffixe bezeugt, die aus dem Russischen entlehnt sind (Sauer 1967. 182), so lassen sich derartige Entlehnungen unter den gegenwärtigen Verhältnissen gar nicht mehr feststellen.

Unter dem Vorbehalt, daß diesem Vortrag keine systematischen Untersuchungen zu den Entwicklungstendenzen der chantischen Gegenwartssprache zugrundeliegen, scheint mir die bei der Lektüre der chantischen Zeitung Chanty Jasang gemachte Beobachtung erwähnenswert, daß bei der Wiedergabe neuer Begriffe die Komposition eine bedeutendere Rolle spielt als die Derivation. So werden Abstrakta in der Sprache der Zeitung viel öfter durch Komposita des Typs Verbalnomen (Partizip) + *wer* 'Sache' oder + *sir* 'Art' gebildet als mit dem Suffix *-əpsə* (Schulze 1988. 327), z. B. (7. 3. 92) *волты вер* 'Leben, Existenz', (14. 9. 91) *манты сур* 'Reise, Aufbruch'.

Bei der Kasusmarkierung ist eine zunehmende Tendenz zum Gebrauch von Postpositionen erkennbar, mit denen offenbar eine Differenzierung der im Lativ- bzw. Lokativsuffix vereinigten Kasusbedeutungen verbunden ist. So erscheinen die Postpositionen *рела* '(in Richtung) auf' und *χóśa* 'zu; bei' häufig mit einer spezifischen lativischen bzw. lokativischen Bedeutung, z. B. (17. 8. 91) *лув холантас мир пугар пела* 'er (Jelzin) hörte sich die Meinungen der Leute an'; (7. 3. 92) *кат кося ... нэпек хуся тайл садик* 'nach den Unterlagen' (*нэпек*) hat der Kindergarten zwei Verantwortliche'.

Das lexikalische System ist fremden Einflüssen gegenüber bekanntlich besonders offen. So zeigt sich auch im Chantischen auf dieser Ebene der rus-

sische Einfluß besonder deutlich. Bei den chantisch schreibenden Autoren gibt es ermutigende Versuche, dem russischen Einfluß zu begegnen, indem sie im Sinne der Sprachneuerung bemüht sind, die Fülle neuer Begriffe auch mit den Mitteln der eigenen Sprache auszudrücken. Davon zeugen zahlreiche Neubildungen wie (Schulze 1988. 328) *икемн волты сир* 'равноправие, Gleichberechtigung', *лавартлы сир* 'невесомость, Schwerelosigkeit', (Moldanova 1983) *вэнлтаты вер* 'обучение, Ausbildung', (Skamejko 1985) *хор верты ху* 'художник, Künstler'. Auch Lehnbildungen und Lehnbedeutungen sind zahlreich anzutreffen und erweisen sich als produktive Versuche, das Chantische zumindest in seiner schriftlichen Form den kommunikativen Bedürfnissen der Gegenwart anzupassen. Bei den Neubildungen kommt es allerdings oft vor, daß eine Bedeutung von den einzelnen Autoren unterschiedlich wiedergegeben wird, z. B. 'свобода, Freiheit': (Moldanova 1983) *оса вэлты сир*, (Skamejko 1985) *ульня улапса*; 'обучение, Ausbildung': (Mold.) *вэнлтаты вер*, (Skam.) *уталтапса*; 'организовать, organisieren': (Mold.) *вера хусьты*, (Skam.) *вера акатты*.

Solche konkurrierenden, zum Teil mundartlich bedingten Parallelformen erschweren natürlich die Akzeptanz durch die Sprachgemeinschaft und gefährden die Lexikalisierung der entsprechenden Ausdrücke. Eine Standardisierung durch die Schriftsprache ist nur bedingt zu erwarten, da ihre regionalen Formen in absehbarer Zeit nicht zu vereinheitlichen sein werden. Umso wichtiger erscheint es, daß die Vertreter der chantischen Sprachpflege mit geeigneten Mitteln versuchen, den Prozeß der sprachlichen Normierung so weit wie möglich voranzutreiben.

Das weitere Schicksal der chantischen Sprache wird in erster Linie davon abhängen, ob ausreichende Bedingungen für die Entfaltung ihrer mündlichen und schriftlichen Form gegeben sind. Bei allen Bemühungen um den Erhalt und die Entwicklung der Sprache darf aber nicht übersehen werden, daß der im Leben der jungen Chanten immer wichtiger werdende Fachwortschatz weitgehend aus dem Russischen übernommen wird und daher immer mehr Chanten den Sprachwechsel zum Russischen vollziehen, so daß das Chantische voraussichtlich nur in Verbindung mit der traditionellen Lebensweise erhalten bleiben wird.

Literatur

- Chanty Jasang = Chanty-Mansijskoj avtonomnoj okrug mir deputatat Sovet gazeta.
- Chvataj-Mucha 1973 = Chvataj-Mucha, K.F. – Aksarina, N.M. – Obatina, G.A., Bukvar' chanty načal'noj škola podgotovitel'noj klass pata (Kasum êch jasyngny). Leningrad.
- Moldanova 1983 = Moldanova, S.P. – Nemysova, E.A. – Remezanova, V.N., Slovar' chantyjsko-russkij i russko-chantyjskij. Posobie dlja učaščichsja načal'noj školy (na jazyke kazymskich chanty). Leningrad.
- Sauer 1967 = Sauer, G., Die Nominalbildung im Ostjakischen. Berlin.
- Schulze 1988 = Schulze, B., Abstrakta-Bildung im Chantischen. In: Uralisztikai Tanulmányok 2 (Bereczki emlékkönyv). Budapest. 325–30.
- Skamejko 1985 = Skamejko, R.R. – Sžazi, Z.I., Slovar' chantyjsko-russkij i russko-chantyjskij. Posobie dlja učaščichsja načal'noj školy (na jazyke šuryškarskich chanty). Leningrad.

К вопросу о современном развитии хантыйского языка

В настоящее время на хантыйском языке говорит ещё приблизительно 13 500 человек. Хантыйский язык делится на несколько — отчасти значительно отличающихся друг от друга — диалектов и не имеет единой формы литературного языка. Возникшая в период начиная с 30-ых годов письменность, которая опирается главным образом на северные диалекты, не предоставляет достаточно прочную базу для того, чтобы хантыйский язык мог превратиться в коммуникативное средство, способное удовлетворить все потребности современности.

По отношению к сильному влиянию русского языка наиболее устойчивыми оказались фонология и морфология. Вместе с заимствованными из русского языка словами, которые в настоящее время уже не адаптируются звуковой системой отдельных хантыйских диалектов, говорящие на хантыйском языке в возрастающей мере усваивают и такие звуки, которые первоначально были чужды хантыйскому языку. Примером этого явления могут служить звонкие взрывные согласные, которые входят в хантыйскую звуковую систему в качестве периферийных фонем. Если в языковых материалах, записанных до конца прошлого века, мы находим чрезвычайно мало суффиксов, заимствованных из русского языка, то в современный период такие заимствования уже совсем не встречаются. Заслуживает внимание следующее наблюдение, сделанное при чтении хантыйской газеты Ханты Ясанг (Хантыйское Слово),

которое состоит в том, что для передачи новых понятий средствами хантыйского языка словосложение является очевидно более продуктивным чем словопроизводство. При маркировании падежей наблюдается тенденция к возрастающему употреблению постпозиций.

Писатели, пишущие на хантыйском языке, пытаются противодействовать чрезмерному влиянию русского языка на лексику хантыйского языка, стараясь передать огромное количество новых понятий с помощью средств своего родного языка. Эти стремления, вызывающие оправданую надежду на будущее развитие хантыйского языка, всё-таки не могут затемнить тот факт, что в области специальной терминологии, значение которой постоянно повышается, доминируют русские слова. По этой причине всё большее число хантов переходит на русский язык как средство общения. Вот почему следует сказать, что хантыйский язык будет сохранён только в связи с традиционным образом жизни.

Герт Зауер

**DIE SCHRIFTLICHKEIT IM OSTJAKISCHEN —
PROBLEME IN DER TEXTHERAUSGABE
IN DER SURGUTER MUNDART DES OSTJAKISCHEN**

Márta Csepregi

Budapest (H)

Bei Völkern mit junger Schriftlichkeit, wie bei den Ostjaken, muß zwischen den Begriffen „Schriftsprache“ und „Literatursprache“ unterschieden werden. Die Schriftsprache wird in Lesebüchern und anderen Schulbüchern verwendet. Da diese Bücher in der Regel von linguistisch gebildeten Autoren verfaßt werden, weist ihre Sprache neben inhaltlicher Einfachheit formelle und orthographische Genauigkeit auf. Die Sprache der schönliterarischen Werke wiederum wird trotz reichen Inhalts oft durch anspruchslose Form und inkonsequente Rechtschreibung charakterisiert. Die Ursache hierfür ist, daß die Verfasser nicht in jedem Fall mit der Schriftlichkeit ihrer Muttersprache vertraut sind. Die Verlage haben keine gebildeten Lektoren, die Druckereien können keine Sonderzeichen drucken. Bei den Bestrebungen zur Schaffung einer Literatursprache ist eine wichtige Zielsetzung, die Schriftweise der Schulbücher auch in der Belletristik zu verwurzeln, und zum Zweiten, ein Lesepublikum zu schaffen, damit die in den Büchern verwendete Schriftnorm in einem möglichst weitem Kreis bekannt wird.

Die Schaffung der Schriftlichkeit im Ostjakischen wird seit den 30-er Jahren angestrebt, die Bibelübersetzungen im letzten Jahrhundert nicht mitgerechnet. Über die Ergebnisse der ersten 30 Jahre berichtete Henrietta F. Mészáros (NyK 65: 376–84). Diese Frage wurde zuletzt auf dem Internationalen Finnougristenkongreß in Debrecen thematisiert, als E.A. Nemysova über die Geschichte und die Situation ihrer Bestrebungen eine Schilderung gab (CIFU-7/3C. 338–43).

Die phonologischen, morphologischen und lexikologischen Unterschiede zwischen den einzelnen ostjakischen Dialekten erschweren die Schaffung einer einheitlichen Literatursprache enorm. Zur Zeit befinden sich Schulbücher in zwei östlichen (Wacher und Surguter) und zwei westlichen (Kasymer und Šuryškarer) Dialekten in Vorbereitung. Die momentanen Zielsetzungen sind die Schaffung einer östlichen und einer westlichen Literatursprache.

Die Aufgabe kann nur von Experten gelöst werden, die an Ort und Stelle leben und über muttersprachliche Kompetenz verfügen. Die Arbeit wird vom Forschungsinstitut in Hanti-Mansijsk, geleitet durch E.A. Nemysova, koordiniert. Die Ostjakologen in anderen Ländern der Welt können nur insofern Hilfe leisten, indem sie durch die Beschreibung der einzelnen Dialekte eine theoretische Grundlage zur Ausführung der praktischen Arbeit schaffen. Leider müssen wir sagen, daß ausländische Werke nur sehr vereinzelt auf den Bücherregalen der Linguisten in Rußland zu finden sind. Und selbst wenn es ihnen gelingt, die Bücher zu besorgen, bleibt das in ihnen zusammengetragene Wissen mangels Sprachkenntnissen oder aufgrund abweichender fachlicher Kompetenz meist unberücksichtigt.

Ich denke, daß wir, Linguisten in Europa neben persönlichen Kontakten die Zusammenarbeit in erster Linie erleichtern können, wenn wir auch russisch publizieren und uns der Praxis in Rußland anpassen.

Ein Beispiel: In den letzten Jahren habe ich an den Flüssen Tromagan und Jugan auf dem Surguter Gebiet viel Material gesammelt. Bei der Transkription hatte ich die meisten Schwierigkeiten dadurch, daß ich meine eigenen Erfahrungen mit der bisherigen Literatur in Einklang bringen mußte. Materialien vom Tromagan sind uns bis jetzt aus zwei Quellen mit Lateinschrift bekannt: Aus den Mitteilungen von László Honti (NyK 79: 223–32; 80: 127–39, 327–45; ALH 27: 271–86) und aus Tereškins Wörterbuch (Н.И. Терешкин, Словарь восточнохантыйских диалектов. Ленинград 1981). Die beiden Linguisten bezeichnen identische Phoneme mit unterschiedlichen Buchstaben:

Honti	Tereškin	
<i>kōtəp</i>	<i>kūtəp</i>	‘die Mitte von etwas’
<i>lōγ.</i>	<i>tūγ</i>	‘er/sie’
<i>kōt</i>	<i>kōt</i>	‘Hand’
<i>kāt</i>	<i>ḱāt</i>	‘Haus’
<i>pānə</i>	<i>panə</i>	‘und’
<i>jěγk</i>	<i>jəγk</i>	‘Wasser’

Diese Unterschiede treten nur im Vokalismus der ersten Silbe auf, in anderen Silben verwenden beide Autoren identische Buchstaben: *i*, *e*, *a*, *ə*.

Hontis Notationssystem kam nach gründlichen linguistischen und sprachhistorischen Überlegungen, unter Berücksichtigung der Traditionen der Ostjakologie zustande. Tereškins Notation wiederum steht der heutigen Aussprache wesentlich näher. Im Wort *kūtəp* ist das *ŭ* tatsächlich hoch und im Wort *kōt* ist das *ō* mittelhoch. Das *a* hat die gleiche Tonfarbe in der ersten und den folgenden Silben. Die mit *˘* bezeichneten Laute sind kurz, unterscheiden sich aber von dem einzigen eigentlichen reduzierten Laut, vom *ə*, dessen Bezeichnung als *ě* in der ersten Silbe irreführend ist. Das *ə* gleicht sich, seiner Natur entsprechend, den umgebenden Konsonanten an. In dem Wort *ǰəŋk* 'Wasser' z.B. wird es als superkurzes *i* realisiert, im Wort *wər* 'Blut' wird es labialisiert und velarisiert. Es kann auch in der ersten Silbe wegfallen, womit der angrenzende Konsonant zum Silbenträger wird: *əntə* ~ *ntə* 'nicht'.

Auch bei der Transkription der Konsonanten muß ich Tereškin recht geben. Ich betrachte das velare *ḳ* als ein eigenständiges Phonem, wie es auch von den Muttersprachlern empfunden wird. Dieser Laut kommt zwar in der Regel tatsächlich in Wörtern vor, deren erste Silbe einen velaren Vokal enthält, aber seine Artikulation unterscheidet ihn eindeutig vom *k*. Und geben wir den palatalen Charakter des *a* in der ersten Silbe nicht an, so ist die Differenzierung zwischen den beiden *k*-Phonemen auf jeden Fall sinnvoll, zumal in der Surguter Mundart des Ostjakischen die Vokalharmonie verlorengegangen ist. Der *ḳ* ~ *k*-Unterschied wird sich wohl schon im ugrischen Alter phonematisiert haben, entwickelte sich in einigen Mundarten zum *χ* ~ *k*, *h* ~ *k*-Unterschied, in anderen wiederum, wie z.B. im Ost-Ostjakischen, sind die beiden *k*-Phoneme erhalten geblieben.

Für die Bezeichnung des spirantischen *l* wird in der finnougriatischen Transkription das *ʌ* verwendet, was dem kyrillischen *л* ähnlich ist. Dieser Buchstabe kann allerdings bei Personen, die des Russischen kundig sind, leicht das Sprechen eines harten russischen *l* induzieren. Tereškin verwendet hier das Zeichen *l*, wobei ich mich ihm gern anschließen würde, oder das vergrößerte *Λ*.

Ich halte es ebenso für richtiger, den Kringel zur Bezeichnung der Labialität beim *ɣ* über den Buchstaben zu setzen, als hinter ihn: *ɣ̣*. So nimmt das Zeichen den Platz von nur einem Anschlag ein und stimmt außerdem mit der Palatalitätsangabe bei anderen Lauten überein. In den Surguter Schulbüchern wird dieser Laut übrigens mit *w* bezeichnet.

Zusammenfassend möchte ich also vorschlagen, daß wir bei der lateinischen Transkription des Surguter Ostjakischen die Schriftweise verwenden, die Tereškin nach Steinitz ausgearbeitet und in seinem Wörterbuch benutzt

hat. Somit könnten wir die Einheitlichkeit fördern und die Arbeit unserer Kollegen in Rußland erleichtern. Gleichzeitig bitte ich um Ihre Zustimmung, geehrte Kollegen, in meiner in Vorbereitung befindlichen Surguter Chrestomathie dieses Alphabet verwenden zu dürfen. Wenn sie erscheint, wird sie mehr Surguter Texte enthalten, als alle bisherigen Veröffentlichungen zusammen.

Im Ostjakenland bleibt die kyrillische Schrift selbstverständlich im allgemeinen Gebrauch weiterhin erhalten. Sie ist im Falle der Surguter Mundart nach Möglichkeit phonematisch, abgesehen vom Gebrauch der Buchstaben *u, e, ě, я, ю* gemäß der russischen Aussprache, wobei die Unterschiede *a ~ ě* und *o ~ ǎ* in der Schrift nicht erscheinen. In sprachwissenschaftlichen Veröffentlichungen allerdings verwenden die Linguisten lateinische Buchstaben, und es wäre für sie einfacher, wenn sie auch in der ausländischen Literatur die ihnen bekannten Transkription vorfänden.

Ich weiß, daß die Schaffung der einheitlichen Literatursprache nicht lediglich eine Frage der Orthographie ist. Auf dem nördlichen Mundartgebiet wird zur Zeit eine Sprachreform durchgeführt, in deren Rahmen versucht wird, für neue Begriffe relativ unbekannte Dialektwörter zu finden und diese zu verbreiten, sowie die Syntax zu vereinheitlichen. Dies ist ein langwieriger Prozeß, der von finanziellen und geistigen Voraussetzungen abhängig ist, und bei dem notwendig ist, daß die Vertreter der Wissenschaft, des Bildungssystems, der Presse und der Literatur in den wichtigsten Fragen Übereinstimmung finden.

Хантыйская письменность — проблемы издания текстов на сургутском диалекте хантыйского языка

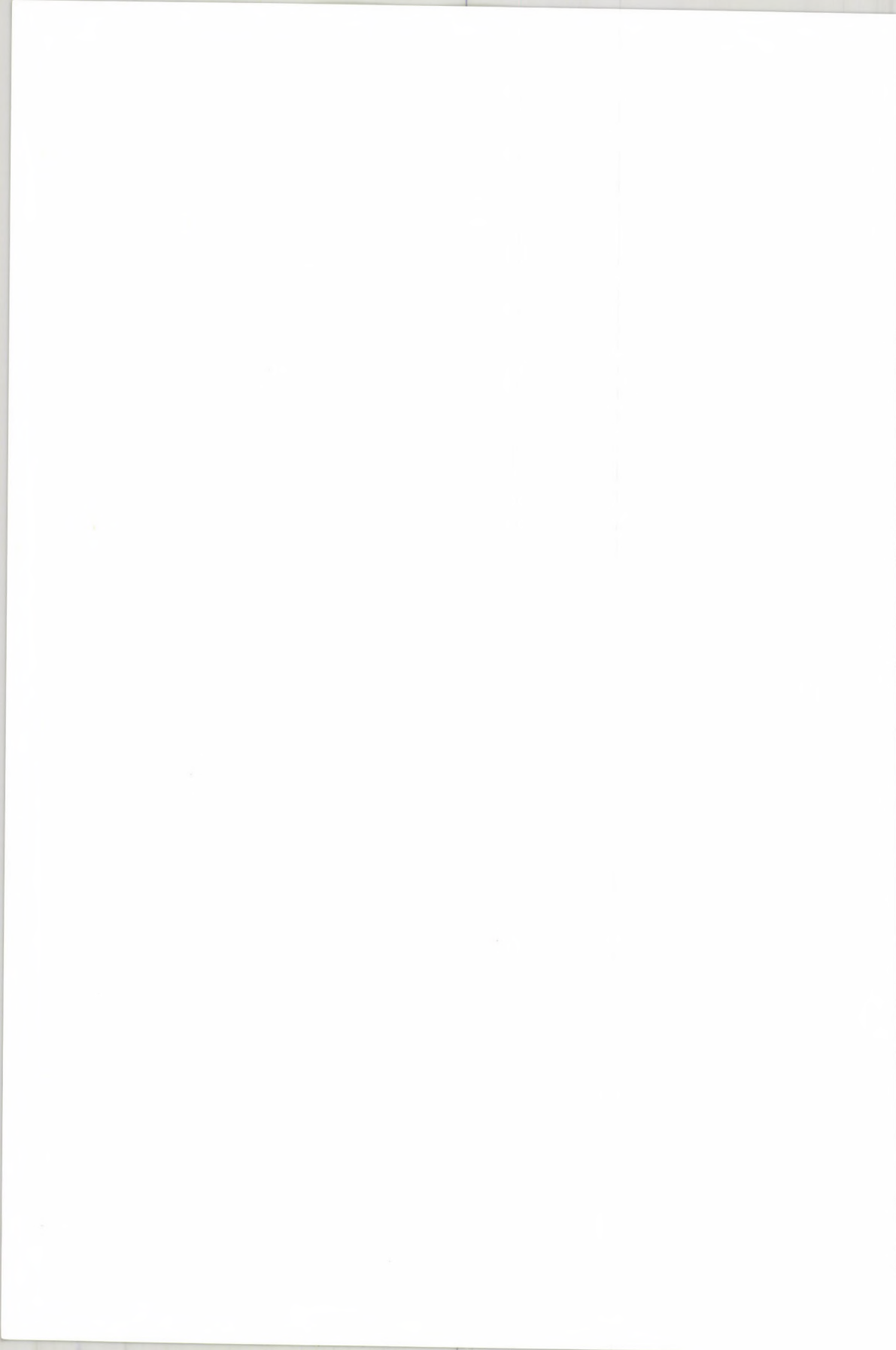
Проблемы создания хантыйского литературного языка известны специалистам: с одной стороны, письменный язык (учебники, газеты) не тождественен литературному языку, а с другой стороны, вследствие различий между диалектами необходим не один, а несколько литературных языков (см. Е.А. Немысова СIFU-7/3С. 338-43).

Создание литературного языка является практической задачей, которую надлежит выполнить местной интеллигенции, носителю языка. Зарубежные специалисты могут оказать в этой работе теоретическую помощь изданием текстов и описанием отдельных диалектов. Было бы желательно, чтобы местные и зарубежные специалисты взаимно использовали достигнутые результаты.

В настоящей дискуссионной статье я предлагаю, чтобы при издании текстов на сургутском диалекте хантыйского языка на латинском шрифте повсеместно, единообразно использовалась та транскрипция, которую дает Н.И. Терешкин в своем словаре (Словарь восточныхантыйских диалектов. Ленинград 1981), вместо транскрипции, разработанной Ласло Хонти (НуК 79: 223–32; 80: 127–39, 327–45; АЛН 27: 271–86), поскольку первая из выше названных вернее отражает свойства произношения и может быть легче усвоена российскими специалистами. Разница состоит в оценке степени подъема некоторых гласных, в восприятии как различных фонем *k* и глубоко-заднеязычного *k̠*, и в обозначении фриколатеральных *l* и *l̠*.

Мной было собрано в 1992 и 1993 году в Сургутском районе значительное количество текстов, и я хотела бы их издать в такой транскрипции, которая была бы принята как российскими, так и зарубежными лингвистами.

Марта Чепреги

ON THE SAMOYED STANDARD LANGUAGES

Ago Künnap

Tartu (EE)

Based on the 1989 census in the Soviet Union, we can get the following picture about the number and the language proficiency of Samoyeds (Künnap 1992: 50, 52):

Nationality	Total number	National language as mother tongue	%	Sum total of speakers of national language	%
Nenetses	34,665	26,730	77.1	27,273	78.7
Enetses	209	95	45.5	110	52.6
Nganasans	1,278	1,063	83.2	1,096	85.8
Selkups	3,612	1,721	47.6	1,817	50.3

In case of **Enetses** not a single attempt has ever been made to create their standard language. Apparently their very small number has been at least one of the essential reasons and it will remain so also in the future. Besides, the Enets language is divided into the Tundra and Forest dialects, phonetically essentially different, for example, in the Tundra dialect (T) *ud'a* — in the Forest dialect (F) *osa* 'meat', T *irio* — F *d'iri* 'month, Moon'; in addition to this there are other differences (Helimskij 1985). Often, though,

Enetses can speak the Nenets language and that would enable them to use the Nenets standard language at will.

The number of **Nganasans** is considerably greater but they, too, have two dialects. However, the speakers of them can easily understand each other (Tereščenko 1979. 4). Apparently, among the main obstacles in obtaining the standard language for Nganasans, one of the northernmost people in the world, has been the long-lasting low level of the investigation of their language. Today it would be principally quite possible to work out Nganasan standard language.

In **Selkup** there are numerous dialects which considerably differ from one another, making mutual communication practically impossible, particularly so between the speakers of northern and southern dialects. In the 1930s an attempt was made to work out the Selkup standard language on the basis of one of the northern dialects, namely the Taz dialect. In the beginning it was based on the Latin alphabet, later on the Cyrillic alphabet. In the years of 1930–1950 several translated and original textbooks were published for the Selkup primary school. Subsequently both instruction in Selkup and publishing textbooks for it were stopped.

Based on newly collected Taz language material, a scientific grammar (Kuznecova–Helimskij–Gruškina 1980) and texts (fairy tales) with translations and with the respective glossary (Kuznecova–Kazakevič–Ioffe–Helimskij 1993) were published in Russian. The publishers of the last-mentioned book refer to its suitability for training teachers for the Selkup school. We have to admit that it is principally really possible, just as it is possible to compile a conversation book in the Taz dialect on the basis of the collected language material.

Two researchers have collected the material of the Narym dialect of Selkup and have also published a conversation book in the Narym dialect (Kuper–Pusztay 1993). It is a Selkup–Russian conversation book (its Selkup–German version is forthcoming). The Narym dialect is one of the southern dialects of Selkup. The authors write that the growth of national self-consciousness among Selkups requires the publication of various study materials. The primers and study aids based on the Taz dialect from among northern dialects of Selkup are not appropriate for the speakers of southern dialects due to great differences between these dialects.

The authors characterize the sociolinguistic situation among southern Selkups as follows: “Many older speakers can still actively use the language, middle-aged speakers know the language only passively, meaning that they understand but cannot speak it. The younger generation does not, in substance, understand or speak it. In the given situation it seems rational to try and activate the middle-aged speakers’ proficiency in the language yet before

introducing the instruction in Selkup at school. This is the main purpose of the given study aid." (Kuper-Pusztay 1993: 6). I suppose this characterization can, without much risk, be extended over the whole linguistic area of Selkup.

In the Tomsk Teacher Training Institute there is the Selkup language laboratory whose aim is to create primers and study aids based on southern dialects of Selkup and so to guarantee the respective teaching in the mother tongue. It is common knowledge that the dialectal differences in Selkup are essential and practically each dialect would need its own study materials. Only years to come will show if such a task is feasible for the experts to solve and if the speakers of the dialects really wish and are able to improve their knowledge of the language by means of the study materials created. At any rate, it is apparent that if no attempt were made to create these study aids, we would never be able to find out.

The overwhelming majority of **Nenetses** can speak the Tundra dialect. There are only about a thousand descendants of the speakers of the Forest dialect and their situation of being without a standard language and without prospects of ever getting one can roughly be compared with that of the **Nganasan** and **Enets** languages, in this respect.

The creation of the **Nenets** standard language for the **Nenets Tundra** dialect was similar to that of Selkup, including the transfer from the Latin alphabet to that of the Cyrillic. The speakers of all vernaculars of the Tundra dialect can freely communicate with each other using their own vernaculars (Tereščenko 1956. 194). The standard language was based on the vernacular of **Bolshaya Zemlya**, having a central position among all other vernaculars. Thanks to such position this standard language proved to be vigorous and so it is in use to date.

Recently Juha Janhunen published a very interesting article "Ethnic death and survival in the Soviet North". In this article he treats of 26 minor nationalities, among them 7 Uralic peoples: **Samis**, **Mansis**, **Khanties**, **Nenetses**, **Enetses**, **Nganasans** and **Selkups**. Among the rest Janhunen emphasizes that, "There remains to be made a comparison of the modern native language proficiency rates with the data concerning the age structure of the 'northern peoples'. In the absence of any comprehensive statistics on the latter aspect, it is inevitable to make a rough approximation of the situation. All available information suggests that the 'northern peoples' have still today relatively high birth and death rates, and a correspondingly young average age. If each population is divided into three generations, aged 0 to 20, 20 to 40, and over 40 years, there is probably no serious mistake in assuming that the young generation comprises roughly one half or some 50% of the total population, while the middle generation comprises one third or

some 30%, and the old generation comprises one sixth or less than 20%.” (Janhunen 1991: 116.)

Now it is possible to specify Janhunen’s assertions concerning the **Nenetses**. Due to the lack of more recent data the following table presents the figures of the 1970 census, reflecting percentage age distribution (calculated from Itogi 1973. 375–376), which, in broad outline, is consistent with the ratio offered by Janhunen 50 : 30 : 20 (a specified approximate ratio of 1970 could so, in the case of Nenetses, be 55 : 25 : 20):

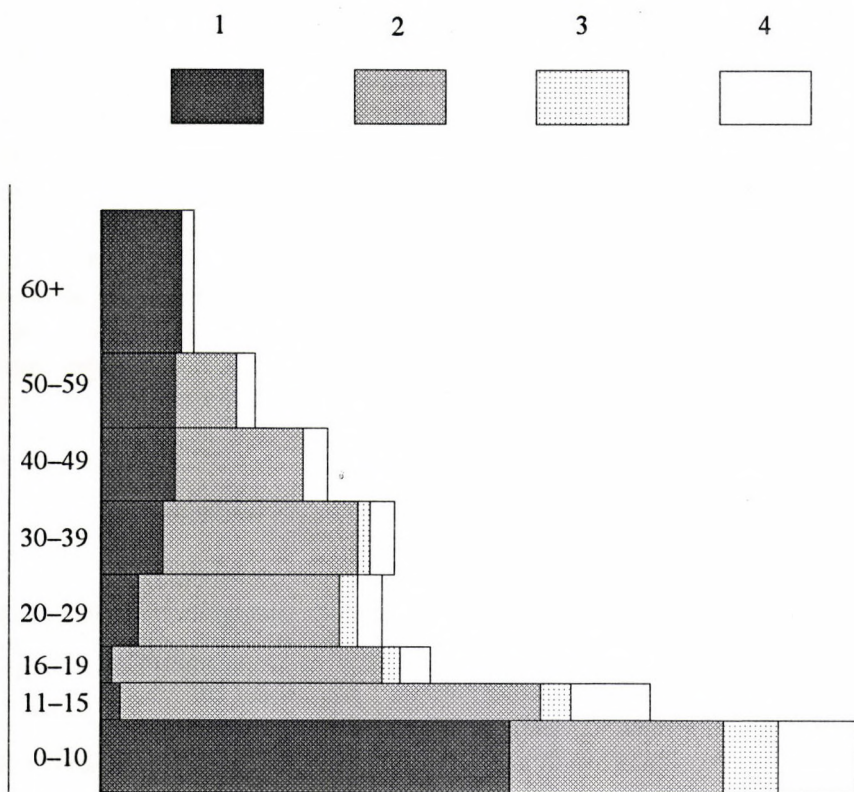
Age	%
0–19	56.7
20–39	24.1
40–	19.2

Making use of the 1970 census data, I drew up a semipyramid which reflects the size of the different cohorts of the Nenetses and their level of proficiency in their native language. In the framework of the semipyramid the ratio of the rectangle areas reveals the ratio of respective numbers of the population. Other data lacking, I used the following four combinations between the national language and Russian in order to describe the proficiency of the former:

	Native language	Second language
1. Native monolinguals	National language	None (or other non-Russian)
2. Unassimilated bilinguals	National language	Russian
3. Assimilated bilinguals	Russian	National language
4. Assimilated monolinguals	Russian	None (or other non-national)

(About the combinations and the formulae of calculating these combinations see Lallukka 1982. 67–69; Lallukka 1990. 276–278.)

The notations of the combinations in the semipyramids are as follows:

A glance at the semipyramid assures us that in 1970 in the age group 0-10 over a half of Nenetses did not know Russian. The reason that pre-school children stayed at home is of primary importance here. The knowledge of Russian is increasing when the children start to go to school which is particularly clearly reflected in the semipyramid when comparing the age group 0-10 with that of 11-15.

These are, however, only the data of 1970. The forfeiture of the national language has been fast during the past generation with Nenetses as well as in the majority of the rest of the Uralic peoples. The tempo of the forfeiture was the quicker the younger the cohort. The published data also indicate which was the percentage of peoples declaring the language of their own nationality as the native language by cohorts for Nenetses in 1970. I would only present the data in two youngest cohorts:

Age	%
0-9	83.0
10-19	82.6

Could we conclude that the tempo of the forfeiture of the native language in the youngest age group remained at least the same hereafter? This conclusion is likely enough (but more likely, though, the tempo was increasing). In this case today, after the elapse of more than a generation, in the age group of 10–19 the percentage of mastering the Nenets language as mother tongue is about 72.6–42.6. Consequently, it could be almost the same now in the age group 0–9.

All the abovesaid allows us to foreshow how the use of the national language as mother tongue and the proficiency in it in general in Nenetses has decreased. And, also, how little is the perspective for any realistic hope of linguistic revival. The fast language assimilation in the youngest and also biggest age category of the respective population convinces us about it.

References

- Helimskij, E. 1985. Die Feststellung der dialektalen Zugehörigkeit der enzischen Materialien. In: *Dialectologia Uralica. Materialien des Ersten Internationalen Symposiums zur Dialektologie der uralischen Sprachen* 4.–7. September 1984 in Hamburg, Wiesbaden (= Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 20).
- Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1970 goda IV 1973. Moskva.
- Janhunen, J. 1991. Ethnic death and survival in the Soviet North. *JSFOu* 83. Helsinki. 111–22.
- Kuper, Š. – Pusztay, J. 1993. *Sel'kupskij razgovornik. (Narymskij dialekt.)* (= Specimina Sibirica VII). Savariae.
- Kuznecova, A.I. – Helimskij, E.A. – Gruškina, E.V. 1980. *Očerki po sel'kupskomu jazyku. Tazovskij dialekt I.* Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Kuznecova, A.I. – Kazakevič, O.A. – Ioffe, L.Ju. – Helimskij, E.A. 1993. *Očerki po sel'kupskomu jazyku. Tazovskij dialekt. (Učebnoe posobie.)* Moskva.
- Künnap, A. 1992. Die uralischen Völker nach den Angaben der sowjetischen Volkszählungen 1959–1989. *Linguistica Uralica* XXVIII. 50–4.
- Lallukka, S. 1982. *Suomalais-ugrilaiset kansat Neuvostoliiton uusimpien väestönlasketen valossa* (= Neuvostoliitto-instituutin julkaisusarja A 11). Helsinki.
- Lallukka, S. 1990. *The East Finnic Minorities in the Soviet Union* (= Suomalaisen Tiedeakateman toimituksia B 252). Helsinki.
- Tereščenko, N.M. 1956. *Materialy i issledovanija po jazyku nencev.* Moskva–Leningrad.
- Tereščenko, N.M. 1979. *Nganasanskij jazyk.* Leningrad.

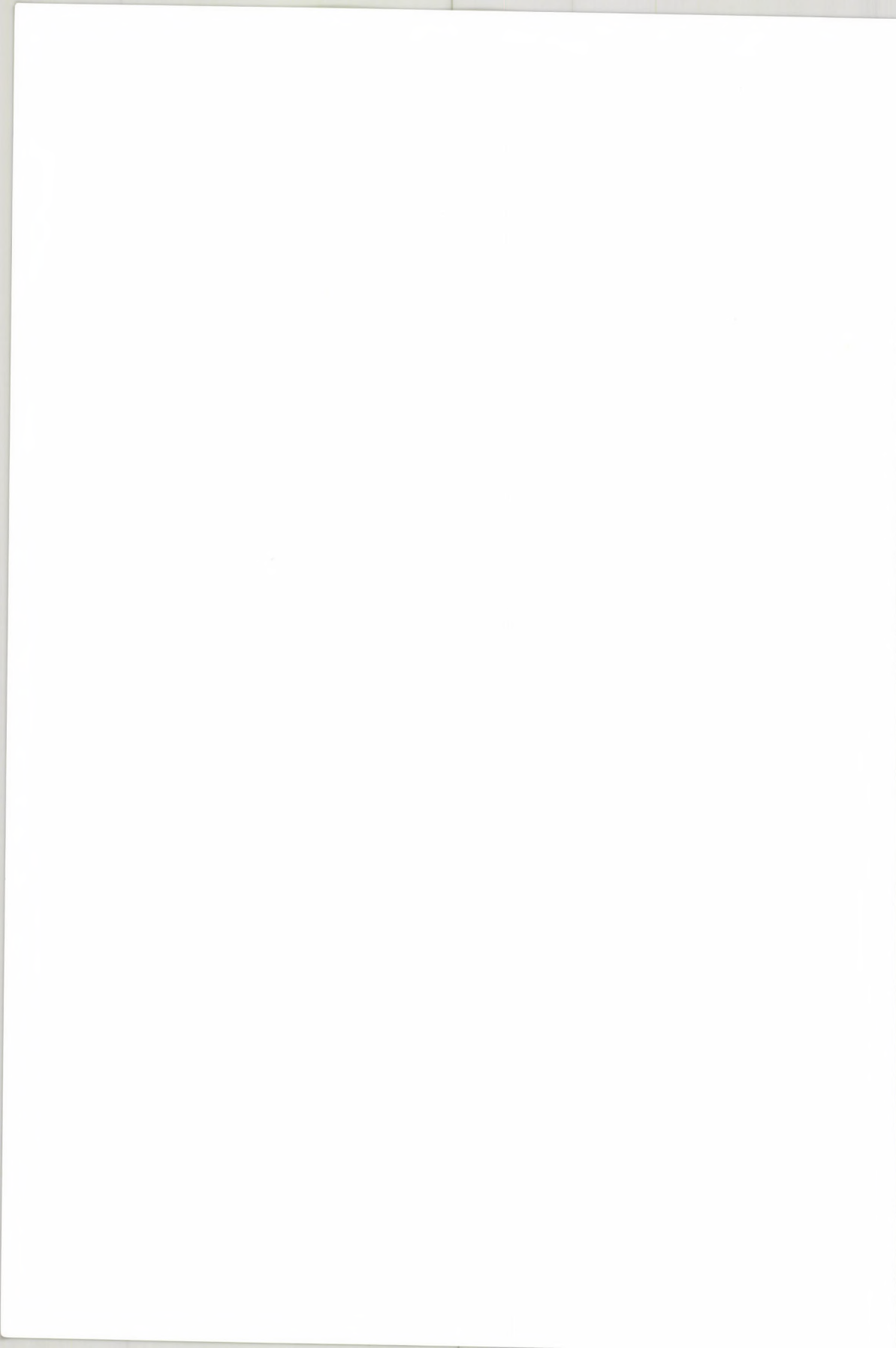
О самодийских литературных языках

Для энецкого и нганасанского языков никогда не делались попытки создать литературный язык. Для селькупского и ненецкого языка были созданы литературные языки на основании одного из диалектов, причем лишь в случае ненецкого языка большинство носителей языка без трудностей понимает этот диалект. Селькупский литературный язык перестали практически применять, а ненецкий литературный язык выжил.

В принципе возможно создать литературные языки и для энцев и нганасанов, а также для носителей южных диалектов селькупского. Лишь время способно доказать, смогут ли языковеды это сделать, а также захотят и способны ли представители соответствующих народов их усвоить.

В статье дается характеристика владения своим национальным языком среди ненцев. Данные переписей населения показывают, что быстрее других теряет свой национальный язык в качестве родного языка младшее поколение ненцев, причем очень быстрыми темпами. Это дает повод бояться, что даже ненецкий язык может не выжить.

Аго Кюннап

NGANASAN AS A LITERARY LANGUAGE — AND FURTHER REFLEXIONS ON LITERARY LANGUAGES

Eugene Helimski

Budapest (H) – Moscow (RUS)

In the course of the field work among the Nganasans on the Taimyr peninsula I had enough opportunities to observe their language skills and attitudes towards their mother tongue. Every detail seems to prove that, even without literacy, this ethnic group—or rather its representatives belonging to the older generation—does have a highly developed standard literary language as the language of oral tradition and, even more, the stable habits of its cultivation, of taking care of it (what is called *nyelvművelés* in Hungarian). It will be hardly fair to insist that in these respects the Nganasans are unique (at least one univocally recognized parallel would be the Homeric tradition in ancient Greece, which was started and continued centuries before the introduction of writing), but they obviously differ from, let me say, Taz Selkups, Izhma Komis, or from the rural Russian-speaking population (to mention only those groups among which I had opportunity for similar observations).

It is testified by abundant evidence from the ethnographic descriptions and from the Nganasans themselves, that the people always attached an exclusive role to the skill and quality of shamanic narrative, to the art of the recital and qualified reception of epics and legends (these used to be the main occupations during the lingering snow-storms, which means—taking the local climate into consideration—for many weeks every year), to mastering the special language of allegoric poetic improvisation (Ng. *kəiŋəiŋsə*).

It was most peculiar to come across numerous and systematic manifestations of linguistic purism. The correctness and stylistic adequacy of speech is under strict self-control, at least in non-everyday speech situations and among the elderly Nganasans. Exquisite, sometimes slightly ponderous polypredicative constructions, nominal forms enriched with emphatic clitics, and relatively rare verbal forms are given obvious preference if a narration (for example, one's life story) has been prepared in advance. Abnormal word usage and grammatical mistakes seem to be always noticed, often corrected, and sometimes mocked at (especially if the speaker is supposed, due to his or her age, to belong to the category of language authorities). Many people are inclined to reflect over synonymy and fine points of semantics, are interested in the internal (etymological) forms of words and especially of proper nouns—even beyond the situation of being interviewed by a field linguist, which provokes this kind of reflexion.

It may appear paradoxical, but I cannot exclude the possibility that this national tradition of language cultivation may have contributed to the drastically high speed of language degradation among the younger generations of Nganasans, which—since the early 1960s—were brought up in a mixed Dolgan–Nganasan–Russian language environment and educated in Russian-language kindergartens and boarding schools. The loss of the Nganasan language occurred so fast that in some families the monolingual Nganasan grandparents just cannot communicate with their Russian-speaking grandchildren without the assistance of the intermediate generation (which is usually bilingual, or, in the worst cases, semilingual—that is, lacking an adequate knowledge of any idiom). However, and despite the evident communicative need—at least that was the case in many families that I know—neither the grandparents nor the parents would display any intention to activate the children's scanty and fragmentary Nganasan language skills, to induce them to speak Nganasan at least as their second language (with Russian as the first one). Cannot it be a conscious or subconscious manifestation of puristic maximalism: "Let them rather not speak our language at all, than butcher it"? (This kind of apprehension appears to be completely justified: the Nganasan language is so complicated that, without having grown up in a "pure" linguistic environment, practically nobody learns to speak it well enough. By the way, the Nganasans unanimously, and not without pride, estimate their language as being very difficult in comparison with neighbouring languages, especially with Dolgan.)

Anyhow, the perfect elaborateness of the Nganasan vocabulary (and, in particular, of its "mental" sphere) and the rich choice of stylistic options contrast with the small size of the population speaking Nganasan (it has

hardly ever been more than 1,000) and the relatively narrow domain of its functioning.

Perhaps the reader may consider the above words of high appraisal to be too subjective. There are, however, also objective signs and consequences of the cultivation of the national language by the Nganasans. First of all, it is evidenced by the state and archaicity of Nganasan morphophonemics, which is extremely complicated and contradictory at first sight, but strictly consistent in its complexity and historically motivated in all its apparent "contradictions" (cf. the consonant gradation, the vowel harmony which reflects the phonetic qualities of early Proto-Nganasan vowels rather than those of their modern reflexes, etc.). Certain morphophonemic rules are disregarded by the Nganasans of the younger generation (the Nganasans who studied in Leningrad and served as informants in the 1970s and 1980s belong to this category)—but the forms which are available even today from elderly people are in this respect faultless, and correspond irreproachably with the forms recorded 150 years ago by M.A. Castrén.

The example of Nganasan is probably very rare, if not unique. Besides, it can hardly be labelled as a positive example: the social and economic developments of the past few decades, and especially the genocidal campaign for "the transfer of nomads to a settled way of life", present a mortal threat to the existence of the Nganasan people together with their culture and their language.

Still, this example—along with some other considerations—prompts the question of whether the standard pattern of creating and developing a literary language (writing—school textbooks—education—formation of a national élite—popularization through the mass media, etc.) is always productive and appropriate, especially if a language belongs to a very small ethnic minority. Cannot it be the case that the efforts should be directed rather to teaching and learning the ethnic oral tradition (in its natural, vivid oral form), to supporting (morally as well as socially and economically) the acknowledged masters of folklore, to creating optimal conditions for the preservation of a minority language in its traditional domains?

The arguments in favour of what was called "the standard pattern" above are so well known that they can be omitted here (even if this means running the risk of sounding biased). These arguments are mainly connected with the idea of raising the prestige of a language by expanding its functional domain.

I am convinced, however, that any expansion of functional domain should be determined by objective necessities rather than by subjective desires or ambitions. It is very good if an impetus is given by the real needs of a language community (perhaps the gradual development of Saami political

terminology in connection with the activities of the Lapp Council and of Lapp parliaments may serve as a positive example). Otherwise this process may produce deplorable results. It will be sufficient to recollect the typical ideologically indoctrinating editorials (so obligatory in the former Soviet Union) or political and informational columns in native-language republican newspapers (Komi or Mordvinian, Kalmuck or Yakut)—monstrously filled with Russian loanwords, with syntactic constructions alien to the language, abundant in semantic and phraseological loan-translations. It was characteristic of these texts that they could be sufficiently well understood—at least as far as their general content was concerned—by a Russian reader having absolutely no idea about the language in question, but remained largely or completely incomprehensible to those speakers of this language who did not have good command of Russian. The absurdity of “developing” national languages, of “expanding” the domains of their functioning, in this—purely mechanical and fictitious—manner is evident.

A very serious danger consists in the fact that many features of the practice of so-called “cultural building” in the former Soviet Union, as well as the mentality and the stereotypes formed by this practice, are now going to dominate “national rebirth” activities in Russia and possibly also in other successor states. The approaches to the problems of literary languages, in particular, need consideration and reconsideration. For ethnic and linguistic minorities the preservation of cultural distinctiveness seems to be in many respects preferable to following the ways of other cultures in order to become their diminished copies.

Нганасанский язык как литературный: размышления по поводу литературных языков

Опыт полевых исследований на Таймыре позволяет констатировать, что нганасанский язык, не располагая письменностью, фактически имеет хорошо развитую и стандартизованную литературную форму, которая (во всем многообразии стилистических вариантов) реализуется в фольклорных текстах и близких им жанрах (шаманское камлание, автобиографическое повествование). Особенно интересна практика сознательного культивирования нганасанского литературного языка, которая, судя по всему, носит традиционный характер и обусловила исключительную архаичность языка в ряде грамматических аспектов. Тем трагичнее выглядят последствия насильственной ломки всего уклада жизни нганасанов, в их числе — катастрофически быстрые темпы утраты

родного языка поколениями, родившимися в конце 1950-х гг. и позднее.

Пример нганасанского языка — наряду с некоторыми другими соображениями — заставляет поставить вопрос о том, насколько целесообразна и эффективна стандартная модель формирования новых литературных языков (создание письменности — выпуск школьных учебников — образование — появление национальной интеллигенции — использование в СМИ), особенно когда речь идет о языках небольших этнических меньшинств. Думается, что практика, связанная с “культурным строительством” советской эпохи и в ряде отношений ущербная, вряд ли сможет оказаться более успешной в рамках нынешних усилий, ориентированных на “национальное возрождение”. Для этнических и языковых меньшинств сохранение своей культурной специфики в ее традиционных формах представляется во многом более предпочтительным, чем копирование инокультурных моделей.

Евгений Хелимский

